

Михаил ВОЛИН

ПРОФЕССИЯ ПОДОНКИ

ПРОФЕССИЯ ПОДОНКИ

ОЧЕРКИ О РАБОТЕ УКРАИНСКОЙ КАРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Я посвящаю эту книгу своему сыну и своим родителям.

Я посвящаю ее тем тысячам заключенных, которые прошли через пыточные застенки украинского МВД и СБУ.

Я посвящаю ее памяти комсомольца Сергея Бердюгина, убитого подонками в милицейской форме.

Я посвящаю ее моим товарищам-политзаключенным, и моим сокамерникам, обвиняемым и осужденным за уголовные преступления, потому что и среди них встретил достаточно людей, достойных сочувствия...

Я посвящаю ее тем, кто испытал на себе весь кошмар, жестокость, подлость и бездушие украинской правоохранительной системы.

Я давно собирался написать эту книгу. Это – мой долг перед товарищами, перед близкими и незнакомыми, перед всеми людьми. Эта книга в большей или меньшей степени касается всех граждан Украины. Даже тех, кто находится пока в счастливом неведении, живет по принципу «человека в футляре» и думает, что, раз беда не коснулась еще их дома, не стоит раньше времени волноваться... Страшное, роковое заблуждение!

СОДЕРЖАНИЕ:

Пролог
Наружное наблюдение. Методы. Чего добиваются. Психологическое обоснование.
Задержание. Действия оперов. Преступные инструкции. Примеры.
Допросы
операми (пытки, избиения, методы, примеры),
следователями.
Содержание в ИВС (условия, пресс милиции, прогулки).
Тюрьма (условия, камеры, баня, пресс-хаты, работа тюремных оперов, старших смены.
Судебный процесс (вывоз на суд, в тюрьме, конвой, обыски, пресс конвоя, действия судей).
Этап.
Места лишения свободы.
Заключение. Государственная машина (Почему мы имеем именно такую правоохранительную систему.)

Пролог

Ночь. Безмятежно спит южный город, окунувшись в запахи только-только появившейся листвы и цветущей акации. Ласково, убаюкивающе шумит Черное море. Ветерок несет по асфальту еще не прибитую утренней росой пыль. По плохо освещенным улицам на большой скорости проносятся такси и милицейские машины с включенными мигалками, но без сирен – берегут спокойствие граждан.

Оштукатуренное серым цементом, мрачное трехэтажное здание. Над входом горит яркий фонарь, освещая обшарпанную лестницу и стеклянную зарешеченную дверь. На импровизированной стояночке возле лестницы стоят несколько дорогих иномарок и один выдавший виды старенький милицейский УАЗик. За зданием высокий забор, оштукатуренный так же, как и само здание. Серые глухие ворота. Все это великолепие венчается густым переплетением колючей проволоки и ярко освещено прожектором.

В здании почти все окна темны. Кажется, здесь тишь и спокойствие. У входа, тоже за решеткой и стеклом, сидит сонный милиционер в мятом кителе, обвешанный, как рождественская елка, значками и эмблемами. Он зевает и лениво почитывает какой-то журнал, иногда поглядывая на пульт с множеством лампочек и телефонов.

Тишина. Телефоны не звонят, лампочки не загораются. Время от времени тишину нарушает шелест перелистываемых страниц глянцевого журнала с полуголыми девицами на обложке.

Офицер в звании капитана усмехнулся... Тишина, спокойствие – только на первом этаже. Все остальное мрачное здание живет своей не менее мрачной, ночной жизнью.

По полутемным коридорам третьего этажа несутся истерические крики. Толстые бетонные стены заглушают их. И капитан у входа внизу не слышит ничего. Но это не значит, что он не знает, что происходит на верхних этажах.

Ярко освещенный кабинет. Два стола. Окно наглухо занавешено звуко и светонепроницаемыми жалюзи. Два стула. Еще один, поломанный, грустно лежит в углу.

На полу, возле батареи отопления, валяется истерзанный человек. Его волосы слиплись от крови. Он прислонился лицом к металлу батареи. Руки наручниками пристегнуты к ней же. Человек тяжело дышит и, кажется, плачет. Все его тело судорожно вздрагивает.

- Сука, ты будешь говорить?! – истерически орет молодой рослый парень в черной футболке. Футболка обтягивает плечи и торс, хорошо видны накаченные мышцы. Одним движением он выливает на человека ведро воды. Тот снова вздрагивает и еще больше прячет лицо в ребрах батареи.

Еще один персонаж этого действия: тоже рослый, с первого взгляда – спортсмен, с коротко стриженными ежиком волосами. Этот устало сидит верхом на стуле задом наперед, положил руки на спинку и курит. В глаза сразу бросается, что обут он явно не по сезону – в тяжелые армейские ботинки.

По полу, раздвигая пыль и окурки, текут ручьи. Тот, что на стуле, стремительно встает, щелчком бросает на пол окурков и начинает ногами бить лежащего на полу. Бьет довольно долго. По голове, по спине, в живот. Бьет с расстановкой, со знанием дела. Прикованный к батарее начинает совсем не по-человечески выть.

- Заткнись, сука! – рывкает тот, что в футболке, и наносит удар резиновой палкой по почкам. – Говори!

Но говорить человек уже не может. Видно, как он весь расслабился и вытянулся в грязной луже на полу. Наверное, потерял сознание.

- Вот гнида, - подводит итог тот, что в ботинках. Вид у него, действительно, усталый. Светлая, с коротким рукавом рубашка прилипла к телу и пошла пятнами.

– Ливани еще воды, - предлагает другой.

Неожиданно открывается дверь и заходит еще один. Высокий, но не спортсмен. Стрижка – почти белый ежик. Мощный затылок и совершенное отсутствие лба над белесыми ресницами говорит о полном отсутствии интеллекта. Глаза пусты, не выражают никаких эмоций и такие же белесые, как и брови. Одет он элегантно: светлая в клетку рубаха, почти белые, хорошо наглаженные стрелками брюки.

- Что, до сих пор ничего не сказал? – с каким-то истерическим смехом спрашивает белесый. Это – смех психически нездорового индивидуума. Парень в футболке опасливо косится на вновь прибывшего и отрицательно качает головой.

- А ну-ка, помогите мне, - вошедший все продолжает улыбаться.

Растерзанное тело отстегивают от батареи и парень в ботинках дает человеку несколько пощечин. Лицо человека и без того обезображено побоями и опухло. Глаз почти не видно. «П...ры», - прохрипел он и закашлялся.

- Сейчас, сейчас, и все будет хорошо, - дружелюбно похихатывает белесый.

Допрашиваемого грубо сажают прямо в лужу на полу и подтягивают его согнутые ноги к животу. Как кольцом сверху на колени натягивают руки, застегнутые в наручниках. Палачи знают, что делают. Каждое их движение уверенно и точно. Приносят обычный стальной лом и всовывают его в узкий промежуток между руками человека и под его коленями. Быстро, рывком поднимают лом и располагают между двумя столами. Человек испускает дикий вой, начинает дергаться, но быстро понимает, что каждое движение причиняет ему невыносимую боль, и затихает, повиснув в этой неестественной позе.

- Сейчас, сейчас... - продолжает приговаривать белесый, все так же улыбаясь.

Как по волшебству, в кабинете появился противогаз и старый электрический военный телефон с ручкой «динамо» сбоку, увитый проводами. Все эти принадлежности, наверное, бережно хранились в тумбочке письменного стола.

Через минуту на висящем человеке красовался противогаз. Белесый закрыл шланг. Человек начал извиваться и мычать под резиной.

- Надо подписывать все, что дают, - ласковым голосом убеждал палач. И тихо сказал своему напарнику: - Принеси черемуху!

В шланг мощной струей ударил слезоточивый газ. Человек на ломе начал кашлять, потом затих. Палач быстро снял противогаз с жертвы. Тот, глотнув свежего воздуха, надсадно закашлялся. Глаза у него были широко раскрыты, в них застыл ужас:

- Что вы творите, суки?!

Белесый молча натянул противогаз и взял баллон с черемухой...

Это повторилось несколько раз. Допрашиваемого вырвало кровью и бледно-розовые струи потекли по его щекам. Тело его в конвульсиях начало дергаться и раскачиваться на ломе. Видно, он не мог долго держать колени в согнутом состоянии; под массой его тела ноги выпрямлялись все больше и больше. Наручники уже разрезали кожу на кистях рук. Тонкими струйками по рукам потекла кровь.

- Ну, что, будем все рассказывать? – спросил белесый.

- О чем, что вы хотите, суки? – прохрипел человек.

Белесый, судя по всему, привык, когда его называют «сукой», и не обиделся.

- Про то, как ты турок ограбил, - подсказал палач.

- Ничего не знаю...

- Хорошо, - согласился белесый и начал медленно распутывать провода на старинном полевом телефоне. Один провод с петлей на конце он накинул человеку на одно ухо, а другой – на второе, и внимательно, почти с участием, глядя на свою жертву, крутанул ручку динамо-машины.

Человек на ломе не выдержал. Он готов был уже подписать все, что угодно. На пол сквозь штаны потекла моча...

- Снимите его, пусть отдохнет. И все подпишет! – сказал белесый, одевая свои часы. – Я поехал.

Выполнив свою заплочную работу, он вышел из кабинета. Остальные, повинуясь его приказу, сняли обессиленное тело с этой современной дыбы и бросили на пол.

Читатель! Не удивляйся. Этот эпизод – не описание работы костоломов из гестапо и не хроника допросов в пиночетовских застенках. Нет. Все это пережил Вячеслав С. в Суворовском РОВД г. Одессы в 2002 году. Белесый – известный в своих кругах палач, пыточных дел мастер, оперуполномоченный по фамилии Сорочан.

- Ты знаешь, - рассказывал мне Вячеслав в тюремной камере, - так, как они меня били, я бы терпел и неделю. Конечно, было больно, я кричал, но, по сравнению с тем, что они со мной сделали потом, простое избивание было еще терпимо. Когда же я увидел этого уродца Сорочана на пороге кабинета, понял – не выдержу.

С ним я встречался и в Киевском, и в Ильичевском райотделах. Меня трое суток возили по городу. Чтобы родственники не могли найти. Из райотдела в райотдел. И пытали...

Говорят, Сорочан уже работает в Малиновском РОВД, его тоже прячут, переводят с места на место. Он *им* нужен. Он *им* раскрываемость делает.

...Вячеслав подписал показания и был осужден к девяти годам лишения свободы.

Почему суд, прекрасно зная о методах допросов, царящих в украинской милиции, взял за основу такие показания?

Почему милиция реанимировала средневековые методы дознания?

Как и для чего используется наружное наблюдение?

Для чего еще используются тюрьмы и следственные изоляторы кроме своей основной функции – содержания арестованных?

И почему такое стало возможно в нынешней Украине?

Вся, предлагаемая Вам информация, основывается на личном опыте, рассказах других заключенных, и даже на рассказах сотрудников милиции и СБУ.

Зрелище открывается жуткое, но «что маемо, то маемо».

Наружное наблюдение

По закону и официальным инструкциям наружное наблюдение могут назначить лишь решением суда. Если тот или иной человек попал под подозрение в совершении уголовных преступлений, на него заводится уголовное дело. Либо уголовное дело заводится по факту какого-либо преступления. Следовательно, подозреваемый автоматически превращается в «фигуранта». По крайней мере, до выяснения обстоятельств.

Вот для выяснения этих обстоятельств, для сбора информации, отслеживания связей с возможными подельниками, установления источников финансирования возможных преступных деяний, предотвращения побега от будущего следствия и должно применяться наружное наблюдение.

В жизни все далеко не так.

Во все времена правоохранительные органы широко использовали в работе сеть информаторов. Далеко не всегда это честные сотрудники правоохранительных органов (ПО), внедренные в уголовную среду. В большинстве случаев информаторы – это деградированные, получающие деньги и льготы от ПО уголовники.

Сейчас широко распространено «крышевание» сотрудниками ПО некоторых уголовников. Они работают по принципу: «Ты совершаешь преступления, мы тебя спасаем от ответственности и суда, а взамен ты будешь поставлять нам нужную информацию». Чтобы отработать свой хлеб и доказать свою лояльность милиции, эти информаторы (часто наркоманы) поставляют и недостоверную информацию, порой откровенно надуманную. ПО обязаны ее проверить – и тогда за объектом оговора устанавливается наружное наблюдение.

Является ли это законным процессуальным действием? Решение о проведении этих оперативных мероприятий принимает сам оперуполномоченный, либо следователь... В лучшем случае – районный прокурор. ПО сознательно идут на нарушение закона, ибо по-другому «разоблачить» подозреваемого они не могут.

Если даже «объект» наблюдения доходит до суда, в материалах дела напрочь отсутствует информация о наблюдении и его результатах. Часто, читая материалы уголовных дел, удивляешься: откуда информация? Или, напротив, задаешься вопросом: где же факты? Возможно, они и есть – в результатах наружного наблюдения, но этих результатов никому не покажут, ссылаясь на секретность оперативной работы. Само понятие «наружное наблюдение» несовместимо с широко рекламируемыми прелестями буржуазных «свобод», «открытого общества», «гласности» и «демократии».

Рассказывает Вячеслав, осужденный за бандитизм:

- В деле следователи написали: «Играл в футбол в составе банды!» Это наружка увидела, что я с друзьями играю по воскресеньям в футбол. Потом все это, конечно, подтвердили на следствии. Безусловно, все

мы друг друга знаем... Вот и банда готова! А хранение оружия и разбой, допрашивая людей под пытками, повесили почти на всех!

Так обстоит дело с уголовными преступлениями. Чуть по-иному происходит с неугодными депутатами, бизнесменами, оппозиционными журналистами и другими «неблагонадежными», с точки зрения государства, людьми. Информаторы-наркоманы здесь бессильны. Политики, журналисты, бизнесмены не вращаются в этих кругах и знакомых среди преступников не имеют. Или имеют, но таких, которые не всегда по зубам правоохранительным органам.

В этом случае инициатива об организации наружного наблюдения исходит не снизу, а сверху, от самого милицейского руководства. От министра внутренних дел, начальника СБУ. Даже от президента.

Участь объекта наблюдения от этого легче не становится. Сотрудники ПО, участвующие в наблюдении, пытаются выслужиться, как говорится, рвут жилы. Цели наблюдения несколько изменяются и усложняются: сбор информации теперь далеко на последнем месте. На первом – психологическое давление, попытка запугать человека, спровоцировать на неадекватные действия или заставить отказаться от политической деятельности. Сотрудники, осуществляющие НН, сами понимают, что никакой особо ценной информации они не соберут (возможно, лишь определят круг знакомств «объекта»), потому работают откровенно, не маскируясь, часто хамят и провоцируют.

За автором этих строк спецслужбы установили наружное наблюдение сразу после выборов в Верховную Раду в 2002 году. Трудно сказать, что их подвигло на это. Или радикальные антиправительственные листовки, которые распространяли мои сторонники, или не менее радикальные речи на митингах... Не знаю. СБУ хранит правду под семью замками.

Так или иначе, НН в отношении меня велось поразительно непрофессионально! Иногда мне казалось, что для этого дела привлекли самых безграмотных курсантов милицейского училища. С самого начала они все же пытались скрыть свое присутствие, но бдительные соседи по дому сообщили мне о незнакомых мрачных личностях с радиостанциями в руках. С этого момента я знал об их существовании. А еще через некоторое время начал их узнавать в лицо.

Как я уже упоминал, работали они топорно, в две смены, периодически меняясь. Неоднократно была возможность уйти от своих навязчивых соглядатаев. Я не делал этого, потому что не видел смысла. Преступления я не совершал, а нервы у меня достаточно крепкие...

Когда сотрудники НН поняли, что я обнаружил их, они перестали маскироваться вовсе. Тут уже началось чистое психологическое давление и провокации.

Считаю нужным отметить, что все эти негативные воздействия направляются НН не только против объекта наблюдения, но, что еще подлее, и против членов его семьи.

...Я сидел в глубине торгового контейнера на рынке, на рабочем месте моей жены. Она, как обычно, торговала. Мимо контейнера раз пять прошел низкорослый, худой, вертлявый парень в кожаной куртке. Всем своим видом, расхлябанной походкой, самодовольно-наглым выражением лица, осанкой победителя он показывал свое превосходство над окружающими. Зная, что за мной следят, первой не выдержала моя жена:

- Молодой человек, что вы тут ходите? Вы мешаете торговле! Может быть, вы воришка?

- Девушка, а почему вы со мной так разговариваете? – растягивая по-наркомански слова, прогнусавил этот спец наружного наблюдения. – Вам что, больше всех надо? На его слова отреагировал весь ряд женщин-реализаторов, которые тоже давно заметили этого наглого юнца и следили за его перемещениями. Начали возмущаться, уверенные, что подозрительный тип, похожий на наркомана, высматривает, как бы стащить с прилавка товар. Он явно не ожидал такого отпора. В глазах появилась неуверенность, граничащая со страхом.

- А ты что, козел, так с моей женой разговариваешь?

Я подскочил к нему и сильно толкнул. Он едва устоял на ногах, окончательно струсил, но не ушел, словно нарочно дожидаясь, когда я его ударю. Хотелось!.. Но я не доставил ему такого удовольствия.

Тут еще моя жена добавила громко:

- Да оставь эту гниду! Ты ударишь его, а он тут же корочки ментовские из кармана достанет.

Я и сам это понимал.

Вертлявый субъект испарился и больше в НН я его не видел. Наверное, начальство решило, что он малость перегнул палку, и его убрали.

Подобные ситуации случались неоднократно. Меня тогда все это только сместило. Но, как бы там ни было, наружка своей цели, хоть и частично, но добилась. В нашей семье воцарилась атмосфера нервозности, жена и сын боялись за мое будущее. Обстановка круглосуточной слежки угнетала. Это и требовалось в данном случае от сотрудников НН. Заставить человека нервничать, совершать ошибки и необдуманные поступки, вселить в его душу страх, создать истерическую обстановку в семье, на работе, внушить «наблюдаемому» мысль о могуществе спецслужб, об их вседозволенности, о невозможности от них защититься...

В случае со мной метод откровенной и наглой слежки, слежки напоказ, не увенчался полным успехом, но скажу честно: ощущение, будто ты – насекомое под увеличительным стеклом, под конец стало угнетать и меня.

Сколько людей на Украине подвергается такому издевательствам? Скольких вогнали в панику, довели до нервного срыва?.. Такой статистики нет. Но чувство неуверенности и страха, неверие в защиту закона – присутствует в нашем обществе постоянно и повсеместно.

Наружное наблюдение преследовало журналиста Г. Гангадзе накануне его убийства. Преследовала наружка и многих других журналистов, политиков, бизнесменов. Люди по-разному реагируют на подобное «внимание» со стороны государства. Рассказывают, что некоторые «объекты» очень даже дружелюбно здоровались со своими преследователями, даже предлагали им еду и горячий чай, кофе... Другие, напротив – срывались, не выдерживали.

С точки зрения психологии все понятно: человека пугает неизвестность. Этим и пользуются ПО. Ведь никто из граждан не знает, ЧТО последует за наружным наблюдением – арест, задержание, избивание?.. Или смерть? Неизвестность и порождает страх. В памяти всплывают кадры шпионских фильмов. Там филеры, выслеживающие свою жертву, всегда имеют какой-то специфический вид, который сразу выдает их (чтобы было понятнее зрителю). Шляпы, надвинутые на глаза, плащи, кожаные перчатки... В реальной жизни этих атрибутов, конечно, нет. Сотрудники наружки стремятся слиться с толпой, изображают из себя наркоманов, студентов, даже иногда влюбленные пары. Ездят на обычных неприметных машинах. Но выдают их лица. Это лица ищек с беспокойными бегающими глазами.

Если вы оппозиционный политик или бизнесмен, поссорившийся с налоговиками, знайте: рано или поздно вас захотят ликвидировать. В этом государстве в покое никого не оставляют, даже покойников. Либо вы слишком много знаете, либо кому-то приглянулся ваш бизнес, - и вы автоматически становитесь лишним. Вот тогда мой вам совет: будьте внимательны!

Когда, выходя из дома, вы видите постоянно одну и ту же целующуюся парочку, лучше всего – наведите справки у всезнающих старушек, всегда восседающих на скамейках возле подъезда; они вам сообщат, что это за «влюбленные». Если парень и девушка не проживают в вашем доме и старушки не знают их, значит, скорее всего, наружное наблюдение уже установлено. Но они не обязательно пойдут за вами, когда вы отправитесь в город. Возможно, их функция ограничивается тем, чтобы сообщить коллегам: «объект вышел из квартиры».

Фиксируйте незнакомые лица, слишком часто попадающие в поле вашего зрения. Запоминайте. Возможно, это наружка.

Обращайте внимание на автомобили, стоящие возле вашего подъезда и вообще возле дома. Запоминайте их номера. Постепенно вы отсеете из своей памяти номера машин, действительно принадлежащих жильцам вашего дома. А с остальными будьте поосторожнее. Помните – машина с наружкой может стоять в любом месте, лишь бы оттуда был виден вход в ваш подъезд или в частный дом. Мысленно определите такие места, а потом проверьте – вдруг там уже стоит машина с двумя угрюмыми типами?

Ну, а если под вашим домом зимой ночью стоит автомобиль с работающим двигателем, - это на 90% наружка! «Бойцы невидимого фронта» греются. И если возле дома часто стоит чужая машина, а водитель, подняв капот, с серьезным видом копается в моторе, - тоже, скорее всего, наружка.

Не паникуйте. Их цель – не только отслеживать ваши передвижения, но и породить в вашей душе страх.

Обнаружив сотрудников НН, прекратите все телефонные разговоры на серьезные темы, и даже дома прекратите все разговоры, которые могут представлять интерес для спецслужб. Вас могут прослушивать. Причем, и домашний телефон АТС, и мобильники, и всю квартиру вообще.

Нынешняя техника такова, что есть возможность не только прослушивать ваш мобильный, но и узнавать, где вы при этом находитесь. Компьютер безошибочно отсканирует ваш голос и найдет в эфире частоту вашего мобильного телефона, его номер, модель... С этого момента ваш собственный мобильник будет работать против вас. Будет служить «жучком». Через него могут прослушиваться не только телефонные разговоры, но и ваши беседы с другими людьми тет-а-тет. Выключать его бесполезно: как «жучок» он все равно будет работать и в выключенном состоянии. Можно, конечно, вытащить батарею... Но результат и в этом случае сомнителен – вас все равно могут слушать. Говорить о деле нельзя.

Установив за вами наружное наблюдение, ПО могут поставить на прослушивание и телефоны ваших друзей, родственников, вообще всех, кому вы когда-либо звонили. Недооценивать врага не стоит.

Повторюсь: цель наружного наблюдения, помимо сбора информации, лишить вас и ваши семьи душевного равновесия. Тем более, если наблюдение уже вами обнаружено. Они будут очень довольны, если вы начнете нервничать. Паникуя, вы можете совершить (к восторгу ищек) какую-нибудь ошибку и усугубить свое положение – сейчас и в будущем.

Пользуйтесь теми же методами, какими пользуются спецслужбы. Заставьте их психовать. Лично я, когда за мной следили, говорил по всем телефонам всякую чушь. Называл из раза в раз сотрудников НН негодьями. И не подумайте, это не мальчишество. Пусть слушают! Они ведь тоже какие-никакие, но люди. И у них тоже есть нервы.

За мной сотрудники наружки ездили на трех машинах. Очень быстро я запомнил их номера. Иногда, проезжая по городу, без всяких причин, я мог вдруг остановиться, запереть свою машину и пересестись в обычный троллейбус. Я со смехом наблюдал, как мои «опекуны» выскакивали из своих машин, не зная, что я предприимчиво дальше, затем опять прыгали в машины и ехали черепашьим шагом за троллейбусом. А я через несколько остановок выходил из троллейбуса и долго шел пешком... Опять паника в стане врагов: надо вылезать из машины и тащиться за мной, стаптывая ботинки!

Частенько я практиковал такой трюк: зайду за какой-нибудь угол здания и встану там. Приятно видеть замешательство врага, столкнувшегося со мною лицом к лицу и не знающего, что делать дальше. Ведь

когда я иду навстречу им, они должны как-то исхитриться, чтобы развернуться и снова брести за мною следом, и чтобы это выглядело естественно! Нет, это было не мальчишество с моей стороны – я умышленно заставлял нервничать сотрудников наружки. Они то напрягали свое внимание, то расслаблялись. Это было похоже на расшатывание лодки. Неизбежно, шаг за шагом, они теряли бдительность. Потом, думая, что я ухожу от преследования, вновь напрягались. Но тут же, увидев, что я никуда не скрылся, позволяли себе расслабиться вновь... В результате нервная система их утомлялась и внимание неизбежно ослабевало.

Несколько раз наружка действительно теряла меня из поля зрения. Обычно происходило это на городских рынках, хорошо знакомых мне... Но для филеров эти места, по всей видимости, оказались неизученными.

Отрыв от наружного наблюдения – это очень серьезный акт. Здесь нужно действовать безошибочно, наверняка. В противном случае, если преследователи увидят, что вы целенаправленно уходите от них, может поступить команда на задержание. И потом будет очень трудно объяснить следователям и судьям, почему вы решили скрыться.

Уход от наружки должен быть тщательно продуман и подготовлен. Прежде всего, надо заранее знать, где вы будете жить после этого. Все контакты со своим прежним жилищем придется прекратить – и личные, и телефонные, так как это легко может привести к обнаружению вас и к аресту.

Есть еще один очень действенный шаг – совершенно законный ответный ход. Как только вы достоверно установили, что за вами установлено наружное наблюдение, – незамедлительно пишите заявление в Генеральную прокуратуру и Уполномоченному по правам человека. Сообщите им, что за вами следят неизвестные люди, что вы опасаетесь за свою жизнь и за безопасность семьи. Прокуратура обязана рассмотреть это заявление и, если наружное наблюдение установлено незаконно, то есть не оформлено как положено, вы внесете в ряды спецслужб некоторое замешательство.

Вообще надо широко использовать общественное мнение для защиты своих конституционных прав. Сообщите о наружке своим соседям, знакомым, напишите в газеты. Узнав, что за вами следят, знакомые и соседи сами начнут высматривать ваших преследователей и сообщать вам об их передвижениях. Это будет нервировать спецслужбы. А нервничая, они станут совершать больше ошибок. Что вам и требуется.

В любом случае нельзя спецслужбам доставить удовольствие и показать, что вы их боитесь. Этого они больше всего хотят! Ибо общество, в котором царят неуверенность и страх, очень удобно любому несправедливому государству. Запуганными людьми легче управлять.

Задержание

Эта процедура является логическим завершением наружного наблюдения. Задержание не подразумевает никакого сбора информации. Это чисто силовая операция. Ну, разумеется, включающая в себя еще и давление на психику. Как правило, в наше время эта акция сопровождается истерическими криками: «Всем на пол! Милиция!». Часто сопровождается и побоями...

- Мы сидели с женой в кафе, – рассказывает Александр, также осужденный. – Ворвались «беркуты» в масках, орут: «Всем мордой в землю, работает шестой отдел!». Перевернули столики. Моя жена попыталась возражать, ее с силой ударили прикладом автомата в лицо, сломали челюсть, бросили на пол. Я кинулся на этих уродов. Меня полчаса били. Все посетители кафе валялись пузом вниз в кофейных и винных лужах на полу. «Лежать, лежать! – как невростеник, выкрикивал их начальник, мужчина в возрасте, с бульдожьим лицом. И при этом ногой бил меня по затылку, а я тыкался мордой в кафель пола. Потом меня и еще нескольких мужиков из кафе загрузили в машины и отвезли в райотдел. Утром выпустили. Какой смысл был всех ложить на пол и избивать? Ведь это была обычная проверка документов.

...Александр был осужден позже и при иных обстоятельствах. Но, возможно, что его уважение к законам страны было подорвано именно тогда, когда «правоохранители» на его глазах изувечили его жену. И не понесли за это никакого наказания.

Да, теперь это украинские будни. Раньше такого не было. Орала и били при задержании только тех, кто оказывал сопротивление, но это было большой редкостью.

А вот другой пример:

- Я сидел в баре и ждал покупателей на оружие. Решил подзаработать на этом денег, – откровенно рассказывает Вячеслав С. – Под столиком поставил сумку с автоматом «УЗИ», который принес на продажу. Смотрю, в дверь зашел покупатель, но по его лицу мне следовало бы понять – что-то не то... Он подсел ко мне за столик, начали договариваться. Договорились. Я под столом ногой двигаю в его сторону сумку с автоматом, а он, к моему удивлению, двигает ее обратно... Я обомлел, все произошло мгновенно: в бар ворвались человек шесть спецназовцев в масках и человека три в «гражданке». Один из них, как потом оказалось, опер, кинулся ко мне и схватил за голову. И в этот же момент один спецназовец ударил меня по голове ногой, но случайно попал по рукам того опера. Я ему благодарен по гроб жизни! Если б не его руки, то этот бык меня бы просто убил.

Зачем это все? Я ведь не сопротивлялся. Оружие в сумке было разобранное. Хватило бы просто навести на меня «макаров» - я бы не геройствовал, это в данной ситуации бессмысленно. Так нет же, чуть голову мне не отшибли напрочь. А менты меня потом прятали почти месяц по райотделам: у меня с правой стороны головы выросла шишка размером с еще одну голову. А оперу спецназовец сломал руку.

Раньше, еще лет двадцать назад, заламывали руки за спину и одевали

наручники. Это называлось – задержание. На словах, за эти «постсоветские» годы наше общество сильно продвинулось в сторону демократии. Были созданы спецподразделения милиции, вооруженные до зубов и скрывающие свои лица под масками. Под эти спецподразделения были написаны специнструкции.

Теперь при задержании, независимо от того, оказывают подозреваемые сопротивление или нет, их обязательно бьют и швыряют в грязь, лицом вниз. Таких историй бесчисленное множество. Верхом милицейского беспредела могут служить события, откровенно показанные в фильме «Обыск». На обычный обыск в обычный офис спецназовцы приехали на БТРе, увешенные огнестрельным оружием, в масках, в бронезилетах. Подчеркиваю: обыск производился не в бандитском притоне, не в Чечне, а в офисе обычной гостиницы и в столовой при ней. Били женщин! Садовницу, которая поливала цветы, кинули лицом в размокшую землю. Официанток и поварих валили на пол, сбивая с ног, как кегли, тяжелыми мужскими пощечинами.

В чем же смысл такого поведения работников правоохранительных органов? На первый взгляд, смысла тут никакого нет. Но, оказывается, есть. Причины чисто психологические, и это главное.

С глубокой древности известно, что сильный и мужественный человек – милосерден. Такой человек и ударить просто так не сможет. Напрашивается вывод – в милицейском спецназе, в подавляющем большинстве, служат слабые духом, безграмотные, а порой просто агрессивные, тупые и трусливые люди. Именно из-за этого, из-за своего страха, они истерично орут, брызгают слюной, матерятся, бьют всех подряд. Они испытывают животный страх перед теми, кого задерживают. Чтобы поднять свой «боевой дух» они и заходятся в истерике: «Суки, мордой в пол!». Если же им не подчиняются или им кажется, что не подчиняются, страх заставляет их буквально кидаться на людей, не только бить, но и открывать бессмысленную пальбу.

Это одна из причин. Другая, не менее важная, - с первого же мгновения общения гражданина с сотрудниками правоохранительных органов, гражданин должен быть морально раздавлен, его человеческое достоинство должно быть растоптано, он должен быть сломлен.

Есть исключения и из этого правила. Ребята, задержанные в Николаеве по известному «Делу одесских комсомольцев», отстреливались от бойцов спецподразделения «Альфа» до последнего патрона. (Правда, никого не убили – все спецназовцы были в бронезилетах)...

Любопытно проследить действия альфовцев. Сначала они позвонили в дверь. Им, естественно, никто не открыл. Тогда они заминировали дверь спецприспособлением и взрывом выбили ее. Им повезло – дверь оказалась хлипкая, держалась «на честном слове». От взрыва выбило электрические пробки и погас свет. Бойцы действовали по старой, проверенной схеме. Устрашающий крик: «Все на пол, милиция!». Но в ответ, вместо безоговорочного послушания, выстрелы. «Вооруженное сопротивление!» – гаркнул старший группы, и вся команда тут же ретировалась на лестничную клетку.

Дальше, наверное, с перепугу, они начали поливать, как из шланга, автоматным огнем все, что попало: стены, шкафы, холодильник, люстру и т.д. Этими действиями они пытались сразу убить двух зайцев: во-первых, поднять свой безнадежно упавший боевой дух, а во-вторых – морально подавить сопротивлявшихся... или просто их физически ликвидировать, застрелить.

Сломить дух людей, решивших отбиваться до последнего, альфовцам не удалось. Им бы не удалось и взять их живьем, но у моих товарищей просто закончились патроны. Однако достойно упоминания то, что даже такое яростное сопротивление не вызвало скотской злобы у бойцов «Альфы». Они не избивали задержанных и не глумились над ними. Лишь заковали в наручники и отвели в машину. Правда, предварительно раздев до трусов.

Кстати, а зачем это раздевание? Официальная версия гласит: личный досмотр, поиск оружия и взрывчатых веществ. Возможно. Но вторая причина, безусловно, - психологическое давление. Человек, раздетый почти догола, чувствует себя униженным, опозоренным... Даже если он уверен в собственной правоте, все равно у него появляется ощущение морального дискомфорта, желание как-то прикрыть свою наготу. Такому человеку (по логике «правоохранителей») трудно достойно держаться на допросе, он не может сосредоточиться на вопросах, которые ему задают.

Часто одежду не возвращают вовсе. Холод, чувство стыда, допрос и помещение в камеру в таком виде... Мерзость!

Случается и просто разграбление вещей задержанного. При этом правоохранители, пожалуй, не преследуют специально никаких целей, кроме легкой наживы. Но для человека, у которого нагло отбирают его личные вещи, не занося их в протокол, то есть присваивают, - это, безусловно, тоже шок.

- Меня раздели до трусов уже в кабинете, - рассказывает Илья Р., - говорят: «Тебе это уже не пригодится!», - и забрали кожаную куртку, мобильный телефон, свитер и джинсы. Я спросил, а в чем я буду ходить? В ответ ругань: «Прикажем – так и будешь ходить!». Правда, чуть позже, когда у меня уже зуб на зуб не попадал от холода, кинули в лицо обноски рабочей робы. В таком виде я и попал в камеру.

- А меня в райотдел везли на собственном «Мерседесе», - рассказывал другой задержанный из Львова. – Сажу на заднем сидении в наручниках, рядом УБОПовец. За рулем и на переднем сидении тоже менты. Водитель и говорит одному из своих сослуживцев: «Слушай, неплохой руль, я его себе возьму». А сосед отвечает: «Резина новая, возьму себе». Я с ужасом понимаю, что мою машину уже

поделили, а меня – как будто и в живых уже нет... Едем дальше. Один из ментов спрашивает соседа: «Коля, у тебя деньги есть?». Тот отвечает: «Сейчас посмотрю», и лезет ко мне в карман, как в свой, достает бумажник и вытягивает все деньги. «Есть», - говорит. Два часа я сидел в машине, а эти скоты пили водку и жрали шашлык за мои же деньги. Правда, спасибо им сердечное, принесли мне два пирожка и минералку. Говорят: «Отвыкай от хорошей жизни, братан!». Но на этом все не закончилось: в райотделе раздели догола, забрали все вещи, а взамен дали какую-то вонючую робу. «У тебя не было никакой одежды», - мрачно, дыша перегаром, сообщил мне опер.

Эти два эпизода произошли в разное время и в разных концах Украины.

Из чего можно сделать вывод, что подобное поведение – не результат морального разложения отдельных оперов. Нет! Такова вся нынешняя «система по борьбе с преступностью». Мне кажется даже, судя по наглости сотрудников нынешней милиции, что грабить задержанных им негласно разрешено. Это как бы компенсация за низкие зарплаты. После задержания уже невозможно доказать, что у вас был мобильный телефон или дорогие туфли.

Прокурор, которому, теоретически, вы могли бы пожаловаться, тоже является одним из руководителей так называемых «органов охраны правопорядка», и поэтому, разумеется, он поверит не арестанту, а своему коллеге, с которым они вместе, плечом к плечу, «самоотверженно» борются с преступностью. Так замыкается порочный круг. Милиционер всегда прав!

Доказать же, что на вас было оказано психологическое давление, вообще невозможно. ПО прикрываются своими инструкциями, которых, кроме них, никому видеть не положено. Иногда складывается впечатление, будто и нет никаких инструкций, а есть ситуации, когда милиции все позволено. И они заранее знают, что за беспредел в отношении граждан, не принадлежащих к «элите», им ничего не будет.

Итак, задача процедуры задержания – не только в самом задержании, но и в «подготовке» несчастного к первому допросу. Задержанный к началу допроса должен быть уже психологически и физически смят.

По своему опыту знаю: сотрудники ПО используют самые низменные методы. Любая их реплика имеет смысл, даже если кажется абсурдной. Сразу после задержания и обыска, в кабинете СБУ, холеный мужчина в дорогом костюме, который даже не представился мне, начал разъяснять, что я должен дать показания, потому что я еще молодой человек и просто обязан спасти себя любой ценой. Услышав мой отказ, он изменил тактику и заявил, что я все равно буду сидеть, очень долго, в лучшем случае 15 лет, в худшем – пожизненно. Он убеждал меня, что выхода нет: все, кто попадает сюда, в СБУ, выходят очень редко...

Честно скажу, я хоть и не подавал вида, но его речи на меня подействовали. Возможно, если бы не моя стопроцентная уверенность в правоте нашего дела, я и начал бы «спасать себя» по рецепту СБУшника, то есть – давать «правдивые» показания, оговаривая всех, кого знал!

Когда этот метод психологического давления у них не сработал, в кабинет начали заходить разные люди с распечатками, якобы – прослушками моих телефонных переговоров. Они цитировали эти сомнительные документы и всем своим видом показывали, что все про меня уже знают. Мне оставалось только сделать безразличный вид и отмалчиваться.

После обыска, по правилам, у задержанного забирают ремень, шнурки из ботинок, а также, у тех, кто имеет слабое зрение, отбирают очки. Аргументируют это просто: на шнурках и на ремне человек может повеситься, а линзами от очков – вскрыть вены. Когда я попал в камеру изолятора СБУ в Одессе, то понял всю надуманность подобных предположений. Повеситься я бы не смог потому, что через каждые три минуты в камеру заглядывал через глазок надзиратель, а вот вены вскрыть – вполне, оконное стекло было доступно. И оконным стеклом гораздо легче резать, чем линзами. Зачем же тогда все забирали?

Цель изъятия шнурков и ремня – явно не беспокойство за жизнь задержанного. Это чушь! Задача другая – одной элементарной процедурой поставить человека в положение какого-то неполноценного элемента, изгоя, сумасшедшего, которому даже собственные очки доверить нельзя. Сразу вычеркнуть жертву из списка нормальных граждан, причем так, чтобы человек это понял, чтобы переживал, нервничал, испытывал не только физическое, но и моральное неудобство. Это еще один вид психологического давления.

У бойцов спецподразделений методы более топорные и еще более отвратительные. Все передвижения задержанного производятся не только под конвоем, - узнику еще и натягивают на голову черный мешок, чтобы он ничего не видел. Объяснение: нельзя допустить, чтобы преступник запомнил дорогу, расположение коридоров и кабинетов. Но это тоже чушь.

На меня натянули такую черную шапку сразу же после того, как зацелкнули наручники, посреди родной улицы. По их примитивной логике, я не должен был видеть, куда меня повезут. Начнем с того, что это незаконно; но закон и ПО – совершенно несовместимые вещи... Я прекрасно знаю свой родной город и по количеству светофоров и поворотов безошибочно понял, что везут меня в УСБУ. Когда вели по двору, лестницам и коридорам этого монументального здания, несколько раз, как бы невзначай, натыкали меня, как слепого котенка, на углы, перила и двери. Это неприятно, а порою и больно, но главное – унижительно!

Перевозка задержанного в исполнении СБУшников - тоже своеобразный

спектакль. На лицо натянута шапка, ничего не вижу, руки в наручниках, туго затянутых за спиной. Положение – лежа лицом вниз на полу между сидениями микроавтобуса. Один из моих сопровождающих, развалившись на нормальном сидении, прямо надо мною, «любезно» поставил мне на спину свои ноги в спецботинках. И не для того, чтобы я не сбежал: совершить побег из такого положения не смог бы и Г.И. Котовский. Меня попросту хотели еще более унижить, растоптать в прямом смысле этого слова.

Помимо физических страданий, альфовцы в большом количестве предлагают и нравственные издевательства. Большую часть дороги (120 км) от Одессы до Николаева они друг другу рассказывали, так, чтобы я слышал, что Че Гевара – шизофреник, и что я – тоже шизофреник, т.к. являюсь его последователем, и вообще зря они со мной возятся, - следовало бы завести меня в камыши и там пристрелить. Потом у меня начался сердечный приступ, но не от их глупых изречений, а от неудобства лежания на полу микроавтобуса...

Но в их арсенале есть и более утонченные способы вывести человека из равновесия. Всю дорогу, в промежутках между откровенными угрозами в мой адрес, альфовцы названивали по мобильному телефону своим многочисленным любовницам, назначали встречи в саунах, уточняли, сколько надо купить шашлыков, шампанского и водки. Я сначала не придавал этому значения: мало ли, ведь и бойцы «Альфы» тоже люди... Но потом я узнал, что подобные речи они ведут в обязательном порядке при конвоировании заключенных. Этим же рычагом пользуются и бойцы УБОПа, и даже следователи прокуратуры. Цель, с психологической точки зрения, вполне понятна. Они подчеркивают бесправное, бедственное положение схваченного человека. Мол, смотри: мы вечером будем пить водку, есть шашлыки и спать с красивыми женщинами, а ты будешь сидеть в камере и кормить клопов!

Согласитесь, читатель, что это - достаточно тонкое психологическое давление, рассчитанное именно на людей чувствующих и мыслящих. А вот фокус с шапкой, натянутой на лицо, напротив – способен деморализовать не то, что человека, а даже животное. Вам известно, что любое живое существо, будь то собака или кошка, сразу же начнет нервничать, если его лишит возможности видеть? Срабатывает инстинкт самосохранения - и у зверя, и у человека. Раз не видишь – значит, не ориентируешься в пространстве, не знаешь, откуда придет опасность, не можешь от нее защититься... Страшно! Вот этого и добиваются сотрудники ПО.

Но все это – лишь прелюдия к первому допросу. Только самое начало вашего хождения по мукам. Эти подонки добиваются, чтобы на первый допрос человек попал уже деморализованным, перепуганным и униженным, в угнетенном состоянии души. Да, эта присказка, - жуткая, чудовищная сказка впереди, и начинается она с выбитых зубов, разрубленных прикладом автомата голов, вкуса земли во рту, ударов лицом о грунт, с выломанных рук, стянутых наручниками за спиной, со всех «прелестей» задержания!..

Что этому можно противопоставить? Сказать трудно. Все зависит от конкретного человека. Подонки из ОП не оставят вам выбора. Если даже вы вполне законопослушный гражданин и ведете себя примерно, у вас все равно есть шанс получить прикладом в зубы.

Можно, конечно, жаловаться потом в Европу, в украинские суды. Можно и нужно! Но делать это надо грамотно: для начала, «снять побои» в ближайшем медицинском учреждении, найти не менее трех свидетелей ментовского беспредела... Но даже при соблюдении всех этих процедур успех судебного процесса против МВД крайне сомнителен. Система защищает своих цепных псов и не дает их в обиду.

Если же у вас есть серьезные трения с государством, если вы уже знаете, что вас ждет после задержания, и хорошо владеете оружием, которое при вас, - лучше отстреливаться до конца и живым в руки садистов не даваться.

Первый допрос

Насмотревшись фильмов о сыщиках и лживых, прославляющих милицию телепередач К. Стогния «Криминал», доверчивый обыватель приходит к выводу: мужественные, без страха и упрека, бойцы спецподразделений и оперуполномоченные героически задерживают злых, кровожадных и беспощадных преступников, приводят их в отделение милиции, где в светлых кабинетах сидят симпатичные, благородные, одетые в костюмы, белые рубашки и галстуки, мудрые и принципиальные следователи. Они проводят допрос, и под грузом неопровержимых доказательств, не имея возможности противостоять дедуктивной логике следователя, задержанный дает показания, признается во всех грехах и подписывает все документы...

Такая идиллия бывает только в кино. Перед тем, как попасть к вежливому (да, да, не удивляйтесь) следователю, задержанный проходит ад первого допроса. И проводит первый допрос отнюдь не следователь. В каждом современном милицейском подразделении есть спецкоманда, где присутствуют и молотобойцы, специализирующиеся на обычных побоях, и профессиональные палачи, умеющие применять самые изощренные пытки. Они-то и займутся вами для начала.

- Бойцы «Альфы» и «Беркута» нас не били, - рассказывает Игорь Данилов, один из задержанных в Николаеве по «Делу одесских комсомольцев». – Отвезли в Ленинский РОВД. В дороге альфовцы смотрели на нас, как на смертников: «Ребята, вам п...ц!». Мы и сами догадывались, что пощады не будет. Я старался морально подготовиться... Но к тому, что началось в РОВД, - подготовиться нельзя.

Сначала молча, с остервенением били чем попало: резиновыми дубинками, кулаками, ногами. «Ну, сука, мы тебе покажем!» – приговаривали они. Я терпел, полагая, что их заряд злобы когда-нибудь да закончится. Но я ошибался. Теряя силы, в какой-то момент не выдержал и закричал им в лицо: «Ну, уроды, погодите, как стрелял вас, так и буду стрелять!». В ответ последовала новая вспышка агрессии. Меня принялись топтать ногами, прыгать по моим рукам, стянутым наручниками. Через пять минут я уже кистей рук не

чувствовал. Руки у меня были заведены за спину, поэтому я их не видел, чувствовал лишь невыносимую боль... И еще – ощущал, как кровь стекает по телу.

Это было только начало. Они все более сатанели. Прыгали на моей грудной клетке. Несколько раз я терял сознание. Приходил в себя в углу кабинета на полу, в луже ледяной воды. Что интересно – видно, срабатывала защитная реакция организма: нервная система периодически отключалась, да и холода я не чувствовал. Под конец притупилось и чувство боли, – осталась только ненависть к этим скотам в образе человеческом.

Но, как оказалось, это был еще не допрос. Они мне сами сказали: «Это только разминка!». Допрос начался потом. Руки мне перевели, так же в наручниках, вперед, согнули ноги в коленях, вставили лом под колени и повесили между столами. Я опять потерял сознание. Они привели меня в чувство нашатырем. Одели противогаз. Дальнейшая методика проста: сначала пережимают шланг, лишая воздуха. Человек начинает, естественно, задыхаться. Тогда резко открывают шланг и к отверстию подносят ватку с нашатырем. Я судорожно втягиваю воздух, но вместо него – вонь нашатыря... Ощущение такое, словно резанули ножом по легким! Как ответная реакция – у меня началась рвота. Вырвало прямо в противогаз. Тогда меня сняли с лома и подтащили к зеркалу: «Смотри, сука, на себя!». Я себя не узнал. Истерзанное лицо, все в кровоподтеках, да еще весь в блевотине. Спросили: «Нравится?» – и опять на лом.

- А какие-то вопросы, касающиеся уголовного дела, задавали?

- Ничего конкретного. Требовали: «Рассказывай все, что знаешь!». Я

отказался. Нашатырь и противогаз повторяли бесчисленное количество раз. Сколько – точно сказать не могу. Неоднократно меня рвало кровью. Терял сознание – обливали водой. Опять вопрос: «Что знаешь?».

Очень удивились, когда я опять отказался говорить. Опять лом... Кроме того, они показали себя и законченными извращенцами. Сорвали с меня трусы, орут: «Мы тебя сейчас палкой в...ем!». Для пущего страха, действительно, приволокли швабру. Честно скажу – мне уже было все равно. Выбор не большой: вишу на ломе, в противогазе, без трусов... Совать мне в задницу швабру они не стали, а вот к яйцам и члену подключили электрический ток. Опять терял сознание. Такое вытерпеть нельзя...

Говорят, Нину, несовершеннолетнюю девушку, задержанную вместе с

нами, не только избивали, но и угрожали изнасиловать то ли с помощью милицейской дубинки, то ли по-старинке, всем райотделом, как насиловали царские казаки схваченных революционерок. Привели эти угрозы в исполнение или нет, – не знаю. Возможно, и не успели, – малолетка Нина быстро сломалась и начала не только рассказывать все, что знала сама, но и подтверждать любую ахинею, которую менты ей диктовали.

Олег Алексеев (еще один задержанный в Николаеве по «комсомольскому»

делу, – авт.) пережил меньше, чем я. Сломался и начал давать показания. Хотя, на мой взгляд, чем больше говоришь, тем больше пытаются. Во время допроса Олег в отчаянии схватил со стола у следователя шариковую ручку и воткнул ее себе в глаз – хотел покончить с собой. Не получилось... Но после этого его больше не пытали.

Мне еще, для верности, загоняли под ногти иголки. Кошмар... Но не хуже пытки электричеством.

- А кто из работников райотдела участвовал в избиениях и пытках?

- Почти все. На меня приходили посмотреть все без исключения. Кто-то

советовал, как лучше пытать, и что еще со мной можно сделать. Другой почти просил шепотом, чтобы я воздержался от угроз, не говорил вслух, что «всех их постреляю». По-разному, но руку приложили почти все сотрудники Ленинского райотдела города Николаева.

Гораздо позже, когда я начал наводить справки о моих палачах,

результаты меня просто шокировали. Ну, например, Шевчук Олег Александрович, майор, начальник розыска Ленинского РОВД, оказывается, не кадровый офицер милиции, а бывший преподаватель, пришел в органы из школы. Но иголки загонял мне под ногти вполне профессионально... Хотя, мне сравнить не с чем, – не знаю, как это делали гестаповцы.

А били, повторю, все. Зиборов – следователь райотдела, Орлов Вадим

Борисович – старлей, оперуполномоченный, Конюнов Виталий Борисович – какой-то инспектор в райотделе, Полещенко Николай Валентинович – дознаватель, Кукушан Сергей Викторович – майор, начальник РОВД по работе с персоналом, Гринчук А.А. – зам. начальника отдела уголовного розыска.

Пытали и били, действительно, кому не лень. Эти уроды специально даже

домой не ушли. Руку приложили и работники отдела по борьбе с наркотиками. Заместитель начальника БНОН Белоусов А.В., Руденко С.Н. – из этого же отдела, Нестеренко Юрий Викторович – вообще техник-криминалист и по совместительству кинолог.

И еще целая группа палачей с красивым названием «Осуществление

охраны задержанных»: Глуценко Р.Б., Бобрученко И.В., Борщик В.М., Демченко С.М., Горбатюк А.Н.,

Лях Д.Ф.

Только через два дня ко мне допустили адвоката. Он поднял скандал,

увидев мою рожу, и настоял на проведении медицинского освидетельствования. К моему удивлению, эксперт не соврал и подробно описал все повреждения, включая поломанные ребра. Прокуратура обязала провести служебную проверку. Провели... Начальник Ленинского РОВД г. Николаева написал: «В ходе служебной проверки факты пыток и побоев не подтвердились». Я так понимаю, Дробот – начальник Ленинского РОВД – сам же эту проверку и проводил. И что он мог написать?! После того, как он сам лично прыгал ногами по моим рукам?..

Спать не давали. В туалет не водили. Да и надобности не было – я раз пять под себя мочился от боли. Порой казалось – все, оставили в покое... Я, как был голый, сворачивался клубочком в углу кабинета, на полу возле сейфа. Старался уснуть. Но не тут-то было! Происходила «смена караула» - одни палачи сменяли других, и все начиналось сызнова.

Следователи прокуратуры Бионосенко В.В. и Бондарев О.В. совсем не опасались возможных последствий пыток и первый допрос снимали на видеокамеру. Они были уверены, что *система* не даст их в обиду. Но и это не все: Бионосенко В.В. постоянно повторял очень ласковым тихим голосом, что он советует говорить «все как надо», иначе меня вернут в подвал. Что это значит – я очень хорошо понимал.

Слушая рассказ Игоря, трудно поверить, что живем мы в XXI веке! Да, очень трудно поверить, что такое возможно в современном, якобы демократическом государстве. Но факты – упрямая вещь. Игорь Данилов сидел вместе со мной в Николаевском изоляторе временного содержания, через две камеры от моей. Дабы создать неудобство заключенным, не дать подружиться товарищам по несчастью, администрация изолятора время от времени переводит людей из одной камеры в другую (о чем речь пойдет ниже). Так вот, в результате этой перетасовки, однажды ко мне в камеру кинули молодого парня – бывшего сокамерника Игоря. То, что рассказал этот парень, повергло меня в ужас, хоть я к тому времени и сам достаточно натерпелся:

- Игорь лежал почти в бессознательном состоянии, пристегнутый наручниками к наре. Кисти рук разрублены до кости, кровь уже не шла, но наручники приклеивались к костям и, когда их отрывали, тогда начиналось кровотечение. Игорь кашлял и мочился кровью, приходилось каждый день вызывать ему карету «скорой помощи». Он умирал...

Почти в таком же состоянии пребывали почти все задержанные по этому политическому делу, названному впоследствии не только «Дело одесских комсомольцев», но и или попросту – «Пыточное дело».

Я увидел Игоря уже на привратке Одесского СИЗО. В результате повреждения грудной клетки, пыток противогазом с нашатырем, у него началась тяжелейшая пневмония и, как следствие, - страшная дистрофия. Он был похож на материализовавшиеся кадры военной кинохроники, где показывали узников концлагерей Дахау и Освенцима. Игорь с трудом ходил, даже с трудом дышал... А здоровенные откормыши в масках – тюремный спецназ – обыскивая Игоря, хохотали над его худобой. Эти тупые исполнители даже не задумывались над тем, что сумел вынести Человек, – вынести, так и не дав никаких показаний против товарищей! Очень надеюсь, что наступит время, и эти спецназовцы в полной мере испытают на своей шкуре все «прелести» той системы, которой они служат. Уж мы постараемся сделать для этого все возможное!

Илью Романова арестовали в г. Каховке Херсонской области – по тому же делу. Постоянно били, а врач, приходя посмотреть на арестованного, только руками разводил. И, потакая палачам из Каховского райотдела, в акте медосвидетельствования писал, что «телесных повреждений нет».

А в камерах предварительного заключения Каховского РОВД ходили легенды об одном из оперов. Его любимым занятием было засовывать истерзанных арестантов в мешок, подвешивать этот мешок на веревке к потолку и бить содержимое мешка (то есть человека) железной арматурой. Такого извращения не выдержала даже насквозь прогнившая буржуазная карательная машина: садиста-опера уволили. Хотя за свои многочисленные преступления он заслужил, как минимум, лет двадцать особого режима.

Другого товарища из той же группы – Александра Смирнова – задержали в Одессе по надуманной причине, «для выяснения личности». Его месяц держали в одесском спецраспределителе для бомжей, и каждый день вывозили в Центральный РОВД г. Одессы, где избивали. Александр, в надежде избавиться от издевательств, несколько раз вскрывал себе вены, но это не произвело на оперов ни малейшего впечатления. Они перетягивали ему изрезанные руки жгутом и продолжали свое черное дело.

Лишь через месяц его, истерзанного, морально растоптанного – вывезли в г. Каховку, где допросили... в качестве свидетеля! Нормальному гражданину трудно представить, что так можно обращаться со свидетелем. Зато это хорошо представляют и спокойно позволяют себе работники ПО. И свидетелей, порой, тоже бьют. Но Александр свидетелем не был, ему с самого начала была предназначена участь обвиняемого. А допрашивали его, как свидетеля, с умыслом. Палачи все делают с умыслом. *Свидетелю на допросе не положен адвокат.*

- Я сидел в кабинете, пристегнутый наручниками к стулу, - рассказывает другая жертва режима Николай Ц. – Заходит здоровенный жирный мужик, похожий на свинью, под спортивной курткой из кобуры торчит рукоятка «стечкина». Ревет, как боров недорезанный: «Кто это здесь бандит?!». Подходит ко мне. Ну, чувствую, началось... «Ты, что ли?!» - и сразу после вопроса получаю удар в лицо. Полетел вверх ногами на пол. А этот скот склоняется надо мной, дышит на меня перегаром и говорит: «Здесь только мы бандиты, понял?!». Ну, чего уж тут не понять... Чуть позже узнал, что

боров этот – начальник УБОПа г. Николаева. Где-то он переборщил, кого-то искалечил, и его «наказали» - перевели из Николаева то ли в Вознесенск, то ли в Южноукраинск.

...Вот так проходил у Николая Ц. Первый допрос. Тоже были и лом, и противогаз, и электрические провода, присоединенные к обнаженному телу. Кое-что, конечно, зависит от покладистости задержанного. Если дает показания – попытали, и все. Если же нет – этот пресловутый первый допрос (без адвоката и, зачастую, даже без следователя) может растянуться на месяцы, как у Александра Смирнова. А, быть может, и на годы.

Вячеслав К. находился в следственном изоляторе г. Киева почти девять лет. Следствие шло бесконечно. Его и группу его друзей хотели осудить за тяжкие уголовные преступления, в том числе бандитизм. Дело было громкое и получило свое отражение в прессе, в частности в «Вечерних вестях». Очень долго следователи не могли слепить воедино эпизоды этого дела, и главное – доказать причастность к ним тех людей, которые уже сидели под стражей. А ведь для оправдания того факта, что они так долго сидят, было уже просто необходимо, чтобы эти люди оказались виновны! Но подозреваемые упорно не желали оговаривать себя и других. Вот тут и понадобились *системе* мастера пыточных дел. Причем, в большом количестве. В ходе следствия всех, проходивших по данному делу, неоднократно вывозили в КПЗ Вышгорода или других маленьких городков-спутников Киева. Там их держали неделями, выбивая «нужные» показания.

- Меня вывезли в багажнике легкового автомобиля в зону отчуждения возле Чернобыля, - рассказывает Вячеслав К. – Картина мрачная: пустые, брошенные дома, темень, ни одной живой души... Опера говорят: «Вот здесь мы и будем разговаривать!». Но особо не разглагольствовали. Возле одного из домов я увидел железный ящик для формовки бетонных блоков, с откидывающимися стенками. Мне завязали глаза и положили в этот ящик. На дворе октябрьская ночь, ветер... Чувствую, меня начали заливать холодным цементным раствором... Чего только ни передумал в эти минуты! Мысленно прощался со всеми родными и близкими. Несмотря на тяжесть вязкой ледяной жидкости, бросило в жар, во рту пересохло. Думал – конец. Нет! Подержали минут двадцать в ящике, потом откинули стенки – жижа сползла на землю. На этот раз пронесло.

Мои палачи вдруг стали какими-то добрыми, затащили в дом, там уже печь топилась. Даже стол накрыли. Я обмылся и мне налили водки. «Ребята, - говорю, - у вас воды нет? Попить бы...». Вскоре пришлось пожалеть об этой просьбе: «Будет тебе вода, напьешься!».

Посидели в доме еще полчаса, согрелся... Тут они вновь говорят: «Идем». С ума можно сойти от их изобретательности! Привязали к ногам веревку колодезного журавля – и головой вниз в воду! Несколько раз терял сознание, захлебывался. А эти сволочи опускают меня в колодезь и приговаривают: «Пей, хотел ведь».

Такие «выезды» у Вячеслава происходили систематически, в течение нескольких лет. Причем санкционировала эти пыточные вояжи прокуратура Киева. Но и это не самое страшное. Вячеслава вывозили на пытки даже в ходе судебного процесса! Судья специально откладывал на пару недель судебные заседания. Администрация СИЗО прекрасно знала, куда выводят людей, за которых она в ответе... И потом истерзанных арестантов спокойно принимала обратно без какого-либо медосвидетельствования.

Теперь перенесемся на Восток Украины. Шахтерский край, город Донецк.

Работал в Калининском РОВД г. Донецка майор Ивко Владимир Николаевич. Хорошо работал. По крайней мере, начальству нравилась его работа. Очень уж высокий был у Ивко процент раскрываемости! Достигал таких замечательных процентов Ивко В.Н. испытанным методом: избивал задержанных, подвешивал их на лом, травил через противогаз нашатырем и «черемухой», насиловал мужчин резиновой палкой, а задержанных женщин – обычным способом. Это чудовище старалось вовсю, чтобы угодить начальству, а заодно удовлетворить свои нечеловеческие и даже не животные, а садистские извращенные потребности.

В какой-то момент майор Ивко перестарался. Его непосредственный начальник – нач. оперотдела Калининского РОВД оказался полупорядочным человеком. Он терпел в своем отделе такого монстра – ведь Ивко раскрывал преступления... И в то же время относился к своему палачу с брезгливостью и даже с известной неприязнью.

Но терпение начальника закончилось, и он создал своему подчиненному условия, при которых Ивко уже не мог «работать» по-прежнему в этом отделе. Короче, Владимира Николаевича предупредили, что, если он не уйдет, то сядет в тюрьму. Ивко, как все садисты, оказался омерзительным и подлым трусом. Он быстренько ретировался, уволившись из РОВД «по собственному желанию».

Но оказалось – такие кадры нужны правоохранительной системе Украины! Без любимой пыточной работы Ивко долго не остался. Уже через месяц он доблестно «трудился» оперуполномоченным по особо важным делам в УБОПе г. Донецка. Понятно, своим чудовищным методам работы Ивко несколько не изменил. В УБОПе он чувствует себя, как рыба в воде. Коллектив в этом учреждении подобрался подходящий.

Алексея Р. в здании Донецкого УБОПа избивал помощник и близкий приятель Ивко – некий Тимур Иванович. К сожалению, этот палач не назвал своей фамилии. Алексей слышал его имя и отчество случайно, когда к нему обратились другие работники милиции. К слову сказать,

они все видели, что творил Тимур Иванович, но никто из них не останавливал палача, не пытался прекратить избиение. Следовательно, они - такие же преступники. Раз столько преступников работает в учреждении, значит – это учреждение является преступной организацией.

Тимур Иванович Алексея Р. не пытал. Но не от своей доброты душевной.

Надобности не было. Все «нужные» показания уже дали под пытками подельники Алексея. Однако Тимур Иванович не мог лишиться себя удовольствия избить человека. Он бил Алексея четыре часа кряду, продемонстрировав неплохую физическую подготовку. Алексей сидел в наручниках, сковывавших его руки за спиной, пристегнутый к стулу. Тимур Иванович ставил на его грудь маленькую подушку, чтобы не оставлять следов, и бил ногами. У Алексея хлынула горлом кровь и он склонил голову к этой, уже окровавленной подушке. «Давай, давай, нюхай ее! – усмехнулся палач, - я эту подушку под ж... шлюх подкладываю, когда их трахаю!».

Иногда, со странной периодичностью, Тимур Иванович звонил своей жене. Очень ласково он обсуждал с ней, в какой цвет надо выкрасить стены в спальне. В семье садистов, оказывается, шел евроремонт.

Мне могут возразить, что, мол, жена тут совершенно ни при чем. Нет, при чем! В конце истязания этот урод еще раз позвонил дражайшей супруге: «Лапушка, скоро приеду, только закончу работать тут с одной тварью». Эта фраза, брошенная как бы между прочим, косвенно подтверждает, что жена знала, как «работает» ее муж-палач с «тварями».

После избиения Алексея пристегнули наручниками к батарее и оставили валяться на полу еще часа три.

А в это же время, в этом же здании, через два кабинета от того, где лежал

Алексей, следователь Рождественный А.Б. допрашивал его жену. По существу дела она ничего не могла сообщить, тогда подонок Рождественный перешел к главному: «Ты – молодая, красивая женщина. И уже одинокая. Пойми, Алексей «попал», и очень серьезно. Зачем он тебе нужен? Только кивни – и поедем, куда скажешь! Хочешь – в ресторан, хочешь – в сауну. Проблем никаких! Машина ждет. Решайся. Молодая, красивая женщина должна быть с мужчиной».

Жена Алексея Р. была потрясена такой наглостью. Но это – не единичный

случай... Я говорил на эту тему со многими заключенными. В основном, это были люди, привлеченные за серьезные преступления. Почти всем их женщинам оперативники, следователи или еще какие-то скоты в погонах предлагали переспать.

Моей собственной жене предложили секс во время первого обыска в

нашей квартире. Во второй раз то же самое недвусмысленно предложил ей следователь УСБУ города Николаева – Коваленко. Когда она мне рассказала об этом, я, честно говоря, сначала ей не поверил. Как может сотрудник службы безопасности страны опуститься до такой низости?! Но оказалось – может! Это – обычная практика украинских ПО. Я прошу прощения у жены за свое неверие. Просто в мозгу психически здорового мужчины не укладывалась такая мысль: быть работником правоохранительных органов – и уложить в свою постель жену обвиняемого или подсудимого!.. Какие правоохранительные процессы происходят в больших головах «правоохранителей»?

Мне кажется, это отжившая, извлеченная из глубины веков варварская

традиция – насиловать женщин поверженных врагов. Сотрудник ПО, допустивший такое скотство, чувствует свое полное превосходство над испуганной, пребывающей в состоянии стресса женщиной. Он знает, что муж не может ее защитить, так как валяется избитый, растоптанный в буквальном смысле этого слова, в соседнем кабинете.

Да, ожила отвратительная сексуальная традиция, которая зародилась еще

тогда, когда мы были полуживотными... Но тогда, по крайней мере, самка доставалась сильнейшему. А нынешние сотрудники ПО – далеко не сильнейшие. Они – трусливые, подлые негодяи. И, вместо того, чтобы завоевывать женщину в смертельном бою, попросту пользуются своим служебным положением. Единственное, что я могу им посоветовать: «Учите историю, господа!».

Могли ли думать помещики-крепостники, чем кончится их безграничное

господство над крестьянами и крестьянками? Чем придется платить за их отвратительную привилегию – «право первой ночи»? Феодалы насилуют чужих невест, утоляя свою животную похоть и жажду власти, не думая о будущем... Но будущее готовило им сюрприз. Крепостные восстали. Вслед за восстаниями, мир стали сотрясать революции. Вековая народная ненависть – следствие угнетения, унижения, насилия, - выплеснулась наружу, обрушилась на головы угнетателей. И запылали дворянские усадьбы. Теперь уже истерически оралы жены и дочери помещиков, которых тащили за волосы победители. Тем временем самих помещиков топили в прудах, вешали, резали...

Так что готовьтесь, господа прокуроры, следователи и опера! Все

неожиданно для вас может измениться. И не голосите потом о беспределе восставшей черни, когда очередь дойдет до вас и до ваших жен! Хотя я лично так не смогу - противно... Но кто-то – сможет. Вы сеете ветер – и вы пожнете бурю, которая вас погубит.

Однако, иные следователи, предлагая женам своих «клиентов» секс, не

только тешат свое самодлюбие, но и преследуют конкретные цели. Чем черт не шутит! Вдруг женщина не только согласится поехать в сауну, но и проникнется новым чувством: захочет связать свою молодую жизнь с более успешным мужчиной, а несчастного мужа отправить куда-нибудь подальше?.. Вдруг в любовном экстазе она станет более разговорчивой, и от нее удастся узнать такие подробности, которые помогут с блеском закончить уголовное дело?.. Да и приятно будет потом рассказать подследственному, со всеми пикантными

подробностями, как хороша его (подследственного) жена в постели!.. Такой рассказ, безусловно, усугубит и без того плачевное положение арестанта.

А звонки Тимура Ивановича супруге, в ходе пыток и избиений, психологически стоят в одном ряду с поведением альфовцев, которые называли своим любовницам, когда везли меня, уткнув лицом в пол, из Одессы в Николаев. Этот трюк некоторые работники ПО применяют вполне сознательно, другие – интуитивно, потому что он приятно будоражит им нервы. Ведь они вечером будут красить стены в квартире, пить водку, спать с женами и любовницами, а тут лежит избитый, беспомощный человек, потерявший человеческий облик... Такой контраст!

Другого объяснения этим звонкам, этому выставлению напоказ своей личной жизни перед арестантом – нет.

Разговор о майоре Ивко закончу сюрпризом. Нет, к сожалению, с ним ничего не произошло. Он продолжает работать в УБОПе. Зато своему бывшему начальнику по Калининскому РОВД этот негодяй сумел отомстить. Дождался, когда тот выйдет на пенсию, и подбросил ему пистолет «ТТ». Договорился с судьями, - и теперь бывший офицер милиции отбывает трехгодичный срок наказания в лагере.

А вот методы работы майора Ивко в Донецком УБОПе пришлись в самый раз. Их принимают на вооружение и молодые сотрудники милиции – ведь надо брать пример со старших! Вы только представьте, читатель, как там били и мучили Александра А., если парень, прикованный к радиатору центрального отопления, вне себя от боли, оторвал этот радиатор и пытался выброситься в окно!.. Всего изрезанного, его втащили обратно и продолжали бить. Позже Александра А. осудили и дали ему «пожизненно», - но можно ли считать признательные показания, данные под пыткой, доказательством его виновности?

Таковы действия палачей-мужчин. Но, как ни жутко об этом говорить, есть и палачи-женщины. И неизвестно еще, кто из них действует более жестоко и изощренно.

Жила-была обычная девочка в провинциальном городке Александрия. Она ничем не отличалась от своих сверстниц. Хотя, отличие все же было... Ее папа был не обычный человек, а могущественный чиновник, начальник налоговой инспекции Александрии. Как известно, чем меньше городок, чем забитее глубинка, тем наглее чиновники госаппарата. Девочка росла и постоянно видела скотское отношение к людям со стороны папаша. Хамство, неуважение к слабому – вот атмосфера родительского дома. Девочка росла – и выросла в сильную, рослую девушку. Что повлияло на выбор ее профессии? Почему она не пошла по стопам папочки? Трудно сказать. В общем, стала она работать оперуполномоченной в Александрийском УБОПе.

В Кировоградском СИЗО о зверствах Александрийского 6-го отдела ходили легенды. Свою руку ко многим беззакониям приложила и оперуполномоченная с киношной кличкой «Никита». Там, в Александрии, за зверства ее должны были посадить, но, как показывает украинская действительность, люди, у которых папы работают начальниками налоговых служб и других государственных структур, имеют иммунитет, подобный дипломатическому. Их не тронут, даже если они ежедневно нарушают законы. «Никиту» срочно перевели в Кировоград, где она продолжала столь же «успешно» трудиться в том же УБОПе. Женоподобный ужас переместился из маленького городка в областной центр.

Интересно, что все жертвы этой оперши не знали ее настоящего имени и фамилии, всем она представлялась, как «Никита». Видно, у девушки под воздействием телевидения порядком «сорвало крышу». Но как может шизофреничка работать в органах? Вопрос вопросов.

- Приводят человека с допроса, - рассказывает Вацлав К., - заходит человек в камеру, а у него на голове полосой напрочь отсутствуют волосы. Как будто выбриты. Интересуемся... Нет, не выбриты. Оказывается, по этому месту «Никита» била его полдня резиновой палкой. Кожа омертвела и волосы выпали.

В соседней камере Кировоградского СИЗО сидел еще один клиент «Никиты». После допроса у нее он месяц пролежал в тюремной больнице. Все пытки, применяемые этим чудовищем, в основном были связаны с гениталиями. Она подключала электрический ток к члену, подвешивала к яйцам груз и чуть не оторвала этот очень важный для мужчины орган. О противогазе, нашатыре, «черемухе» и говорить нечего!.. Все это для нее в порядке вещей.

Впрочем, ходят слухи, что она больше не работает в 6-м отделе: кто-то не смог простить издевательств и встретил ее в собственном подъезде с металлической трубой в руках. Она нашла, что искала! Конечно, выглядит это дико: женщина, которая должна любить, рожать детей – в роли палача, затем – в роли жертвы... Хотя, в истории и это уже бывало.

О городах Котовске и Балте Одесской области давно уже ходит дурная слава. Местная госадминистрация живет по принципу: «До бога высоко, до царя далеко». Свои районы главы администраций считают личными владениями, вотчинами. А людей, живущих на этих территориях, по всей видимости, полагают своими холопами, смердами.

Понятное дело, не всем гражданам нравится быть холопами. Да и уровень жизни в этих вотчинах низкий: безработица, беспредел чиновников, местных бизнесменов... Тем более, что очень часто это – одни и те же лица!

Население от безысходности погрязло в пьянстве, разврате. Неудивительно, что и в Котовском районе, и в Балтском совершаются преступления. Разные. От хищения «тузиковых мисок» для сдачи в металлолом, до бытовых убийств по пьянке жен мужьями и наоборот. И до заказных убийств, которые являются следствием передела собственности в районах.

Держать в повиновении челядь госадминистрации помогают местные МВД и СБУ – верные опричники буржуазии.

Бывали случаи, когда, после какого-нибудь громкого преступления, в Котовск и Балту вводились спецвойска. Они бесчинствовали на улицах, избивая поздних прохожих, врываются в бары и рестораны, укладывая всех посетителей лицом в пол. Все это очень напоминает царствование какой-нибудь хунты в затерянной в джунглях банановой республике.

Так было в Балте и Котовске не только в 90-х годах прошлого века, но и в начале XXI века. Работники райотделов милиции Балты и Котовска чувствуют полную безнаказанность и творят все, что хотят, с молчаливого согласия госадминистрации.

В Балтском райотделе издевались над Сашей М., сломали ему ребра, довели до тяжелейшей пневмонии, а потом возили связанного по Одесской области, скрывая от родственников его местопребывание.

Другой непосредственный участник этого кошмара Сергей С. рассказывал мне о начале следствия по его делу в Котовском РОВД:

- Моим делом занимались следователи Чербайджи и Бубнов. Они начинают допрашивать по обычной схеме, распространенной сейчас по всей Украине: подсовывают документы, которые составили по своему усмотрению. Как правило, это «признательные показания» по расследуемому делу, а заодно еще в двух-трех преступлениях, о которых я и не слышал. Требуют подписать всю эту чушь. Я, понятно, отказываюсь. Они, к моему удивлению, особо не настаивают. Переводят в другой кабинет, а уже туда приходит «дознатель» Геннадий Леонов. Это – палач по самой сути своей природы, вурдалак. Сначала просто бьет. Я и сопротивляться не могу, даже прикрыться руками от его кулаков и ботинок. Лежу на полу, пристегнутый наручниками к батарее отопления.

Требовал он одно – подписать бумаги, предложенные следователями Чербайджи и Бубновым. Я отказался. Мог еще терпеть. Тогда Леонов, сволочь, поотбивал мне черенком от лопаты колени, локти, разбил голову. С меня стянули обувь, и Леонов пытался отбить мне пятки. Я ничего не подписывал. Два месяца меня держали в ИВС, каждый день Леонов пытал, а ночами волокли на допросы к Чербайджи и Бубнову, которые сменяли друг друга. Были моменты, когда я засыпал прямо на стуле. Будили оригинально, в их стиле – сбивали ударом со стула и, уже лежащего на полу, обливали холодной водой.

Моя мать начала бить тревогу, искала меня, но не могла найти. Ей сказали, что по прошествии двух месяцев я давно уже должен бы быть в Одесской следственной тюрьме. Она поехала туда – меня нет. В райотделе сказали, что тоже нет. А меня в эту же ночь вывезли в Балту, потом в Ананьев. За два месяца побывал и в Кодыме, и в Беляевке, и в Ширяево. Заметали следы.

Лишь через полгода моя мать смогла поднять скандал вплоть до Верховной Рады. Моим делом заинтересовалась прокуратура Одесской области. Благо, бить перестали. Но Бубнов и прокурор Котовска Сивун С.В. мне говорят: «Жалуйся, не жалуйся, толку не будет. Все равно осудят, как надо, ничего не изменится».

Они не обманули. В самом начале следствия мое преступление квалифицировалось по ст. 121 (тяжкие телесные повреждения). Я, действительно, порезал одного подонка и не жалею об этом. Следователи и прокурор Сивун С.В. уничтожили протоколы всех моих первичных показаний. Все переписали и вменили мне ст. 115 ч. 2 (умышленное убийство), хотя я этого не совершал. А потом они включили все свои механизмы, начали использовать все свои возможности и влияние. Они не скрывали своей ненависти ко мне и к моей матери, которая активно начала защищать меня.

Перед судебным заседанием ко мне адвоката не допустили. Я возмутился и потребовал от суда, чтобы велась звукозапись процесса, и чтобы на процесс допустили журналистов. Конечно – отказ. Ладно, журналисты – это перебор, но звукозаписывающую аппаратуру мне обязаны были предоставить. Да и прессу, по большому счету, почему бы не допустить? Ведь власти все время кричат о демократии, о правах человека...

В итоге – не было ни журналистов, на звукозаписи процесса. Ничего! Судья пошел на поводу у прокурора. Рука руку моет. На судебном заседании моей матери стало плохо; так ни судья, ни прокурор - никто не пошевелил пальцем, чтобы вызвать «скорую помощь». Сволочи! И после суда не познакомили меня с делом, не предоставили мне протоколы судебных заседаний. Но, честно скажу, в райотделе Котовска, если можно так сказать, со мной обошлись еще мягко. С другими поступали гораздо хуже. Сам начальник райотдела выдавал Леонову две 32-х килограммовые гири. Многим людям эти гири сломали здоровье и жизнь. Любимая пытка Леонова – привязывать одну гирю к ноге, другую к яйцам, и заставлять приседать. Тут уже все, что им нужно, подпишешь!

После пресловутой «оранжевой революции», как мне известно, все эти подонки продолжают работать на своих местах. Ведь и Ющенко тоже нужна «борьба с преступностью» и хороший «процент раскрываемости» преступлений.

Та же картина и в Севастополе. Легендарный Гагаринский РОВД... Заключенные, когда узнавали, что их будут этапировать в этот райотдел, вскрывали лезвием себе вены. Они считали, что лучше уйти из жизни, чем подвергнуться пыткам гагаринских ментов. Рома В., молодой парень из Львова, приехал в гости в Севастополь. Выпил, попал в переделку (обычная хулиганка), и угодил под пресс гагаринских палачей. Два следователя - Дорофеев С.С. и Олейник В.А. разыгрывали старый

сценарий: добрый следователь и злой следователь. Олейник играл роль доброго. Он мягко просил Рому во всем сознаться. И так же мягко добавлял: «А то хуже будет». Рома не мог сознаться в грабежах и разбоях, т.е. в том, что на него хотели «повесить» эти следователи. Тогда Олейник сокрушенно разводил руками, - мол, не договорились! – и вызывал Дорофеева. Тот играл роль обыкновенного палача. Очень хорошо играл. Так, что даже было непонятно – игра это, или он, на самом деле, по натуре палач.

Рому Дорофеев избивал кулаками и ногами. Сразу было видно, что он в это дело душу вкладывает! Он отбил почки подозреваемому двухлитровой пластиковой бутылкой с водой. Сделал сотрясение мозга с помощью рулона обоев... Правда, в этом рулоне была спрятана железная водопроводная труба. Она иногда с грохотом выпадала из рулона на пол. Дорофеев незло матерился, вставлял ее на место, т.е. в рулон, и продолжал избивать. По голове, по спине, рукам, пальцам ног и рук. После такого допроса Рома месяц мочился кровью.

И не надо заниматься самоуспокоением, думая, что подобные издевательства все же явление единичное, результат личной неприязни... Нет! Попытки здесь поставлены на поток. Страшный конвейер. При том – пытаются и бьют заключенных эти палачи, чаще всего, без злобы, спокойно, зная, что за них всегда заступится прокуратура и суд. Ведь у них работа такая...

По закону, без санкции суда человека могут держать за решеткой 72 часа.

Это время отведено палачам для пыток.

Очень часто взволнованные родственники бросаются на поиск задержанных. Тогда подонки в погонах начинают прятать свою жертву по разным райотделам.

Александра М. возили по всей Одесской области. Из Балты в Кодыму, из Кодымы в Котовск, оттуда в Одессу и опять в Балту... Менты запутывали следы, старались сбить с толку перепуганных родителей.

В случае с Александром произошло маленькое чудо: парня через пару суток выпустили на свободу, изменив меру пресечения. Но... с жидкостью в легких, с отбитыми почками и поломанными ребрами. Родители, увидев этот кошмар, подали в суд на милицию. Тогда их сын вновь был арестован, подвергнут пыткам, и, в довершение ко всему, на него повесили чужое преступление.

Пытки стали до такой степени обычным явлением, что судья Верховного

Суда, выслушав очередное заявление подсудимого о том, что все показания на следствии были получены под пытками, улыбнувшись, ответил: «Но, если вас не пытать, вы ведь ничего не скажете!». Думаю, большего цинизма не бывает.

Пытки – это основное оружие ПО. Используют их, в основном,

полуграмотные менты-опера. Следователи стараются руки не пачкать, они предпочитают использовать более тонкие, очень культурные с виду приемы психологического давления при допросах.

Как я уже писал ранее, издеваясь, угрожая физической расправой, когда я, подобно мешку картошки, лежал на полу микроавтобуса при перевозке из Одессы в Николаев, они довели меня до сердечного приступа. А едва мне стало немного легче – сразу допрос.

На вид следователь не похож на оперативника. Галстук, белая рубашка, постное лицо... Вроде – интеллигент. Следователи УСБУ в Николаевской области Коваленко и Грицай выглядели именно так. Они «искренне» возмущались, услышав мой рассказ о дикой транспортировке в Николаев, и даже пожурили альфовцев.

Я, конечно, всему этому спектаклю не поверил. Фокус с «добрыми» и

«злыми» следователями я видел еще в фильме про Штирлица. Очень быстро и Грицай, и Коваленко показали свое истинное лицо. Еще до официального допроса мне заявили, что только дураки могут сейчас быть коммунистами и подвергаться преследованиям за идею, что дело мое плохо, и я получу пожизненное заключение, что уже никогда не увижу ни сына, ни жены, что жена найдет себе любовника... и так далее. Я был готов к такому обороту беседы, поэтому слова обоих негодяев не произвели на меня ожидаемого впечатления. Когда же я отказался давать признательные показания, мне начали угрожать применением пыток, пресс-камерой в тюрьме, где сокамерники будут меня бить, а возможно и изнасилуют. На меня и это не подействовало. Но ведь есть люди более впечатлительные, мнительные, которые подобные слова принимают близко к сердцу, сразу представляют себе реализацию всех этих угроз... И начинают давать признательные показания.

Самое страшное, что в большинстве случаев угрозы следователей в любой момент могут обернуться реальностью. Особенно безотказно такие зловещие слова действуют на человека, которого притащили в кабинет следователя из пыточного подвала. Такой бедолага, как правило, готов подписать что угодно, лишь бы не возвращаться назад в застенки!

Именно в таком состоянии на очную ставку с подельником привели

Олега, проходившего по ранее упомянутому мною «Делу одесских комсомольцев». Очевидцы рассказывают: Олег сидел с закрытыми глазами, буквально падал периодически со стула... Ужасало его лицо, на котором темнели синие кровоподтеки, жуткая гематома под глазом. На вопросы Коваленко Олег отвечал, еле ворочая языком и надсадно кашляя – первый признак, что опера его познакомили с противоголозом. Требовать от человека в таком состоянии, чтобы он сохранял самообладание и не уступал давлению палачей, не только бессмысленно, но и немилосердно.

Факты пыток и психологического давления бесчисленны. Избегают этой

участи только те, кто добровольно признается во всех мыслимых и немыслимых грехах. На практике уже дошло до того, что следователи открыто предлагают всем признавшимся взять на себя еще и чужие преступления, соответствующие по тяжести. Независимо от количества эпизодов, - объясняют эти квалифицированные слуги Фемиды, - срок заключения останется тем же. Возможно, даже и меньше, - если следователь переговорит с судьей. А у милиции будет «раскрываемость»!

Некоторые арестанты идут на это. В результате все остаются довольны: арестант получает от ментов примитивные блага в виде сигарет, чая, лишнего свидания с родными, а уголовный розыск получает высокий процент раскрываемости преступлений. Страдает лишь общество, - потому что настоящий преступник, оставшись безнаказанным, снова грабит людей в темной подворотне, режет, насилует и т.п.

Особенно часто идут на сговор со следствием наркоманы. В этом случае следователям нечего и выдумывать; достаточно предложить наркоману «дозу» - и тот подпишет любые протоколы, даже не читая их!

Сейчас стало также распространенным явлением, когда во время задержания либо перед первым допросом подбрасывают подозреваемым различные «вещественные доказательства». Делается это, конечно, избирательно. Наркоманам подбрасывают наркотики. Рецидивисту-старика, с которым я сидел в одной камере в Одесской тюрьме, возле одесского Нового рынка, когда он возвращался домой с водкой и закуской, в карман куртки подбросили тротилловую шашку с детонатором. Сделка была проста: либо признаешься, что тротил твой, и уходишь на подписку о невыезде, либо упираешься и садишься в следственный изолятор. И вот человек опытный, отсидевший за колючей проволокой 25 лет, зная всю эту систему, - принимает неожиданно ошибочное решение.

Тут свою роль сыграла и старость, и мысль, что все равно никуда он от милиции не денется... В общем, рецидивист признает, что это его тротил. Менты, правда, отпустили его под подписку о невыезде. Но, одновременно, начали, проявляя неожиданную фантазию, «шить» ему подготовку террористического акта. Перед самым судом опомнились: больной, еле передвигающий ноги старик мало подходил на роль террориста. На суде ему оставили лишь незаконное хранение взрывчатых веществ. Дали старику-рецидивисту три года.

Порой происходят вещи совершенно абсурдные. В Николаевской тюрьме я познакомился с одним молодым человеком. До ареста за ним, как хвосты, ходили работники «наружки». Выяснилось потом, что они (ПО) подозревали его в участии в организованной преступной группе (ОПГ). Не берусь судить, может этот парень и был связан с ОПГ, но догадки и фантазии - еще не повод для ареста. Тогда работники УБОПа пошли по пути наименьшего сопротивления.

Все произошло, как в кино. Человек просто идет по улице. К нему подбегает заплаканная, растрепанная девушка, смотрит ангельскими глазками и просит так трогательно: «Мужчина, помогите мне! Я ушла от козла-мужа, помогите закинуть вон те вещи в эту машину». Какой должна быть реакция нормального мужчины? Он берет сумку и, ничего не подозревая, идет к машине. Девушка открывает перед ним дверь полностью затонированного «мицубиси». А оттуда, как черти из табакерки, выскакивают дюжие ребята в форме спецподразделения «Сокол» с автоматами наперевес и в масках... Все! Конец фильма. Это уже позже парень будет кричать на суде, что отпечатков пальцев на оружии, которым доверху была набита сумка, нет. Но никто его не захочет слушать. Главное, на ручке злосчастной сумки есть отпечатки пальцев! И этого достаточно, чтобы человека посадили в тюрьму.

В Николаеве на задержание ребят из упомянутой группы «Одесских комсомольцев» бойцы «Альфы» и опера тоже ехали с готовым «джентльменским набором»: наручники, пистолет, граната... При том имеется в виду не их табельное оружие; не зная еще, кого будут брать, они на всякий случай заботливо прихватили с собой «вещдоки».

В квартире, которую они штурмовали, и так оказалось полно оружия, зато подозреваемые, которые оказали яростное сопротивление, не то что наркотики не употребляли, а даже сигарет не курили! Опера, тем не менее, все же подбросили им свой «груз» - не зря же везли!.. Но на суде произошла «неувязочка» - один ствол оказался лишним. Однако оружие (свое и чужое) и гранату ребятам все равно вменили.

Игорь Данилов, отстреливавшийся до последнего патрона, говорил на суде, что, будь у него та граната, он бы ее обязательно использовал. Хотя бы для того, чтобы не попасть живым в руки мастеров пыточных дел. Судьи ему не то, чтобы не поверили, скорее - сделали вид, что не верят... А вот наркоманов среди задержанных не оказалось. Наркотики так и остались «висеть» - никому их не вменили.

Но ведь они откуда-то взялись!

История их появления на месте происшествия покрыта туманом. Обвиняемые утверждали, что менты подкинули эту дрянь в квартиру как раз в тот промежуток времени, который у них был после задержания до начала осмотра места происшествия. Но в ответ прокурор заявил буквально следующее: «Нет такого закона, чтобы милиция кому-либо что-либо подкидывала. Значит, такого быть не может!». Прокурор исключил раз и навсегда самую возможность нарушения законов работниками милиции. Какая прелесть!

В Киеве, в квартире, которую снимали «комсомольцы-террористы», не было оружия. Но во время обыска чудесным образом под подушкой (!) был обнаружен пакет: две тротилловые шашки, 30 патронов к автомату Калашникова, завернутые в газету «Совет рабочих депутатов», издававшуюся полулегально... И суд не смутило то обстоятельство, что среди оружия, изъятого у других членов группы, автомата не оказалось, а теракт возле здания СБУ, в котором обвиняли ребят, совершен был с

помощью самодельного взрывного устройства. Зачем бы нужно было что-то выдумывать, мастерить взрывное устройство, заниматься кустарщиной, если под подушкой лежит готовый тротил? Но суду глубоко плевать, что нарушены логические законы. Они и на нарушение юридических законов смотрят сквозь пальцы!

Таких случаев – бесчисленное множество. При том ПО, с помощью средств массовой информации, всеми силами создают свой непогрешимый светлый образ!.. Ошибок у них вообще не бывает! Ну, а если в действительности у задержанного ничего запретного не оказалось, то это непорядок, но можно исправить, что-нибудь задержанному подкинув.

В чем причина всего этого кошмара? Неужели на Украине правит военно-полицейская хунта? Нет, что вы! Украина строит демократическое общество. Правоохранительным органам (ПО) предписывается соблюдать:

1) **«Принцип равенства граждан** перед законом, отражающий традиции демократизма гражданского общества, а также необходимость объективного подхода к анализу деятельности субъекта, независимо от его общественного и имущественного положения». (Это из учебника юридической психологии).

Вот только, внимательно изучив деятельность ПО, мы не видим никакого «объективного подхода к анализу деятельности». В реальности - работники ПО свободно могут создать миф о деятельности любого гражданина. В зависимости от того, насколько этот гражданин считается опасным для государства. А иной раз и от того, насколько необходимо «улучшить процент раскрываемости» преступлений.

Потом этот миф скрупулезно, но односторонне анализируется, - и начинается процесс создания образа преступника. Чуть позже принимается решение, что именно подбросить данному гражданину, оружие или наркотики, чтобы придать образу больше достоверности. С чего начать уголовное дело, чтобы все выглядело более-менее правдоподобно. Хотя данное условие, как видим, даже не всегда соблюдается...

«Общественное и имущественное положение» на практике тоже играет немаловажную роль, но об этом ниже.

«Принцип презумпции невиновности означает недопустимость предубежденного и необъективного подхода к принятию решения. Будь то решение о привлечении к уголовной ответственности, либо о прекращении уголовного преследования.

Каждый обвиняемый, подозреваемый имеет право на защиту.

Установка следователя на несомненную виновность подозреваемого, целенаправленный обвинительный подход к делу, предвзятая трактовка фактов являются одним из признаков профессиональной деформации юриста». (Цитата оттуда же).

Трудно допустить, что «юрист», избывая подозреваемого и натягивая на него противогаз, размышляет о принципе презумпции невиновности. Воскресло и прочно прижилось высказывание прокурора Вышинского: «Чистосердечное признание – царица следствия». Да, возможно, это так, - в том случае, если человек добровольно признался в совершенном преступлении. А если он это сделал под пыткой? Именно чтобы обезопасить граждан от такой ситуации, в Уголовно-процессуальном кодексе написано, что, «помимо признания обвинение должно строиться и на других объективных доказательствах». Следователи пытаются собрать такие доказательства, но низкий уровень интеллектуального и профессионального развития часто не позволяет им это сделать. Тогда они прибегают к пыткам и попросту выбивают «признание». А чтобы их методы не сделались достоянием гласности, современные украинские следователи делают все возможное, чтобы не допустить свидания задержанного с настоящим адвокатом, подсовывают «своего» адвоката, который скромно «не заметит» истерзанного состояния подзащитного.

Кончается тем, что следователь уже не может отказаться от обвинительного подхода и предвзятой трактовки фактов. Ведь доказательств нет! Есть признание под пыткой. Если следователь усомнится в истинности такого признания, то ему придется дать юридическую оценку фактам применения пыток. Но тогда он подставит своих коллег-оперативников. Этого следователь сделать не может. Во-первых, ему не хочется прослыть в учреждении белой вороной, да и корпоративная солидарность – не последний фактор, определяющий поведение человека... А потом – начальство ведь по головке не погладит! Следователь лишь называется «процессуально независимым», а на самом-то деле крепко повязан и зависит от той государственной машины, на которую работает. Если противопоставит себя этой машине – она его попросту раздавит.

2) Принцип справедливости требует, чтобы при расследовании уг. дела работники милиции, следователи, судьи и прокуроры опирались только на неопровержимые доказательства, действовали на основании правовых норм, а не указаний «сверху». И, в конечном итоге, определяли бы меру наказания в соответствии с тяжестью содеянного и характеристиками конкретного человека. Нарушение этого принципа приводит к грубым ошибкам в работе следствия и суда.

Впрочем, можно ли называть ошибкой, когда работники ПО знают прекрасно, что неправы, и все равно делают!..

3) Принцип гуманности требует уважения к личности в процессе дознания, следствия и суда, соблюдения норм этики. Принцип гуманности несовместим с ущемлением человеческого достоинства, применением угроз, гипнотического воздействия. Согласно учебнику юридической психологии, при допросе недопустимы даже наводящие вопросы или подсказки, так как они содержат элементы внушения. Что уж говорить о ситуациях, когда человеку просто ломают ребра...

Как хорошо, как правильно, как демократично изложены эти принципы в учебнике для будущих работников правоохранительных органов!..

Однако я узнал у студентов Одесской юридической академии, что, оказывается, этот очень важный предмет изучается только на первом курсе и только в первом семестре. По юридической психологии не сдают даже экзамен – только зачет, который, учитывая чудовищную коррупцию в академии, легко можно купить.

Возможно, и это тоже – одна из причин, почему в реальной действительности работники ПО применяют такие чудовищные методы допросов? Ведь они понятия не имеют о нормах этики, предписывающих уважать достоинство любого гражданина, в том числе и лишеного свободы. И, в 99 случаях из ста, с удовольствием применяют «аппаратурные методики»: пытки, психологическое давление (включая угрозы в адрес родных и близких арестанта), внушение, еще черт знает что... Лишь бы повысить пресловутый свой процент раскрываемости! Им невдомек, что такая «борьба с преступностью» не только не в интересах демократического общества, а во вред обществу.

Вообще нет смысла сравнивать эти демократические принципы, красиво изложенные на бумаге, с украинской реальностью.

Вывод неутешительный – на Украине царит полицейская диктатура.

Теперь стоит разобраться, используя милицейский учебник психологии, почему именно так работают сотрудники ПО.

Психологический портрет сотрудника украинский правоохранительных органов

Уверен, что для большинства населения Украины сотрудник милиции, СБУ, прокуратуры неразрывно связан с образом честного, умного, бескорыстного, принципиального человека, беспощадного борца с преступностью, защитника общества.

Возможно, такие еще сохранились. Но их меньшинство. Сама система выдавливает их из своих рядов, увольняя, отправляя на пенсию и в отставку. Такие люди сейчас не востребованы.

На психологическом уровне известны три способа подчинить своей воле другого человека:

1) **Убеждение.** Это сложный метод, так как требует от личности, его применяющей, развитого интеллекта, знания логики, определенных ораторских способностей.

2) **Внушение.** Называя вещи своими именами, это вторжение в сознание человека. И, как правило, непрошеное, происходящее без согласия того лица, к которому применяется.

Примеры: гипноз, религиозные обряды, программирование...

При внушении осуществляется целенаправленное словесное или образное воздействие, вызывающее некритическое восприятие и усвоение какой-либо информации. Так можно прививать людям идеи, по существу чуждые нормальному человеку. (Есть множество примеров, когда в религиозном экстазе верующие совершали преступления, на которые никогда не отважились бы, если бы были атеистами).

Метод внушения и его разновидность – самовнушение – может быть использован и во благо. Он эффективно применяется в психотерапии, а также при решении воспитательных задач.

3) **Манипулятивное воздействие.** Это форма межличностного общения, при которой воздействие на партнера по общению с целью направить его сознание в нужное русло, осуществляется скрытно. Манипуляция предполагает объективное восприятие партнера по общению, стремление добиться контроля над поведением и мыслями другого человека. Манипулятора характеризует лживость и примитивность чувств, апатия к жизни, чрезмерный самоконтроль, цинизм, недоверие к себе и другим.

Принципы демократии запрещают использовать в работе с подозреваемыми внушение и манипулятивное воздействие. То есть следователь должен использовать метод убеждения.

Но в действительности следователи почти никогда этого не делают. Ведь метод убеждения – слишком долгая история! Изо дня в день надо убеждать человека сознаться в преступлении... за которое грозит соответствующий срок лишения свободы. То есть, надо убедить подсудимого поступить вопреки его (подсудимого) интересам во имя таких высоких понятий, как честность, справедливость, общественные интересы и т.п.

Для начала необходимо, чтобы следователь сам в эти высокие понятия верил. Чтобы у следователя была репутация порядочного, честного человека.

Согласимся – трудновато!..

Гораздо охотнее нынешние работники ПО применяют два других метода.

Но и это не всегда дает быстрые результаты: человек, находясь во враждебной обстановке, ощущая со всех сторон опасность, интуитивно защищает свое сознание. Даже если никогда не читал учебника психологии.

Поэтому ни внушение, ни манипуляция сознанием не применяются в чистом виде, а лишь в комплексе с причинением физических страданий. Действительно, арестант куда скорее поддается внушению и даже убеждению... после пытки противогазом и висения на ломе.

Но то, что следователи таким образом экономят свое драгоценное время, - лишь одна сторона медали. Другая сторона – еще хуже. Очевидно, следователи сейчас – далеко не интеллектуалы, не владеют ни логикой, ни искусством убеждения, ни достаточной профессиональной

подготовкой, чтобы отсутствие признательных показаний обвиняемого восполнить иными доказательствами... Или же – установить невиновность подсудимого и иметь смелость сказать об этом.

Почему же в милицию в последнее время идут туповатые молодые люди с садистскими наклонностями?

Рассмотрим психологические мотивы, заставляющие их наниматься на работу в ПО.

«В **мотивации** следственной (и вообще юридической) деятельности обычно выделяют следующие типы:

1) **Адекватный тип.** У лиц этого типа ценностные ориентации и

связанные с ними мотивы профессиональной деятельности согласуются с реальным, общественно-значимым поведением, что соответствует требованиям профессионального и этического характера... Такой тип проявляет выраженную мотивацию «на дело», то есть защиту интересов и прав граждан, борьбу с преступностью и т.д.

2) **Ситуативный тип мотивации.** Решающее влияние в выборе

профессии на таких людей оказывают факторы, характеризующие внешнюю ситуацию: материальные соображения, место жительства, престиж профессии в глазах окружающих, ее романтическая притягательность.

3) **Конформистский тип мотивации.** У лиц этого типа выбор профессии

происходит под влиянием референтной (субъективно высоко значимой) группы, нормы которой для человека являются главным регулятором поведения. Этот тип мотивации близок к ситуативному типу.

4) **Компенсаторный тип мотивации.** Лица данного типа избирают

юридическую специальность, как область деятельности, где имеется возможность преодолеть в себе слабые стороны характера (неуверенность, тревожность, мнительность, замкнутость, переживание личной несостоятельности, некоммуникабельность), низкие самооценки личности. Итогом такого сочетания душевных качеств бывают серьезные профессиональные ошибки и нарушения закона.

5) **Криминальный тип мотивации.** Он характеризуется неявной

антисоциальной направленностью, как правило, маскируемой правильными формулировками. Эти лица стремятся использовать юридическое образование в своих целях, не соответствующих высоким требованиям, предъявляемым к моральному облику юриста».

Ни для кого не секрет, что мы живем в мире гипертрофированного

материализма, где буквально все (включая любовь и честь) имеет свою цену, все можно купить и продать. Как следствие, страну потрясают коррупционные скандалы. В. Стретович (глава Комитета Верховной Рады по борьбе с коррупцией и организованной преступностью) обличает бывшего Генерального прокурора С. Пискуна и главу Верховного Суда Украины и обвиняет их в создании коммерческих структур на льготных условиях и «крышевании» этих структур. Стретович открыто заявляет, что материалы по этому делу передаст только в международные судебные инстанции, т.к. отечественному правосудию не доверяет.

Политики на самом высоком уровне делают заявления о честности, об

отделении бизнеса от власти... А через полгода эти политики уходят в отставку и оказывается, что они – «владельцы заводов, газет, пароходов». Таков, например, П. Порошенко – владелец кондитерской фабрики «Рошен», сети особняков и многого другого. Среди депутатов Верховной Рады 30% - миллионеры.

Служащие низовых структур власти берут пример со своих патронов.

Мэры городов, чиновники администраций, не стесняясь, берут взятки, прикрываясь мундиром и буквой закона, нахально грабят тех же предпринимателей. Врачи спекулируют лекарствами и сдирают по три шкуры с больных, позабыв и про совесть, и про клятву Гиппократова.

Милиция, не боясь ничего, «крышует», спасая от ответственности, наркоторговцев, по заказу богатых фирм устраняет коммерческих конкурентов, возбуждая уголовные дела. СБУ контролирует самые крупные коммерческие структуры, - естественно, получая за это достойную мзду.

ГАИшники, как сидели в кустах у дороги, так и сидят, собирая дань с водителей.

Судьи за деньги выносят «нужные» приговоры.

Работники народного образования, начиная с нянечек детских садов и заканчивая профессорами академий, бессовестно обирают учащихся и их родителей.

Причина этой вакханалии, как я уже сказал, - гипертрофированный материализм (в самом ненаучном смысле этого слова), следствие экономической системы, царящей в Украине, - капитализма.

Чтобы разобраться в том, откуда взялось столько подонков-милиционеров, рассмотрим сначала одно из учебных заведений, где их готовят.

Одесская Юридическая академия значится в числе элитных юридических ВУЗов Украины. Здесь учатся будущие судьи, прокуроры и т.д. Поступление в Юридическую академию стоит от 10 до 20 тысяч долларов США. Понятное дело, что обычному гражданину туда не попасть. Для этого надо иметь либо большие деньги, либо связи. Либо – то и другое.

Трудно допустить, что все сынки и дочки богатых или руководящих родителей – умные, честные, бескорыстные юноши и девушки. Скорее наоборот. Ведь честных среди богатых – единицы... В самом деле, как честному стать богатым? Приблизительно такое же мизерное количество честных людей наблюдается и в среде крупных госчиновников. Какими могут они воспитать своих детей? Ответ очевиден: только такими же, как сами. Даже если внушать детям на словах самые высокие идеи и проповедовать самые лучшие душевные

качества, подростков 13-15 лет уже очень трудно обмануть. Они видят, какой образ жизни ведут родители, и берут с них пример. Конечно, есть исключения, но они только подтверждают правило.

На обучение ребенка в ВУЗе родители тратят огромные суммы. Не удивительно, что учеба в Юридической академии (или попросту в школе милиции) рассматривается, как бизнес. Папа с мамой вложили деньги – и теперь ждут возврата вложенных средств. Причем, обязательно с прибылью.

Поэтому рассматривать первый тип мотивации (адекватный) не имеет смысла. Людям, искренне защищающим интересы граждан и по-настоящему борющимся с преступностью, почти невозможно сюда проникнуть. Они, повторюсь, вымирающий вид, пережиток прошлого. Система выдавливает их, как инородное тело.

Подавляющее большинство сотрудников ПО относятся к ситуативному и конформистскому типам мотивации при выборе профессии. Хотя романтическая притягательность милицмейской службы их вряд ли волнует. Жажда наживы, стремление любой ценой вернуть вложенные в обучение деньги, - вот это, действительно, имеет значение. Также и внешний антураж: модные костюмы, шикарные иномарки, дорогие мобильные телефоны, евроремонты в квартирах и в кабинетах...

Чтобы убедиться в этом, мой недоверчивый читатель, подойдите в рабочий день к прокуратуре, УБОП, любому суду или зданию СБУ. Вы увидите там хорошо одетых, самоуверенных господ и дам, подъезжающих на очень дорогих машинах. Это не подозреваемые приехали на допрос, это сотрудники правоохранительных органов прибыли на работу.

Добиться материальных благ, используя профессию юриста, можно двумя способами. Оба способа недостойные, но один – явно преступный, а другой – прикрыт флером внешнего приличия.

Говорить о борьбе с преступностью бессмысленно, поскольку преступность есть источник дохода многих работников ПО. Они могут раз в месяц задерживать одного и того же человека, заведомо зная, что он преступник, и каждый раз его выпускать – за соответствующую сумму. Понятно, что шансы быть выпущенными имеются лишь у платежеспособных преступников. Неплатежеспособные пойдут под суд и получают срок.

Борьба с наркобоссами только имитируется. Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков систематически посещает особняки наркодельцов, снимая с них дань. Те откупаются и продолжают продавать наркоту. А в тюрьму, для выполнения плана, идут наркоманы.

Данью облагается любой незаконный бизнес. Функции рэкета, которые раньше выполняли бритоголовые парни из «бригад», перешли к ПО. Бандиты же, если и пытаются обложить данью наркобаронов, получают «по полной программе» за вымогательство. ПО ревниво охраняют своих клиентов.

СБУ, прокуратура, работники райотделов – все участвуют в этом преступном бизнесе. (О судейском корпусе разговор пойдет ниже). Это один из распространенных способов «делать деньги».

Я уж не говорю о многочисленных официальных коммерческих фирмах, которые «правоохранители» и государственные чиновники открывают на имя жены, тещи, а порой и на свое собственное!..

Второй способ менее прибыльный, но не менее безнравственный. Тут во главу угла ставится служебный рост любой ценой. Карьеру делают буквально на костях... Причем, не только преступников, но и вполне законопослушных граждан, на которых «вешают» нераскрытое.

Вся члена следственной группы СБУ, которые вели нашумевшее «Дело одесских комсомольцев», пошли на повышение, получили внеочередные звания. Следователь Коваленко (тот самый, который любит предлагать секс женам своих подследственных) переведен из провинциального Николаева в Киев, в центральный аппарат УСБУ. И никого не интересует, что одна из женщин (проходившая по делу всего лишь свидетельницей, после общения с этим *офицером* получила инсульт).

Одно из условий быстрого служебного роста – скорость и «качество» расследуемых дел. Ради этого в ход идет все: подбрасывание подозреваемым «вещдоков», пытки, угрозы... Результат – «чистосердечное признание» и передача дела в суд. Здесь крайне негативную роль играет и так называемый «план раскрываемости». Интеллекта и опыта, чтобы раскрывать преступления, у работников ПО не хватает, вот они и делают «план», ломая кости и судьбы людей. А то ведь за невыполнение плана начальство заругает и премии лишить могут!..

В рассматриваемых случаях и получение специальности юриста, и аморальные методы работы имеют целью лишь добывание денег и высокого служебного положения (дающего возможности добыть еще больше денег и обезопасить себя от какой-либо ответственности). Романтика, жажда подвига, идея борьбы с преступностью – канули в Лету.

Конформистский тип мотивации вполне понятен. Отец, допустим, полковник милиции. Он с самого детства будет внушать сыну преданность своему клану. Сын, в свою очередь, придя на работу в ПО, уже будет знать о **корпоративной солидарности**. Из-за этого вполне реального явления роль прокуратуры, как органа, надзирающего за соблюдением законности, превращается в фикцию. **Прокуратура – это одна из структур корпорации.**

Получается абсурд. Человека арестовывают, еще не доказав его вины, обращаются с ним уже как с преступником, бьют, пытают, выбивая «признание»... Человек через адвоката направляет жалобу в прокуратуру. Та назначает служебную проверку - и не обнаруживает фактов, подтверждающих применение пыток.

Впрочем, в данном случае нет смысла даже возмущаться: по-другому и быть не может. Неужели есть еще настолько наивные люди, которые могут думать, что прокуратура защитит зека и накажет сотрудника УБОПа, своего друга, с которым проверяющие из прокуратуры учились в одном учебном заведении, дружат

семьями, вместе выезжают на пикники? Нет. Корпорация – как монолит. Ее никакому закону не пробить. Она – как та пресловутая изба, из которой не выносят сор. Вот и создают сотрудники ПО свой имидж непогрешимых, святых борцов с преступностью. Почти ангелов.

Компенсаторный тип мотивации с точки зрения психологии самый опасный. Рассмотрим это опять же на примере «Дела одесских комсомольцев», - просто потому, что оно получило общественную огласку, как одна из первых попыток восстать против бесчеловечного капиталистического строя.

- Мы спокойно шли по центральной улице Николаева, - рассказывал сокамерникам Игорь Данилов, главный участник николаевских событий. – Вдруг слышу за спиной голос: «Эй, аллэ! Стоять!». Мы, понятное дело, не реагируем. Слышу топот – догоняют. «Вы что, глухие?! Мы хотим с вами познакомиться!». Оборачиваемся: перед нами ожившие образы Тарапуньки и Штепеля. Одеты одинаково, в дежурные кожаные куртки, только один – маленький, почти карлик, а второй – двухметровое создание в очках. Этот здоровый и говорит: «Вы что, уроды, глухие?!». Я в шоке. Спрашиваю: «Кто ты такой, чтобы оскорблять?». В ответ: «Не базарь, руки вытащить из карманов! Милиция!». И оба достают какие-то корочки...

Игорь выполнил приказ этих двух «уродов» – вытащил руки из карманов. Правда, в правой руке у него оказался пистолет. Ну, и как поступили Тарапунька и Штепель, они же опера Ленинского РОВД г. Николаева Крыгин и Шевенко, - что бы вы думали?.. Если бы дело происходило в детективном кинофильме, то они бы, конечно, бесстрашно кинулись на вооруженного преступника, чтобы задержать и обезвредить его. Но нет, читатель, жизнь – это не кино! В глазах реальных Крыгина и Шевченко отразился животный страх. С криками ужаса они позорно бросились бежать.

- Поверьте, я не хотел их убивать! – рассказывал дальше Игорь. – Если бы хотел – убил бы. А так вижу – бегут, как зайцы, думаю: а ведь могут и подкрепление вызвать... Короче, решил их просто вывести из строя. Одному задницу прострелил и другому тоже.

Вот такие «героические» опера служат в украинской милиции.

Но самое интересное произошло, когда Игорь уже сидел в николаевской тюрьме, местные преступники, узнав, что он стрелял в Крыгина и Шевченко, от души его благодарили! Они объяснили: в Ленинском РОВД эти два опера числились самыми изощренными садистами, больше всех «старались» на допросах, проявляли рьяную изобретательность, пытая заключенных.

Психология – поистине великая наука. Пример этих двух подонков подтверждает многие теоретические научные положения. Самые трусливые, подлые, низкие – оказываются и самыми жестокими.

Мне кажется, данный пример очень показателен. Можно представить, какой процент сотрудников ПО страдает неуверенностью в своих силах, мнительностью, переживают личную несостоятельность, да и вообще маются комплексом неполноценности! Если судить по массовости применения пыток и систематическим издевательствам над заключенными, - сотрудников с такими психическими отклонениями подавляющее большинство...

Но уверен - решающим мотивом при выборе профессии является все же меркантильность. Оно и понятно: жадность – родная сестра подлости, жестокости, трусости.

Сложно понять другое. Раньше в милицию (и в юридические учебные заведения тоже) был очень строгий отбор. Принимали только тех, кто отслужил в армии, имел хорошие характеристики и прошел тестирование у психолога. Сейчас этого нет. И результаты, как видите, налицо! Уже и в правоохранительных органах безраздельно правит его величество денежный знак. Покупаются и дипломы, и характеристики, и результаты любых тестов. Раньше не могло быть и речи о сотруднике милиции с судимостью – сейчас это в порядке вещей.

А теперь мы подошли к рассмотрению последнего типа мотивации при выборе людьми юридической профессии, - **криминальному**.

Думаю, целенаправленно, заранее осознавая, что придется нарушать закон, никто такую профессию не выберет. Одни это представляют себе абстрактно, другие – вообще не представляют, третьи даже уверены, что все делают правильно. Вторые и третьи – самые опасные. У них отсутствует то, что присуще любому преступнику – чувство опасности, инстинкт самосохранения и хотя бы подсознательное ощущение своей вины за содеянное.

Как я уже говорил, сейчас широко распространено вливание в ПО преступного элемента. Нет, не непримиримых закоренелых преступников; эти правоохранительную систему ненавидят и никогда не пойдут туда работать. Да и она не примет таких в свои ряды. Разговор идет о богатых папенькиных сыночках с ярковыраженной криминальной психологией.

Таких примеров достаточно. Вот типичный средний студент ОНЮА

(Одесской национальной юридической академии). У него папа – руководящий сотрудник нефтяного бизнеса. А сынок учится на судебно-прокурорском факультете. Понятное дело, он ни в чем не нуждается. Но это не мешает ему совершить банальное преступление против чужой собственности. Обкурившись гашиша или объевшись наркотических таблеток, он, в компании таких же уродов, нападает вечером на прохожего. Грабеж, в народе называемый «гоп-стоп». Ясное дело, папашка отмазал парня, заплатив нужную сумму следователю райотдела. При том, прошу ни на минуту не забывать, что «гоп-стопник», избежавший заслуженного наказания, это будущий судья или прокурор! Ведь из Юридической академии его даже не отчислили.

Еще пример. Парнишке 17 лет. Папа – один из руководителей УБОПа в

Одессе. Также не бедствует, - скорее бесится с жиру. Наркотики, алкоголь, хулиганства, грабежи... Папа стоит на таком служебном уровне, что ему не составляет труда выгородить свое чадо при любой ситуации. Будущее у паренька, несмотря на преступную психологию, предрешено, - пойти по стопам папы-УБОПовца. Он становится курсантом школы милиции... В настоящее время – уже молодой лейтенант, сотрудник Киевского РОВД г. Одессы.

Сейчас появилось новое поколение ментов. Они, как хищники на охоте, караулят в кустах возле аптек, где продается тримеадол (наркотическое вещество), ловят наркоманов, забирают у них эту гадость, но протокол не составляют. Они сами потом употребляют эти таблетки! Уверен, эти негодяи и пришли в систему ПО уже будучи наркоманами. Но зависимость от наркотиков – еще не преступление, это скорее болезнь. Преступниками они сделались уже после того, как надели милицейскую форму.

А теперь Вам, читатель, судить, по какому типу мотивации, криминальному или компенсаторному, пришли работать в органы следующие «герои» нашего путешествия по зловонным коридорам украинской правоохранительной системы.

Уже известный нам Калининский РОВД г. Донецка. Работал здесь некий Алексей со славной фамилией Верещагин. Работал опером. Как все, работал. Бил и пытал, выбивая показания. Но ему этого показалось мало. То ли зарплаты не хватало на жизнь, то ли премию за хорошую «раскрываемость» не дали... Воспаленный мозг Верещагина родил оригинальную схему.

Задерживает группа Верещагина человека, подозреваемого в разбоях. Понятное дело, бьют. Официальных документов о задержании не оформляют. Несчастный неделю сидит, лежит, валяется избитый в кабинетах РОВД... Хотя юридически считается, что он на свободе!

Под пытками Верещагин заставлял людей подписывать пустые листы. После этого группа Верещагина выезжала, одевала маски и совершала разбои.

Дальнейшее – дело техники. В кабинете РОВД, на подписанных задержанным бланках, излагались подробности совершенных операми разбоев. Очень просто: человек заперт в кабинете работника милиции, но, тем не менее, совершает в городе разбой.

И, поверь, читатель, Верещагину все бы сошло с рук, но случилось досадное для оперов недоразумение: «правоохранители» совершили налет на пункт обмена валют, расположенный напротив здания областного УБОПа... Опера-разбойники застрелили охранника обменного пункта, но охранник, умирая, успел нажать «тревожную кнопку». Налетчики этого не заметили. На место преступления быстро прибыла группа бойцов «Сокола» и «Беркута». Между ментами завязалась перестрелка. Потери были и с той, и с другой стороны. В итоге оперов Калининского РОВД задержали. Тут-то все и раскрылось.

Еще один опер Калининского РОВД г. Донецка – Изотов Виталий – спокойно перемещался по территории Украины, а также по просторам ближнего и дальнего зарубежья, оставляя за собой ограбленные магазины и обворованные квартиры. Изотов был даже объявлен в международный розыск по линии Интерпола. Задержан. Сидит в Донецком СИЗО под следствием.

Осудят ли его справедливо? Не знаю. Не верю. Система, если и наказывает своих опричников, то чисто символически.

Хочу подчеркнуть другое: все эти люди были поставлены государством защищать мирный труд и покой граждан. Они же творили разбои, грабежи и убийства. И таких сотрудников в ПО едва ли не большинство.

Киевский РОВД г. Донецка далеко от Калининского не ушел. Молодой парень задержан за угон... Ментам было мало, что задержанный признался в одном угоне. На него решили повесить еще несколько таких эпизодов. Он подписывать ложные признания не хотел. Его запытали до такой степени, что он прыгнул в окно со второго этажа, разбив своим телом стекло. Выбросился вместе со стулом, к которому был пристегнут наручниками.

Парню не повезло. При приземлении он сломал ногу и уйти далеко от своих мучителей не смог...

Тема матерей и жен, которых используют для оказания давления на задержанных мужей и сыновей, весьма популярна среди деградировавших сотрудников ПО.

Матери Алексея Р. из Донецка сначала звонили в 2-3 часа ночи. Звонили и молчали. По пятьдесят раз кряду. Она отключила телефон. Тогда начали звонить в дверь. Она отключила дверной звонок. После этого в дверь стучали, орали, смеялись, поднимали на ноги весь подъезд... А Алексею в УБОПе опера просто сказали: дай показания – и мать оставят в покое.

В итоге менты довели престарелую женщину до инфаркта.

А вот у подельника Алексея – Андрея В. было чуть по-другому. За то, что он не хотел давать показания, в один из дней, когда жена была на работе, к нему в квартиру кто-то проник. Неизвестные почти ничего не украли, зато перевернули всю квартиру. Особенно постарались на большой двуспальной кровати, которая раньше служила супружеским ложем Андрею и его любимой женщине. По простыням ходили ногами в грязной обуви, облили все какой-то вонючей жидкостью...

Жена заявила в милицию, но расследование, очень бурно начатое, вдруг

застопорилось. И, как ответ на заявление потерпевшей, «неизвестные» повторили свой визит, сотворив, один в один, то же самое, что и в первый раз.

А потом следователь Рождественский, как бы невзначай, посоветовал Андрею давать «нужные» показания, иначе в следующий раз в квартиру придут, когда жена будет дома. Причиной, по которой сотрудники ПО становятся преступниками, является **профессиональная деформация**.

Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов

Обратимся к тому же учебнику «Юридическая психология»:

«Как правило, выделяют виды деформации:

- **Общепрофессиональные деформации** (типичные) – синдром асоциальной перцепции, при котором каждый гражданин воспринимается, как потенциальный нарушитель, эмоциональная индиферентность, холодность к страданиям других, поведенческий трансфер, характеризующий формирование черт ролевого поведения и качеств, присущих лицам, нарушающим закон, усвоение и употребление жаргона;

- **Специальные профессиональные деформации**, связанные с внутрипрофессиональной специализацией: у следователя – правовая подозрительность, у работников охраны – актуальная агрессивность и т.п.;

- **Профессионально-типологические деформации**, обусловленные наложением индивидуально-психологических особенностей личности на психологическую структуру деятельности: комплекс превосходства, гипертрофированный уровень притязаний, доминантность, обусловленные реализацией работником властных функций;

- **Индивидуальные деформации**, обусловленные индивидуальными психологическими особенностями работников: профессиональные акцентации, сверхкачества, сверхответственность, трудоголизм, трудовой фанатизм, сверхчестность.

Среди основных психологических детерминант профессиональной деформации сотрудника ОВД (органов внутренних дел) главной является сама профессиональная деятельность, а также:

- 1) неадекватность мотива выбора профессии конкретному человеку целям профессиональной деятельности (корыстные мотивы, стремление к власти, доминированию, самоутверждению);
- 2) несовпадение ожиданий молодых работников профессиональной реальности, трудности и неудачи на пути профессионализации;
- 3) стереотипизация, образование автоматизированных умений;
- 4) действие механизмов психологической защиты в связи с повышенной эмоциональной напряженностью, насыщенностью, ответственностью, опасностью для жизни и здоровья, приводящих к синдрому «эмоционального выгорания» (эмоциональной холодности), рационализации, вытеснению, проекции, регрессии;
- 5) акцентуации характера, переходящие в профессиональные акцентуации, в сверхкачества;
- 6) задержки профессионального развития (стогнации);
- 7) старение и снижение уровня интеллекта.

В систему основных показателей профессиональной деформации можно также включить:

1. **Предвзятое отношение** к объекту служебной деятельности, т.е. гражданам или группе граждан. Для него характерны:
  - обвинительный уклон (установка) или презумпция привычной вины объекта;
  - абсолютизация карательно-принудительных мер и вера в их универсальную эффективность;
  - психологические барьеры в общении.
2. **Субъективное толкование законопослушного поведения и нормативной регламентации служебной деятельности**. Это приводит к
  - злоупотреблению властью или неприменению властных полномочий в случаях, предусматривающих их применение;
  - личному установлению недозволенных связей или их поощрению;
  - использованию запрещенных способов и приемов деятельности;
  - употреблению алкоголя в служебное время и злоупотреблению им в застольях;
  - перенесению особенностей служебного общения и отдельных способов и приемов деятельности на внеслужебные сферы – властно-командный тон, тотальное использование жаргона (профессионального и уголовного), речевых штампов, ненормативной лексики и т.д.
3. **Профессиональное огрубление личности**, которое проявляется
  - в сверхнормативном пребывании на службе без серьезных служебных причин;
  - в стойком интересе к служебным делам вне службы (по выходным дням и в отпуске);
  - в преимущественном пребывании в профессиональной среде (с постоянным ношением формы) по сравнению с внеслужебным окружением, социо-профессиональная самоизоляция.
4. **Изменения в образе «Я»** (представление о самом себе),

показателями которых служат:

- стойкая завышенная профессиональная самооценка, вызывающая пренебрежительное отношение к представителям других профессий, снисходительность в оценке коллег по службе;
  - болезненная реакция на критику или контроль, проверку своей деятельности;
  - фиксированная ориентация на собственный опыт, включающая презумпцию своей непогрешимости.
- Можно выделить и три уровня деформации: начальный, средний, глубинный.

Результаты эмпирических исследований показывают, что у работников со стажем работы в ОВД от 5 до 20 лет – начальный уровень деформации выявлен у 37% сотрудников, средний уровень показателен для 47,7% и глубинный – для 9,3%».

Значит, через 5 лет работы в ОВД деформации той или иной степени подвержены **все сотрудники!**

Итак, если внимательно присмотреться к этой, извините, слишком уж тяжеловесной цитате из учебника, открывается очень мрачная картина. Все старые кадры и в милиции, и в прокуратуре, и в СБУ имеют профессиональные деформации. Приходит зеленая молодежь со своими пороками – наркоманией, криминальной психологией, необузданной жадностью денег, - и эта молодежь попадает «на воспитание» к старым, опытным сотрудникам... А те уж воспитывают, как умеют! И сразу передают молодежи всю ту профессиональную деформацию, которую наживали годами.

Вот и получается, что мы имеем таких ментов, которые при задержании бьют людей только потому, что от начальства пришла команда «задержать!». Этого хватает, чтобы человека прямо на улице, на глазах прохожих, ткнуть лицом в асфальт, прыгать ногами на его голове, тащить в пыточные кабинеты райотдела и жестоко истязать там, обеспечивая себе «хорошие показатели раскрываемости», служебный рост и деньги.

Не только опера, но и следователи у нас – садисты. Хоть и в белых рубашках. Они продолжают работу палачей, применяя то угрозы, то грязные намеки, что может что-то случиться с близкими задержанного. Сотрудники ПО преследуют единую цель... Нет, не установить истину, не обеспечить торжество справедливости, а добиться от арестованного «признания» любой ценой. После чего повесить себе на погоны еще по одной звезде и переехать, если повезет, в Киев, на повышение.

Озверевшие, орущие матом опера, зачастую исполняют свои служебные обязанности в пьяном виде. Да еще и козыряют этим. Ну, а пьяный, как известно, не воспринимает никакой критики, не боится никаких проверок, не уважает никаких законов. Причина такого поведения также легко объясняется с помощью науки психологии: неадекватная мотивация при выборе профессии и неизбежная профессиональная деформация.

Все это понятно. Но вот почему государство, называющее себя «демократическим», зная, что происходит в системе МВД, не борется с такими явлениями? Это мы рассмотрим ниже.

Однако вернемся к задержанному подозреваемому. Попытки и первый допрос, даже если человек во всем признается, - еще не конец страданиям. Рассмотрим следующий круг ада, неизбежно ожидающий человека, попавшегося в лапы ПО.

Следственный изолятор

«Фрустрация» – под этим принято понимать психическое состояние, наполненное тревогой, расстройством, внутренним дискомфортом, общей напряженностью... В этом состоянии обвиняемый обладает минимальной возможностью критически и верно оценивать ситуацию, он очень внушаем, мнителен, впечатлителен» (см. все тот же учебник).

Сотрудники ПО это очень хорошо знают. Поэтому своими действиями, описанными выше, они пытаются для задержанного состояние фрустрации продлить до бесконечности. И, по возможности, углубить это состояние.

Известный психоаналитик, работавший в области юриспруденции, А.Р. Ратиков пишет:

«Изыятие из обычной обстановки, изменение привычного уклада жизни, нравственные страдания и физические лишения, вынужденное бездействие, неизвестность будущего, отсутствие связи с близкими и, вообще, ограниченная возможность общения с людьми производят исключительно тяжелое впечатление на человека».

Человек пребывает в глубоком шоке. В науке это состояние называется стрессом. Что же такое стресс с точки зрения психологии?

«Понятие напряжения тесно связано с понятием **стресса**. Г. Сольве зафиксировал характерную динамику протекания физиологического стресса: 1) фазу мобилизации (фазу тревоги); 2) фазу сопротивления (фазу резистентности); 3) фазу истощения.

Переход стресса в затяжную форму может быть следствием длительного воздействия стрессора, низкой эффективности восстановительных процессов, личностной дисгармонии, психической травмы и т.п.

Психологический стресс обычно отождествляют с эмоциональным стрессом, который рассматривается как состояние эмоционального перенапряжения, ярко выраженного переживания человеком конфликтных жизненных ситуаций, которые остро и длительно ограничивают удовлетворение его социальных или биологических потребностей.

Субъективные характеристики стресса: ощущение напряжения, тревоги, дискомфорта».

Это в теории. А на практике задержанный из кабинета следователя попадает в камеру следственного изолятора. Поверьте – это достойное продолжение ментовской пытки.

Опишу сначала свои впечатления. Допросы в УСБУ Николаевской области длились с 9 утра до 10 вечера. Меня, в отличие от многих, не били и не пытали. Хотя следователь Грицай, играя роль «злого» следователя, постоянно мне угрожал побоями. Затем, видя, что на меня это не производит впечатления и нужные им показания я все равно не даю, начал угрожать мне пресс-хатой в изоляторе.

Пресс-хата - жаргонное выражение. Кстати, и чистолюй Грицай, который старается не замазать кровью свою белую рубашку, также подвержен деформации личности; свободно пользуется и жаргоном, и недозволенными приемами следствия...

Так вот, пресс-хата – это камера, в которой сидят либо уголовники, заплаченные системой ПО, либо сами сотрудники ПО. Несговорчивых заключенных там бьют и всячески издеваются, принуждая к даче показаний на следствии. В случае серьезного увечья – все списывается на конфликт между арестантами, а правоохранительные органы вроде как ни при чем.

К слову, в самом преступном мире такое явление, как пресс-хата, мягко говоря, не приветствуется: «прессовщиков» (как правило, молодцов-спортсменов) при возможности бьют, а иногда и режут.

Честно скажу, попасть в такую камеру с моими физическими данными я не боялся... но опасался. Нервы были на пределе. Готовился к самому худшему, но вида не подавал – такой радости СБУшникам я не мог доставить.

Везли в обычных «Жигулях» на заднем сидении, по бокам альфовцы с автоматами... Шапка опять натянута на лицо. Наконец, приехали. Перед входом в какое-то учреждение с меня стянули маску. Я уже тогда заподозрил, что эта вынужденная слепота – беззаконие. Голову мне пригнули вниз, когда повели, но я успел увидеть – привезли в райотдел милиции. В какой именно – не разглядел.

Над дежуркой электронные часы показывали 23.10. В такое время, как правило, в изолятор временного содержания (ИВС) не принимают. Для меня сделали исключение. Один из сопровождающих – здоровенный детина в дубленке и с явными признаками дебилизма на лице – пошел договариваться.

Менты явно побаиваются СБУшников. Документы Службы безопасности открывают в нашей стране любые двери. Милиционеры ругались и материли «чекистов», но лишь тогда, когда те уже уехали. Тон ругани говорил о лютой ненависти, которую испытывают нищие, полуграмотные менты к элитным, самодовольным, но таким же полуграмотным СБУшникам.

Обыск. Раздели догола. Заглянули, буквально, в каждый уголок...

- Вырви супинаторы, - сказал, бросив мне мои же ботинки, мент.

- Что? – не понял я.

Он взглянул на меня, как будто я явился сюда с другой планеты. (В принципе, так оно и было).

- Там, под стельками, есть металлические пластины, - объяснил он, - их надо вырвать. В противном случае... Можно и не вырывать, но в камеру пойдешь босиком.

У меня не было желания в декабре ходить босиком. Поэтому, обдирая

ногти, отрываю качественно пришитые стельки. Нахожу, действительно, стальные пластины. Удаляю их. Они со звоном летят в угол холодного и грязного помещения.

Менты интересуются, что я такого натворил, раз мной занимается СБУ.

Рассказываю. Они в ответ только головами качают. Но вот процедура приема в изолятор закончена.

Подписываю бумаги, что к ним претензий не имею.

Поднимаемся на второй этаж. Несколько зарешеченных дверей под

сигнализацией. При открывании каждая дверь издает душераздирающие вопли сирены.

Стальная дверь камеры. Четыре защелки плюс замок. Открывают. Сразу

бросается в глаза, по сравнению с коридором, темень в камере. И холод. Люди уже спят. Я

останавливаюсь в дверях, чтобы глаза привыкли к темноте.

- Проходи, здесь есть место, - слышу голос из темноты. Молодой парень

встает и садится за стол, стационарно установленный в центре камеры. Закуривает.

- Был отбой, почему не спишь? – спрашивает мент, заглядывая в глазок двери.

- Не спится, сейчас покурю и лягу, - добродушно отвечает парень.

Но вертухаю добродушие не по нутру:

- Я сейчас, б...дь, открою дверь, пе...бу палкой, сразу спать захочется!

«Да, весело...», - мелькает у меня в голове. Парень, тихо матюкаясь, укладывается на место.

Мое лежбище назвать удобным нельзя. Матраса нет. Приходится лежать на

ледяном стальном листе. Он-то и есть нара. Постелил вместо матраса свою куртку, но, оказалось, и это не годится – очень быстро замерз. От двух окошек, расположенных под потолком, веет холодом. Одеваю, вновь, куртку на себя. На уши натягиваю свою кепку и мысленно сожалею, что вышел вчера на улицу не в меховой шапке. Подушки, понятное дело, нет и в помине. Сворачиваюсь, как бездомный кот, клубком, поджав ноги к животу. Согреться не удастся. Даже сквозь толстые джинсы и еще вдобавок спортивные штаны ногу жжет ледяное железо.

Условия явно не для отдыха, но усталость, накопившаяся за сутки, делает свое дело. Засыпаю. Но сон урывочный – холод будит, толкая в бок, через равные промежутки времени. Так, по крайней мере, мне кажется.

Душераздирающий вой сирены – подъем. Приносят завтрак: один кусочек хлеба и полухолодный напиток, только названием напоминающий чай. Согреться им нельзя. Куском хлеба, соответственно, наестся тоже нельзя. С сокамерниками познакомиться не успеваю: кроме двух человек, всех остальных утром заказали на этап.

С хмурыми, мрачными лицами завтракаем. Ребята молча делятся со мной остатками копченой колбасы – кому-то была передача. Искренне благодарен. Хлебаем остывший чай, скорее – чуть подслащенную водичку. Думаю: раз есть колбаса, значит, здесь принимают передачи.

- Ложись на мое место, - предлагает мужчина с изможденным, серым, давно не бритым лицом. Я молча киваю и перекидываю свои вещи с верхней нары – своего ночного пристанища – вниз. Здесь лучше. На железе нары красуется грязный до липкости, продранный в нескольких местах матрас. В его рваных ранах, как внутренности, виднеются куски грязной ваты. Прижаться головой к блестящему от грязи матрасу - от этой мысли аж мурашки побежали по коже. Под матрасом целлофановый кулек с непонятными тряпками...

- А ты? – лаконично спрашиваю я.

- Не буду ложиться, соберу вещи. Еду. Ложись, - так же лаконично сообщает мне мужчина.

Ложусь в грязь матраса. Укрываюсь курткой. Место, действительно, «царское». Вытягиваю ноги и чувствую тепло. От неожиданности привстаю... Все понятно! Ниша в стене – и в ней отопительная батарея. Она наглухо закрыта какой-то белесой плитой с просверленными дырочками. Вот к ней-то я и прикоснулся ногами. Хорошо!.. Согрившись, проваливаюсь в дремоту, натянув на глаза свою теплую кепку. Снять ее мысль не появляется.

Время не знаю. Это еще один вид психологического пресса. Часы забирают.

Сколько я позже ни интересовался, для чего это делается, никто ничего вразумительного сказать не смог. Ни заключенные, ни менты.

В маленьких окошках под потолком начинает сереть. Скромное, холодное декабрьское утро. В это же время в коридоре изолятора начинается движение. Громко разговаривают, неестественно, истерически хохочут менты, гремит железо открывающихся и закрывающихся дверей, пронзительно верещит сирена сигнализации.

Полностью просыпаюсь. Через некоторое время открывается наша дверь.

Перед тем, как открыть ее, коридорный контролер долго рассматривает всех обитателей камеры в дверной глазок. Только после этой процедуры слышим лязг ключа в замке. Ребят вывели. Еще через пять минут слышим команду: «Приготовиться к проверке!». С удивлением вижу, что мои сокамерники снимают носки.

- Это обязательно? – интересуюсь я.

- На шмоне заставляют раздеваться и снимать носки, - объяснил мне один из арестантов. – С носками приходится долго возиться. Мусора злятся и можно получить по горбу.

Аргумент веский. Пожимаю плечами, но носки снимаю. Старожилам виднее. Так называемая «проверка» удивляет и одновременно приводит меня в состояние потрясения. Как таковая, проверка занимает минут пять. Все остальное время – унижения, окрики, побои. Холодный коридор, в котором свободно гуляют сквозняки. Ноги без носков чувствуют себя неуютно в явно прохладных ботинках. Заставили раздеться до трусов. Сделать это мудрено: приходится одновременно держать в руках уже снятые вещи, продолжая снимать оставшиеся. Менты орут: «быстрее!».

С интересом изучаю последствия этой психологической атаки тюремщиков:

мой сосед явно нервничает, трясется, как в лихорадке. Дрожащими руками с трудом расстегивает пуговицы рубашки. Лицо его приобретает странное выражение... На нем отражаются все чувства: страх, унижение, безмерное горе... Он роняет вещи – и от этого еще больше, с испугом, суетится.

«Торопись не спеши» - я хорошо уяснил себе эту житейскую мудрость.

Раздеваюсь вяло, не торопясь. Жду, когда менты начнут орать на меня, подгонять. Но, к моему удивлению, происходит обратное. Орать начинают на моего соседа:

- Быстрее, б...дь, что возишься! – хриплым басом орет здоровенный дебелый мент. Я потом узнал, что кличка у него «Конь-голова». Очень точно подмечено. Его неестественно огромная, неправильной формы голова очень походила на конскую.

Понукания на соседа производят катастрофическое впечатление. В глазах затаилось безумие. Он вращает ими во все стороны, но, я уверен, - не видит ничего. Это нокдаун. Вот так, ни разу не ударив, человека можно довести до полубоморочного состояния. Он уже снял ботинки, стоит босыми ногами на грязном, заплыванном линолеуме и тянет свою обувь под нос мента. Тот с гримасой отвращения презрительно смотрит на испуганного, раздавленного человека.

Провожу очередной эксперимент. Тем более, что стоять босиком перед этими скотами нет желания. Да и холодно. Снимаю, нарочито медленно, сначала один ботинок. И сую его тоже под нос менту. Тот внимательно смотрит на меня. Надо выдержать взгляд. Это – как у животных.

Отвел глаза, значит - слабый, значит – проиграл, попал в подчиненное положение. Выдерживаю. К моей неопишуемой радости – теперь суесться начинает мент. Хватает ботинок и, с явно преувеличенным интересом, изучает его внутренность. Изучив, возвращает мне. Одеваю и начинаю снимать другой...

- Не надо. Одевайтесь, - тихо, почти дружелюбно произносит «правоохранитель». Неужели я его победил?! Посмотрим...

Одеваемся и спускаемся по лестнице на первый этаж. Через каждые 3-4 шага стоят тюремщики, угрожающе помахивая дубинками. Некоторые орут: «Бегом!». Я иду первым, довольно быстро иду. Но бежать – этого они от меня не дождутся! Все время жду удара дубиной. Не бьют. Прогулочный дворик 2x2 метра. Стальной забор без щелей. Вместо неба – густой слой решеток. Полная изоляция. Высокая ступенька от двери во дворик покрыта толстым слоем льда. Впрочем, как и весь дворик, напоминающий каток. Бросаются в глаза яркие пятна крови и на ступеньке, и на льду дворика. Меня поражает контраст: серые стены, серый лед, серое, дышащее холодом небо, и вдруг – ярко красная кровь...

Осторожно выхожу в этот мрачный «дворик». Ноги скользят, еле-еле удерживаю равновесие. Откуда кровь? Быть может, у кого-то кто здесь гулял до нас, открытая форма туберкулеза? В тюрьме среди заключенных это обычное, повседневное явление. А, может, кто-то поскользнулся на ступеньке и ударился головой? Или проще: ночью сюда вытащили менты непослушного зека и банально избили. Это так же, как и туберкулез, здесь обычное явление. Загадка появления крови так и остается неразрешенной.

С огромным удовольствием втягиваю в себя чистый морозный воздух. Даже голова закружилась... Вот здесь и началась, непосредственно, проверка. К запертой решетчатой двери подошел мент с журналом, похожим на бухгалтерскую книгу а-ля семидесятые годы. Называет фамилии. Наша задача - вовремя отреагировать и назвать свое имя, отчество, год рождения, статью уголовного кодекса, по которой обвиняют. Мент специально говорит тихо, еле бормочет себе под нос. Логика проста: заключенный должен быть постоянно в напряжении, даже в такой мелочи. Удача! Мент в восторге: один из нас не расслышал свою фамилию с первого раза.

Холеная, круглая, как шар, рожа сержанта сначала покрывается пятнами, затем приобретает багровый оттенок. Он начинает орать, брызгая слюной. Обещает прочистить уши дубинкой. Зрелище отвратительное. Отворачиваюсь. Но в то же время я восхищен: какая игра! Просто МХАТ. Потом спохватываюсь и мысленно ужасаюсь: а вдруг это не игра? Вдруг это реальная, а не наигранная злоба? Тогда дело обстоит гораздо хуже!

Словно прокручивая киноленту в обратном порядке, но только без унижительного раздевания, возвращаемся в камеру.

...Это официально называется – обыск. На самом деле – обычный погром.

Когда мы возвращаемся в камеру, наши личные вещи и матрасы – все перевернуто вверх дном. Много вещей лежит на полу. Матрасы, чуть надорванные до обыска, сейчас разодраны полностью. Вата клочьями валяется всюду, вперемешку с вещами. Впечатление удручающее. Убираем весь этот бедлам, ругаясь матом.

Только сейчас могу повнимательнее рассмотреть свое новое жилище: Четыре двухъярусные нары. Восемь человек. Матрасов, которые пребывают

в плачевном состоянии, ровно вполовину меньше – четыре штуки. Такой роскоши, как подушки и одеяла, нет и в помине. Посреди камеры, между нар, наглухо вмонтированные в пол длинный стальной стол и такие же стационарные скамейки. Сидеть на этих скамейках долго нельзя, вполне можно простудить все внутренние органы.

Через окошки свет проникает слабо. Зато без преград через щели проникает ледяной воздух с улицы. Батареи отопления, замурованные в стену, совсем не обогревают помещение. Холодно. Верхнюю одежду и шапки снимаем редко. Это сначала раздражает, потом – злит. Затем наступает апатия. Глубокий стресс. Угнетенное душевное состояние усугубляет еще и постоянный полумрак. Днем, благодаря лучам света, кое-как продирающимся сквозь матовые стеклоблоки окна, в камере даже можно читать. Но после 16 часов эта радость заканчивается – до следующего восхода солнца в камере наступают отвратительные, холодные, кажется, разрывающие душу сумерки!..

В углу, как трон, на возвышении красуется «параша». Тюремный туалет.

Нет, те киношные времена, когда вместо унитаза использовались лохани и ведра, закончились. Сейчас знаменитая «параша» являет собою обычный унитаз, вмонтированный в цементную тумбу. От пола вверх ведут три бетонные ступени. На мой взгляд, это изобретение уникально и служит все тем же целям утонченного психологического издевательства. Справлять естественные надобности приходится на возвышении, на глазах у всех обитателей камеры.

Люди, понятное дело, все разные. Одни стесняются меньше, другие больше.

Но уверен, совершенно безразличных – нет! Все от этой публичной процедуры чувствуют неудобство. Представьте: маленькие размеры камеры, близость стола и нар... И это все – почти вплотную к открытому унитазу, да еще находящемуся на возвышении!

Матиас Руст, полусумасшедший немец, прилетевший в середине восьмидесятых из Германии на легкомоторном самолете и приземлившийся на Красной площади, был прав. За свой «оригинальный» поступок он несколько лет провел в Московской тюрьме. И, когда его спросили

о впечатлениях, он простодушно ответил, что ничего не понял, потому что его два года держали в общественном туалете!

Лучшей характеристики и украинским тюрьмам дать нельзя. Общественный туалет, в котором по чьей-то идиотской прихоти, поставили кровати и поселили людей. И не надо думать, что все это делается по недоразумению или из-за вечной нехватки денег. Нет! Это тонкий психологический расчет. Человек, попав за решетку, должен страдать!

В Николаевском ИВС я провел месяц. Мытье в бане в этом заведении не предусмотрено. Постельного белья нет. Грязь. Бритвенные принадлежности выдают раз в неделю. Можете себе представить, на кого похож взрослый мужчина с недельной щетиной на лице?

Перед Новым 2003 годом я не выдержал. С большим трудом я сохранил три обычные пластиковые двухлитровые бутылки. Заранее поставил их возле еле теплой батарейной стены. За несколько дней вода в бутылках приобрела комнатную температуру. Встав над «парашей», я сам себе устроил баню, поливая тело прохладной водой.

Электророзетки в камере нет. А значит – нет возможности попить горячего чая. Обходились тем полухолодным пойлом, которое нам приносили менты. Холод, голод, состояние безысходности, глубокая депрессия. Прибавим к этому ежедневную процедуру обыска и проверки. Унижения и запугивания. Один раз нас избил прямо в коридоре только за то, что в нашем унитазе плавали два окурка.

Человек, первый раз попадая в такие условия, испытывает шок.

Единственное желание у многих (это я видел своими глазами) - любой ценой вырваться из этого ада!

Вот такой момент и ловят следователи с операми, которые на допросах любезно предлагают арестанту свободу взамен на признательные показания... И, зачастую, взамен на оговор других людей. Кое-кто не выдерживает, соглашается.

Прямо под окнами нашей камеры располагались ворота гаража. Туда заезжали «воронки», на которых задержанных вывозили на допросы. Каждый раз, когда со скрежетом открывались ворота гаража и заезжала машина, мы вздрагивали. По лицам пробегала тень страха. Каждый из нас думал: «Чтобы только не за мной!». Потому что любая поездка в райотдел милиции сопровождалась пытками, издевательствами и унижениями.

На третьем этаже здания Николаевского ИВС расположились следственные кабинеты Заводского РОВД г. Николаева. Это я узнал позже... А вот душераздирающие крики слышны были в первую же ночь. Говорят, заключенные, не задумываясь, выпрыгивали из окон, стремясь покончить с собой и таким образом избежать пыток. Многим это удавалось... пока на всех окнах не поставили решетки.

Жуткие, нечеловеческие условия в изоляторах временного содержания являются прекрасным стрессором. Сотрудники ПО играют на контрастах, на вопиющем противоречии между нормальной жизнью на свободе, в привычных условиях – и бесправным, унижительным прозябанием в изоляторе.

Повсеместно в этих учреждениях культивируется антисанитария. Это еще один из рычагов давления на подсудимых. Женщины и мужчины попадают в одинаковые условия, но женщины хуже приспособляются к отсутствию элементарных бытовых удобств, чем мужчины. На них обстановка изолятора действует еще тяжелее.

Мне рассказали, как одна женщина, попав в Одессе в камеру предварительного заключения, сразу «поймала» в волосы вшей. Ночами она не могла заснуть из-за мышей и клопов. Через день нахождения в камере у нее уже были искусаны клопами и руки, и ноги, и все тело. Плюс ко всему – отсутствие теплой воды, невозможность помыться. По ее словам, менты специально не допускали к ней адвоката по надуманной причине карантина в ИВС в связи с инфекционными заболеваниями. Не пропускали передачи от родственников. Наверное, только другие женщины смогут в полной мере понять, что пережила эта несчастная в стенах ментовского учреждения!..

Условия во всех ИВС Украины приблизительно одинаковые.

Правоохранительная система ничего не делает, чтобы изменить эти условия к лучшему. Наоборот, все направлено на ухудшение положения заключенных.

Пример:

В камере ИВС г. Балта Одесской области было выбито оконное стекло.

Александр М. рассказывал мне, как они закладывали окно рваным матрасом, но это плохо помогало. Из-под него сочилась вода, стекая по стене и сразу же замерзая. В помещении была минусовая температура. Избитых людей после допросов волоком притаскивали в камеру и бросали на пол. Сокамерники, как умели, оказывали пострадавшим первую медицинскую помощь. Один раз в день, ближе к вечеру, прикрываясь идеей дезинфекции, сотрудники изолятора выливали на пол ведро воды с хлоркой.

Александр М., после удара в грудную клетку, полученного на допросе, и месяца нахождения в описанных выше условиях, заболел туберкулезом.

И вновь обычный «добропорядочный» обыватель, гражданин Украины, может задаться вопросом: для чего это делается? Ответ однозначен: для психологического, а если получится, то и физического уничтожения заключенного. Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Данное изречение – верх цинизма. Но, похоже, оно уже возведено в принцип работы нынешних «правоохранителей».

Психология человека такова, что он, зачастую, неохотно идет на какие-то изменения в своей привычной жизни – перевод в другой цех, переезд на новое место жительства... Человек интуитивно боится неизвестности. Этой причудой человеческой психики широко пользуются сотрудники ПО. Они делают все возможное, чтобы переезд из КПЗ (ИВС) в следственный изолятор (тюремь) стал наиболее «ярким», запоминающимся эпизодом в жизни заключенного.

Эта обычная, по мнению не сидевших граждан, процедура сопровождается сначала длительным обыском в стенах ИВС. В зимнее время людей долго держат обнаженными в ледяных помещениях. Часто – на корточках и с руками за головой. Эти унижения сопровождаются ментовским криком и матом, но на сей раз заключенных не бьют. Нельзя – на теле не должны остаться следы побоев, иначе на медосвидетельствовании, обязательном по приезду в СИЗО, тюремные врачи заметят телесные повреждения... и не примут узника в стены своего заведения.

В летнее время тюремщики с удовольствием используют другой фокус: загружают в спецмашину-«воронок» вместо двадцати человек, на которых рассчитана машина, в два раза больше народу. Плюс сумки с вещами. Потом «воронок» выгоняют на солнцепек, где эта душегубка может спокойно простоять часа три.

Ощущения людей, запертых в этой металлической будке, похожей с виду на автомобиль для доставки хлеба в магазин, передать сложно. Чтобы правильно судить о них, надо это испытать самому! В фургоне – гротескная смесь людей и сумок. В темноте трудно разобрать, кто где. Одни зеки сидят на коленях у других. Воздуха не хватает. Истекающие потом люди с обезумевшими лицами, как рыбы, выброшенные на берег, хватают ртом воздух. Многие не выдерживают, начинают возмущаться, кричать, стучать изнутри в металлическое брюхо «воронка»... Но все бесполезно! Сотрудники ПО не пойдут ни на какие уступки. Ибо план пыточной подготовке заключенных к тюрьме еще не до конца завершен. Людей надо морально сломить, точнее – доломать. Закончить то, что начато палачами в кабинетах и казематах райотделов милиции.

По внутренним стенкам будки, забитой арестантами, уже стекает струйками влага от испарений. Так же, как и по телам заключенных. Освобождение может наступить лишь в том случае, если кто-то начнет всерьез «вырубаться», терять сознание, пульс и т.п. Только тогда этого полуживого бедолагу извлекут и начнут оказывать помощь.

Трусливым палачам не нужны проблемы, связанные со смертью заключенного. То есть, они не против, чтобы зек, как говорится, лапты склеил... Но: «Только не в мою смену!».

Что интересно – подобные «условия содержания» тяжелее всего терпеть, именно пока автомобиль стоит. Облегчение наступает, когда машина тронется с места, хотя условия лучше от этого не становятся, пожалуй, даже наоборот. Начинаются рывки автозака по ухабам украинских дорог, люди внутри будки бьются головами о стены, о потолок, друг о друга... Но каждый думает: движение рано или поздно закончится, а значит – кончатся и мучения.

Однако прыжок из узкой двери «воронка» на тюремный двор означает конец одних издевательств – и начало других. В каждой тюрьме это происходит по-разному.

В Николаевской тюрьме в начале 2003 года заключенных при приемке не били. Всех сразу загоняли в тесный боксик без окон. Над дверью, прямо в стене, там проломлена дыра, наспех прикрытая решеткой. Зимой в таком помещении очень холодно, летом – невыносимо жарко.

В момент моего прибытия была зима. Мы грелись своим дыханием и табачным дымом. Здесь нас продержали два часа. Тюремщики очень хорошо знают: ожидание неизвестно чего весьма разрушительно действует на психику человека.

Наконец ожидание заканчивается. Нас, по три человека, выводят из боксика на обыск. Второе за день раздевание догола. Плюс ко всему, заставляют опустить трусы до колен и присесть десять раз. Для чего эта процедура? Оказывается, в заднем проходе тоже можно что-то спрятать. Например, деньги, скрученные в трубку. Хотя, определить это можно после двух-трех приседаний. Нас охранники заставляют приседать десять раз, потому что получают скотское удовольствие, унижая наше достоинство. Думаю: ладно, пусть веселятся... пока! Приседая, хоть согреваюсь. Это кстати.

Шмонщики с оловянными глазами явно не спешат. Прощупывают на снятой одежде каждый шов, каждую складку.

Прапорщик маленького роста, с чернявым, заостренным лицом гуцула и очень злыми красными глазками-буравчиками, уже долго наблюдает за мной. Я не смотрю в его сторону, нарочно смотрю в угол обысковой комнаты, но кожей чувствую его злобный взгляд. Наконец он спрашивает мою статью. Узнав, что меня обвиняют в терроризме, приходит в ярость, как носорог. В мой адрес летят угрозы физической расправы и всяческие оскорбления. Я смотрю на него с отвращением и с величайшим презрением. Отвечать на его отвратительный лай нет никакого желания.

Потом нас, как старый коньяк, еще пару часов выдерживают в боксике. Так заканчивается наш въезд в Николаевскую тюрьму. Очень удачный въезд, смею Вас заверить!

В других тюрьмах все гораздо страшнее. Днепропетровск, Винница, Львов, Донецк, Харьков... Там в городских СИЗО начинают бить сразу. Человек выпрыгивал из «воронка» и, буквально, не успевал

коснуться ногами земли, как получал удары резиновыми дубинками. Те заключенные, которые еще оставались в чреве «воронка», все, конечно, слышали. Это ощущение сравнить нельзя ни с чем... Многие с удовольствием и не выходили бы из душного или ледяного «воронка».

Неизбежность побоев придавала ситуации своеобразную пикантность: у арестантов начинался зуд по коже - это результат нервного перенапряжения. Но выходить-то все равно надо!

Часто вновь прибывших заставляли идти гуськом, держа вещи над головой. Вот таким образом они и пересекали порог тюрьмы.

Так, на подсознательном уровне, тюремщики внушали людям: «Мы тут главные, а вы, зеки, - грязь!».

Пресс-хата

Человек, водворенный в тюремную камеру, уже находится на последней стадии депрессии. Однако некоторые думают, что, попав в камеру, где содержатся такие же заключенные, он окажется в дружественной среде и сможет отдохнуть в окружении заботы и внимания.

Иногда так и происходит. Но далеко не всегда.

Система ПО не может себе позволить дать заключенному моральный отдых. А потому была выдумана еще одна иезуитская штука. Именно ею и пугали меня СБУшники с самого момента моего задержания: «пресс-хата».

На первый взгляд она ничем не отличается от обычной камеры. Те же грязные, пожелтевшие от табачного дыма стены. Тот же потолок с осыпающейся штукатуркой. Те же стальные, сделанные полосками-«лыжами», лежанки-нары; сквозь промежутки между «лыжами» матрас медленно проваливается и, в итоге, человек оказывается на голом, холодном железе. Те же заключенные со своими горестями, проблемами, сроками... Да не совсем те!

В пресс-хате сидят преступники, которые пошли на сотрудничество с ментовской администрацией. Эти подонки за небольшое вознаграждение (чаще всего, за порцию чая и сигарет) выполняют любое распоряжение ментов. Именно – *любое*.

«Прессовщики» – весьма разношерстная компания. Среди них есть и бандиты-спортсмены новой формации, которые ради комфортной отсидки, предоставляемой им администрацией, готовы на все. Эти не только доносят оперативникам о событиях и разговорах в камере, но и сами берут на себя инициативу: *объект* может быть избит по самой ничтожной причине. Например, за плохо сделанную уборку в камере. Прессовщики не стесняются и говорят своей жертве откровенно: «Подписывай все, что дают следователи, и мы оставим тебя в покое».

Иногда слабые духом заключенные пишут прямо в камере явки с повинной. И это можно понять – человек раздавлен, находится в крайней стадии депрессии. После физических и моральных пыток райотдела он не увидел облегчения и в камере. Часто в пресс-хатах по этой причине совершаются самоубийства.

Договориться с прессовщиками, как правило, невозможно. Я беседовал на эту тему с очень многими заключенными – все это подтвердили. Выход только один – бить первым. Многие так и поступают: прячут в своих вещах заточенные черенки от ложек, цыганские иголки... Все, чем можно нанести удар. Ибо кулачный бой с этими подонками-спортсменами неэффективен.

В конце 90-х – начале 2000-х годов своими пресс-хатами славилась Днепропетровская тюрьма. В ней в 1991 году случился бунт. Это стало причиной того, что потом, на протяжении двенадцати лет, в упомянутой тюрьме постоянно базировался спецназ внутренних войск. Бунт развязал руки этим псам режима. Все этапы, приходящие в СИЗО, избивались прямо возле «воронка». Потом людей заставляли бежать по темному узкому коридору, где их вновь избивали спецназовцы.

Состояния мятежа в тюрьме уже давно не было, а избиения все продолжались. Тех, кто не желал терпеть беззакония, после побоев бросали в карцер. Туда, с садистским постоянством, наведывались палачи, чтобы продолжать избивать строптивца.

Под сенью этого ментовского беспредела в Днепропетровском СИЗО и расцвели пресс-хаты.

«Командор» и «Костогрыз» – одиозные фигуры в СИЗО. Очень многие заключенные пытались поймать этих двух прессовщиков в коридорах изолятора, но администрация СИЗО ревностно охраняла своих слуг: их изолировали от других заключенных. Правда, и эти меры предосторожности не всегда срабатывали. Костогрыза и Командора иногда все же избивали другие арестанты.

Чем же прославились эти два бандита новой формации? За льготы, предоставляемые администрацией, они верно служили ей, избивая сокамерников, выбивая из них «явки с повинной».

Когда к ним в камеру бросали непокорных людей, прессовщики просто пытались сломить их физически и морально.

Командор окружил себя свитой себе подобных. Таких, которые за кусок колбасы и заварку чая готовы сотворить, что угодно. Они тоже издевались над непокорными сокамерниками и одновременно являлись телохранителями Командора, ограждая его от возможных покушений. Для тех же целей администрация разрешила Командору держать в камере собаку – ему привезли со свободы собственного бультерьера. Можете себе представить атмосферу в той камере? Что чувствовал человек, попав в подобную «хату» после всех кошмаров РОВД и грязи ИВС?..

В камере Костогрыза использовали очень оригинальный способ встречи новичка. Человека сразу, возле двери, били по голове стальной литровой кружкой, заполненной затвердевшим цементом. После такой

«встречи» – начинали беседовать. Избитый, перепуганный арестант быстро соглашался писать признательные показания.

Но добыча «явок с повинной», признательных показаний – не единственная задача прессовщиков.

Например, в Криворожском СИЗО, в народе именуемом «Бубликом», прессовщики заставляли сокамерников тянуть деньги с родителей. В грязном тюремном бизнесе участвовали и работники администрации. Так, прессовщик Фрол заставляет заключенного просить у родителей деньги, тот, под угрозой избиения, соглашается и пишет соответствующее письмо домой. Фрол это письмо отдает оперуполномоченному Васильеву, а упомянутый офицер – спокойно отправляет родителям жертвы вымогательства. Если надо – еще и звонит, договаривается, обещает помочь. И «помогает». Родители передают ему деньги – якобы для сына... Бедные старики и не подозревают, что деньги осядут в карманах оперуполномоченного! А прессовщики получают от уполномоченного свою небольшую мзду. Такова схема.

Для подобных «операций» выбирались, понятно, заключенные с обеспеченными родителями.

Во Львовском СИЗО камеры № 105 и 114 пользовались дурной славой. В одной из них сидел прессовщик Толик-Лентяй. Здесь все работало по старой схеме. Вопрос человеку, только что зашедшему в камеру: «Ты знаешь, куда попал?». Если следовал ответ «нет», - сразу начинали бить. Лентяй, оправдывая свою кличку, не перетруждал мозги выдумыванием хитроумных операций, подобных криворожским. Зачем? Лентяй просто забирал передачи и вещи у сокамерников. Продукты съедались, а вещи, если хорошие, - отправлялись на свободу, либо продавались здесь же, в СИЗО.

Это – прессовщики-спортсмены. Но есть еще другой вид прессовщиков – старые уголовники-рецидивисты. Они тоже выполняют поручения оперативников – за тот же чай, сигареты, льготы и поблажки в тюрьме. Иногда им за их «труды» менты приносят наркотики, водку, мобильные телефоны.

Прессовщики-рецидивисты действуют по-другому. Хитрость, опыт, знание тюремной жизни – их оружие. Они представляются «смотрящими» (т.е. главными в камере авторитетами). Им верят наивные «первоходы» – и выполняют все прихоти рецидивиста. Постепенно вокруг такого липового «авторитета» формируется свита.

Он часто выходит из камеры на встречу с тюремным оперативником, и тот дает ему не только задания, но и информацию.

В такую камеру, где царствует прессовщик-рецидивист, бросают *объект разработки*. Его сначала никто не бьет, авторитет мягко пытается подчинить человека своей воле. Начинаются разговоры... Все они сводятся к одному – надо на следствии во всем признаться и тем самым облегчить свое положение. Если *объект* упорно на это не соглашается, против него начинаются интриги. За любую внутрикамерную провинность человека начинают *прессовать*.

В Николаевском СИЗО в камере подонки-рецидивист по кличке «Гном» изнасиловал в прямом смысле этого слова молодого сокамерника только за то, что тот случайно взял с общего стола чеснок Гнома.

Тут надо иметь в виду, что гомосексуальный контакт в тюрьме ведет заключенного к тяжелейшим последствиям. (В отличие от той роскошной порочной жизни, которую ведут на воле многие извращенцы). Заключенный переходит в касту самую низшую и презренную – касту «петухов» или «обиженных». Такие люди сидят в отдельной камере, выполняют самую грязную работу. Фактически попадают в рабство к другим заключенным.

Тюремные законы жестоки. Оправдаться тем, что гомосексуальный акт был изнасилованием, а не «любовным порывом», невозможно. Заключенный не имеет права допускать над собой полового насилия. Чтобы защитить свою честь, здесь допустимы все методы, вплоть до убийства насильника. Известны случаи, когда потенциальные жертвы, принимая покорный вид, перерезали насильникам горло. Иногда жертвы вскрывают себе вены, втыкают в собственный живот гвозди. Такая процедура называется на тюремном жаргоне – «пробиться».

Подонки-прессовщики, как правило, весь свой срок сидят в СИЗО, в одной камере. Даже преступный мир отторгает их, превращая в изгоев из собственной среды. Они не могут, из соображений безопасности, перемещаться в другие камеры, переезжать в другие тюрьмы и лагеря. Потому что сразу безотказно срабатывает тюремный телеграф, «подвиги» прессовщика предаются огласке. И до конечного пункта назначения он не доезжает: нож ожидает его уже в вагоне-«столыпине» во время этапа.

Нередки случаи, когда правоохранительная система сама «сливает» уже ненужного агента, отправляя его в лагерь, или просто в другую камеру... предварительно сообщив ее обитателям, кто сейчас въедет к ним.

«Пресс-хата» – это крайний, самый радикальный вид внутрикамерной работы ПО. Как видите, в средствах они не привередливы. И законными эти средства никак не назовешь. Из мглы веков извлечен старый иезуитский девиз: «Цель оправдывает средства!».

Пресс-хаты были в очень многих СИЗО и тюрьмах Украины в 90-х и в начале 2000-х годов. Насколько мне известно, эта практика используется и сейчас. Администрация СИЗО очень тесно сотрудничает со следственными органами, а последним нужны «признания» заключенных, - неважно, какой ценой.

«Курицы»

Этот вид «правоохранительной деятельности» известен с давних времен. Скорее всего, в пенитенциарной системе он использовался с момента ее возникновения. Он более широко распространен, чем «пресс-хаты».

«Курицы» – это жаргонное название внутрикамерного осведомителя-стукача. Подобные скоты тоже делятся на два вида – полуофициальные и засекреченные.

Полуофициальный всегда представляется «смотрящим» за камерой. Та же методика, что и у прессовщика: формирование свиты, подчинение своей воле неопытных заключенных-«первоходов», создание атмосферы безоговорочного доверия... Стукач никого не бьет и не насилует. Наоборот, он создает себе имидж опытного в уголовных делах старшего товарища. Под видом помощи новичку стукач узнает у заключенного еще не известные следователю факты. А также внушает собеседнику идею о «чистосердечном признании»

Затем вся информация, добытая у «младших товарищей», скрупулезно передается тюремному оперативнику. Тот, в свою очередь, докладывает следователю.

Человек, доставленный на очередной допрос, часто удивляется осведомленности следователя. А тот, пытаясь ошеломить допрашиваемого, сломить его волю, сообщает, как бы невзначай, малоизвестные детали уголовного дела. Следователь хорошо знает психологию неопытного «первохода» и исподволь внушает подследственному: «Нет смысла отпираться! Если уж я знаю такие подробности, то и все остальное мне в ближайшее время будет известно. Лучше признайся поскорее!».

«Курица» пользуется доверием администрации и соответствующими льготами. Ему разрешается многое. Опытные заключенные либо достоверно знают, либо догадываются об истинном лице «курицы». Но противопоставить этому ничего не могут. Администрация отнюдь не случайно, а порой и очень изобретательно подбирает контингент камеры. Волевые, решительные арестанты, выдавшие виды уголовники, способные избить и даже зарезать «курицу», попадают в такую камеру очень редко.

...Новый корпус Николаевского СИЗО. Обвиняемые по «комсомольскому» делу Женя Семенов сидел в втором этаже в «куриной» камере. После освобождения он рассказывал совсем не похожие на тюрьму вещи: в их камере на полу лежала электрическая спираль (используемая как электроплита), был набор посуды из нержавеющей стали. Даже стеклянные бутылки, что категорически запрещено тюремной инструкцией!

Во время обысков спираль тюремщики «не замечали», хотя ее никто не прятал, а просто прикрывали сковородой. На тюремном решетчатом окне висели занавески, хотя в других камерах беспощадно отбирались тюремщиками любые веревочки, даже для сушки белья.

Более того: в камере, почти открыто, в бидоне варилась брага, часто появлялись наркотики. «Курица» щедро давал пользоваться своим приближенным мобильным телефоном, который во время обысков прятался чисто символически, но никогда тюремщиками не обнаруживался. Хлеб резали обычным столовым ножом, что в тюрьме также категорически не допускается.

Я сидел в этом же корпусе, только на первом этаже. В нашей камере «курицы» не было, даже наоборот – сюда собрали многих заключенных, которые в разное время либо били, либо изгоняли из разных камер стукачей-осведомителей. У нас «курица» была исключена. Поэтому хлеб мы резали толстой капроновой нитью, которую, к слову сказать, вертухай у нас тоже постоянно изымали.

Для того, чтобы через мелкую решетку нормально закрывать окно (зима все-таки!), мы за пачку сигарет «купили» у баландера длинную тонкую палку, на тюремном жаргоне – «причал». Надзиратели, с удивительным упорством, каждый день выгоняли весь состав нашей камеры на прогулку во дворик. Каждый день камеру обыскивали, и этот «причал» забирали. Мы вновь его добывали через баландера – и все повторялось сначала.

В таких условиях говорить о самодельной плитке, кастрюлях, браге, мобильных телефонах и прочих благах цивилизации не имеет смысла.

Но это не значит, что в нашей камере не было осведомителя. Был! Только очень глубоко засекреченный.

Долго такой агент работать не может, в каком-то смысле он – агент одноразовый. Так получилось и у нас. Однажды я написал письмо – обращение к разным общественным организациям. То, что я что-то писал, наблюдали почти все мои сокамерники. А вот когда ночью я эти бумаги аккуратно сложил и засунул под стельки в свои ботинки, мне казалось, что свидетелей не было, что все спали... Я ошибся: в тюрьме глаза и уши есть и у стен. На следующий день, до обеда, четверых моих сокамерников куда-то вывели по очереди. Один сказал потом, что вызвали на беседу к адвокату, другому снимали отпечатки пальцев, двое ходили, по их словам, к врачу. Все выглядело естественно. Подобные мелкие события в тюрьме происходят каждый день.

Но уже после обеда к нам в камеру явился войсковой наряд с усилением в виде дополнительных тюремщиков. Это человек десять вертухаев в камуфляже, без всяких знаков различия, и в черных масках впридачу. Всех обитателей камеры, кроме одного дежурного, выгнали в коридор. Крики, вопли, угрозы... В общем, в очередной раз пытались сломить морально. Какой по счету раз?..

Всех построили в коридоре лицом к стене, руки на стену, а ноги почти на шпагат. Через пять минут один мент вышел из камеры с моими ботинками в руках.

- Чьи ботинки?
- Мои.
- Чьи письма? – с этими словами он извлек из-под стелек обращения.
- Мои.

Меня завели обратно в камеру.

- Вы знаете, что в СИЗО переписка запрещена? – задал вопрос тюремщик и, не дожидаясь ответа, с явным удовольствием, с каким-то лихим гусарством ударил меня резиновой палкой по спине. После экзекуции письма забрали. На том дело и кончилось. Мы были удивлены и обеспокоены. Хотя обыск в СИЗО – явление ординарное, но дежурный по камере, который присутствовал при обыске, рассказал, что менты всю камеру не обыскивали, а ринулись сразу к моим ботинкам... Сомнений не оставалось – в нашей камере «курица»!

Опытные уголовники, не раз вычислявшие и бывшие стукачей, аж рычали от злости. Началось аналитическое вычисление осведомителя. Тут ошибиться было нельзя. Суд преступного мира тем и отличается от государственного судилища, что здесь человека можно обвинить лишь владея вескими доказательствами его вины. У нас таких доказательств не было. Подозрение пало на тех четверых, выходивших из камеры накануне, - но кто из них?.. Достоверно мы так и не узнали, но на одного из четверых все же смотрели очень косо.

Сразу после этих событий его от нас перевели в другую камеру. И, сколько мы ни выясняли по «тюремному телеграфу», в какую именно, - узнать так и не смогли. Такого в тюрьме почти никогда не бывает. Потом мы вспомнили, что, когда он выходил «на отпечатки пальцев», а потом вернулся, - руки у него были удивительно чистые. Хотя при использовании специальной черной краски для снятия отпечатков, сохранить чистые руки невозможно.

Что еще интересно: этот парень, когда въехал в нашу камеру, жаловался, что его избили менты на привратке, якобы найдя какие-то письма. При этом он поднял футболку и показал ссадины и синяки на спине, хотя никто не просил его это делать.

Потом вспомнили и то, что он задавал мне неуместные в тюрьме вопросы... В общем, все сходилось. Возможно, это и была «курица».

Определить осведомителя очень сложно, поэтому первое правило заключенного, попавшего в камеру, - держать язык за зубами. И внимательно следить за вопросами, которые тебе задают сокамерники. Если кто-то проявляет слишком уж большой интерес к твоему уголовному делу, - это должно насторожить.

Меня в пресс-хату не бросили. А вот многих политзаключенных, проходивших по «Делу одесских комсомольцев», эта участь не миновала.

Вообще, среди следователей СБУ есть неплохие психологи и физиономисты. Они прикидывают, кого можно поместить к прессовщикам, с кем это сработает, а кого лучше поместить в камеру к «официальной курице»... А к кому лучше посадить сверхсекретных стукачей.

Политзаключенный Анатолий Плево сидел в камере, где зеки за какую-то провинность изнасиловали сокамерника... Так он думал сначала, пока ему не сказали, что если он во всем не признается, с ним произойдет то же самое. Анатолий поверил – и сломался.

Мужчина в такой ситуации должен хватать любой подходящий предмет – ложку, кружку, лезвие – и бить, резать прессовщика! Ну, а если духу не хватает, выход один – вскрывать себе вены. В этом случае заключенного переводят в тюремную больницу.

...Позже Плево узнал, что зек, «изнасилованный» на его глазах, - не такая уж и жертва насилия. Это оказался гомосексуалист со стажем, наркоман, и занимался он такой отвратительной любовью еще на свободе... Подставить задницу для него – обычное, даже приятное занятие. Оперативники специально собрали в одной камере прессовщика и педераста, чтобы они разыгрывали такие спектакли на глазах перепуганных, морально нестойких арестантов.

Борис К. содержался в Львовском СИЗО. Его также сразу поместили к секретному осведомителю. Этот осведомитель, молодой еще парнишка, почти каждый день ходил, якобы, к адвокату, был «на короткой ноге» с тюремным оперативником, легко решая с ним все наболевшие бытовые камерные вопросы... Боря сразу все понял и как-то, посреди беседы на отвлеченные темы, вдруг заявил стукачу:

- Ты неправильно делаешь!

Остальные сокамерники, не понимая, переглянулись. Зато стукач все сразу понял, глаза его сделались круглыми от ужаса:

- О чем ты, Боря?

- Ты прекрасно знаешь, о чем, - не оправдываясь, глядя ему в глаза, сказал Борис. И твердо повторил: - Ты неправильно делаешь!

...Уже потом этот запутавшийся мальчишка объяснял, что менты обещали помощь на суде за маленькую услугу: ничего конкретного, просто сообщать, кто что в камере говорит.

- Сиди спокойно и не рыпайся! – предупредил его Боря.

И очень быстро Бориса перевели в другую камеру, - чтобы не мешал стукачу и далее проводить свою, так сказать, «работу».

Василию З. в камеру Кировоградского СИЗО постоянно подсаживали «куриц». Он их быстро вычислял. Ничего путного они от него узнать так и не смогли. Василию в конце концов это надоело, и на одном из допросов в УБОПе он открыто заявил, что хватит ему подсаживать каких-то

уродов. Следователи и оперативники УБОПа искренне разделили его возмущение, но развели руками: нормальных-то агентов теперь нет, одни наркоманы!.. Зря только УБОП переводит на них чай и сигареты!..

Сотрудники УБОП даже не скрывали этой своей «секретной» работы.

В Киевском следственном изоляторе меня посадили в камеру к скрытому стукачу. Скорее всего, это была случайность. До этого я сидел в камере «осуждение», - где сидят люди, уже осужденные, и где, поэтому, держать стукачей нет надобности. Но условия содержания в такой камере чудовищные! На десять спальных мест, как правило, приходится в два раза больше людей. Я обратился в прокуратуру по поводу нарушения прав человека, - тогда меня в авральном порядке перевели в четырехместную камеру, в которой содержались подследственные и подсудимые.

В этой-то «хате» и сидел «курица». По мне он вряд ли *работал*, но там находились и другие заключенные. Этот осведомитель стоял «на дороге», то есть был ответственным за межкамерную связь, которая осуществлялась с помощью длинных веревок, тянувшихся от окна одной камеры к окну соседней. Либо по вентиляции.

Киевлянин Виталик, наш сокамерник, как бы невзначай, хвастаясь, рассказал о том, как он воевал в Афганистане на стороне душманов (!) и торговал там наркотиками. Потом он рассказывал, опять же хвастаясь, что проходил военную подготовку в боевых лагерях Чечни. Это было вранье от начала до конца. Любой здравомыслящий человек просто сопоставил бы возраст Виталика (27 лет) и время войны в Афганистане: сразу становится понятно, что мальчик 13-15 лет не мог быть душманом. Да, это хвастовство мигом разоблачил бы любой здравомыслящий человек, но не «курица!».

Самое интересное – этот бред сработал. Через две недели Виталика вывезли на допрос в отделение милиции одного из киевских районов. И следователь, очень осторожно, чтобы не спугнуть, начал задавать Виталику вопросы: воевал ли он где-нибудь? Был ли вообще за границей? Виталик искренне, от души (правда, про себя) смеялся, но при том делал удивленное лицо и сокрушался вслух – с чего следователь это взял?!

Итак, внутрикамерная «курица» была разоблачена. Оставалось только непонятным, как именно он сливает операм информацию. Ведь осведомитель из камеры не выходил даже на прогулку.

Выяснилось все быстро. Ночью, когда все спали, он писал «маляву» (записку) с нужной информацией и отправлял в соседнюю камеру, где «на дороге стоял» тоже стукач. Он-то и доносил информацию до любознательных ушей тюремных оперативников.

Суд

Давление на подсудимого начинается в тот момент, когда уголовное дело поступает из прокуратуры в суд. Цель давления остается той же, но меняются средства. Людей уже бьют реже, теперь задача ПО – лишить подсудимого всякой информации.

Документы о передвижении дела из прокуратуры в суд задерживаются на одну-две недели. Подсудимый, естественно, с опозданием узнает, что числится уже за судом. Как следствие – ходатайство об ознакомлении с материалами дела он тоже подает с опозданием, и ходатайство судом не удовлетворяется.

Логика проста: подсудимый не должен знать своего же дела – тогда он не сможет полноценно защищать себя на судебном процессе.

Адвокаты, за редким исключением, как на следствии, так и на суде защищают скорее интересы ПО, чем своего клиента. Адвокатура давно превратилась в одно из звеньев карательной системы. Они, не стесняясь, берут у родственников подзащитных деньги, но реальной юридической помощи не обеспечивают.

Причина простая и банальная: адвокаты, в большинстве своем, - бывшие прокуроры, следователи, судьи. Они сохранили свои прежние контакты с действующими сотрудниками ПО, могут поддерживать дружеские отношения с тем же следователем, который вел дело подзащитного... Полноценно защищать своего клиента – значит, разоблачать методы работы дознания, следствия и суда. Адвокаты на это не идут.

Во многих случаях функции адвокатов сводятся к передаче денег от родственников арестанта следователю и судье, ведущему дело. Проще говоря – взятки. При этом не забывая и о себе. Но, к сожалению, это и есть самые эффективные защитники.

Среди адвокатского сословья встречаются и более отвратительные персонажи.

А молодые, грамотные адвокаты, еще не запятанные связями с ПО, просто не в состоянии полноценно вести защиту. Против них прокуратура и следователи используют элементарные угрозы.

Так было в моем случае. Молодая девушка, адвокат Наталья К., на первый взгляд, с удовольствием взялась за мое дело. Она пришла в Одесский следственный изолятор, встретилась со мной, наметила линию защиты. Но вскоре ей позвонили из СБУ, то есть из того органа, который и стряпал наше уголовное дело. Ее предупредили, что проявлять инициативу не стоит. Об этом я узнал позже. Но тогда – сразу заметил, что Наталья стала вести защиту уже без прежнего энтузиазма.

С одной стороны, таких адвокатов можно понять. Ведь они вовсе не являются пламенными борцами за торжество справедливости и законности. Мотив, который привел их в адвокатуру, - любовь к деньгам или, в лучшем случае, желание приобрести престижную профессию, определенный вес в обществе... Это обычные трусоватые обыватели. Первая же угроза со стороны ПО повергает их в шок. Тем более, что работающие в системе СБУ «специалисты» угрожать умеют, и часто эти угрозы имеют под собой реальную почву.

Но есть еще один вид адвокатов. Если у подследственного нет денег на оплату адвоката по собственному выбору, то следствие или суд назначают *своего*. Эта разновидность защитников даже не скрывает тот факт, что по-настоящему защищать безденежного клиента они не будут. Порой такой адвокат является

попросту агентом, переодетым сотрудником ПО. Тогда он делает все возможное, чтобы подзащитный «раскаялся», признал предъявленные обвинения.

Зеки нередко клюют на эту удочку, когда адвокат им обещает улучшение условий содержания, «мягкий» приговор и т.п. В итоге, как правило, все обещания оказываются блефом. Судьи выносят тяжелейшие приговоры – к удивлению развесивших уши подсудимых. Не все заключенные понимают, что современный суд видит свою задачу не в исправлении оступившегося человека, нарушившего закон, а просто в водворении его на возможно долгое время за колючую проволоку.

Буржуазные судьи и суды – это один из механизмов осуществления государством геноцида собственного народа. Хотелось бы, чтобы все мои сограждане это сумели разглядеть сквозь ширму болтовни о «законности», «правосудии» и т.д. И свои адвокаты помогают в этом судьям, как только могут.

Как различить, где настоящий адвокат, а где агент государственных структур? Универсального рецепта здесь нет. Поэтому заключенный должен быть всегда начеку.

Но, если адвокат пытается выяснить у Вас подробности совершенного правонарушения, которые еще не известны следователям и не отражены в материалах дела, - будьте уверены, что перед Вами законспирированный полицейский. Хотя и адвокатские «корочки» у него настоящие. Получив от Вас информацию по уголовному делу, он немедленно отнесет ее в следственный отдел.

И, если факты, о коих Вы неосторожно проговорились, окажутся важными, - ждите отправки дела из суда на дополнительное расследование. Менты будут исправлять свои упущения, а Ваше уголовное дело будет распухать на глазах.

А потому возьмите себе за правило: Ваш адвокат должен знать лишь то, что уже известно следователю. Только на таких принципах можно строить свою защиту. Разумеется, подсудимый не может не изложить адвокату и свое видение защиты.

К сожалению, подавляющая масса заключенных – это малограмотные представители угнетенных классов. Юридическое образование для них – несбыточная мечта. Это плохо. Такой человек, попав за решетку, должен хотя бы попросить родных и знакомых, чтобы они передали ему в СИЗО Уголовно-процессуальный кодекс (УПК). Знание законов для заключенного еще более важно, чем для свободного человека. От этого может зависеть время пребывания за решеткой, здоровье, а, возможно, и жизнь. Ленимся здесь нельзя – слишком высока цена.

Если адвокат обещает Вам минимальный срок в обмен на «признательные» показания – не верьте. На самом деле никакого смягчения не будет. Даже если адвокат уверяет, что «договорился» с судьей и теперь нужна лишь определенная сумма для взятки, - это еще не стопроцентная гарантия успеха. Очень часто эти высокообразованные юристы подзащитных «кидают»: деньги уходят в неизвестном направлении, а Вы получаете максимальное наказание.

Гораздо реже происходит возврат денег. Но все же бывает и такое. Судья – человек далеко не бедный, получает хорошую зарплату, ваше дело у него не единственное... И надо быть готовым к тому, что судья в ваших деньгах просто не нуждается. Быть может, ему сейчас гораздо важнее засадить вас в тюрьму, дать вам большой срок лишения свободы, - и в награду за это получить поддержку вышестоящих судебных инстанций, или СБУ, прокуратуры, продвинуться по службе еще на одну ступеньку вверх.

Еще раз повторяю: что бы вам ни говорил адвокат, что бы ни обещал, чем бы ни клялся, - относиться к нему следует всегда с опаской. В худшем случае – это враг. В лучшем случае – обыватель, которому безразлична ваша судьба и жизнь, а интересны лишь ваши деньги.

Очень ошибаются люди, думая, что судебный процесс – это красивый зал, нарядный, в форме, прокурор, судьи в мантиях с благородно-мужественными лицами... Это лишь вывеска! А для заключенных процесс начинается задолго до произнесения торжественной фразы: «Встать, суд идет!». Началу судебного процесса предшествует еще одна изуверская, годами отшлифованная процедура, ставящая своей целью окончательно деморализовать и физически истощить заключенного до начала судебного заседания.

«Заказывание на суд».

С первого взгляда – ничего особенного. По коридору тюрьмы идет надзиратель со списком заключенных, у которых на сегодня назначены судебные заседания. Надзиратель бьет в дверь камеры ключом и выкрикивает фамилию. Все бы ничего, но учтите, что происходит все это в 5.30 утра, а в некоторых случаях и в 3.00 ночи!

В администрации тюрьмы сидят психологи не хуже, чем в СБУ. Они знают, что каждое судебное заседание для человека – стресс, бессонница, отсутствие аппетита и т.д. Человек, находясь в таком состоянии в камере, прислушивается к любому шороху за дверью, в коридоре, вздрагивает, нервничает.

Задача системы – не дать подсудимому выспаться перед заседанием. Ведь у хорошо отдохнувшего человека и дельные мысли быстрее возникают, и память лучше, и взгляд яснее...

Из камеры арестанта на суд выводят примерно в 7.00-7.30 утра. Как правило, до завтрака. Вот и еще один рычаг психологического и физического давления – зек остается голодным. Пусть, сидя на скамье подсудимых, думает о еде, а не о том, как правильно построить свою защиту!

«Привратка».

Тесные, почти без воздуха, накопители-боксы с тусклым освещением, а иногда и без него. Без окон. Порой – без скамеек. Здесь заключенных держат до прихода в тюрьму спецавтомобилей-«воронков». То есть – часа два-три.

Понятное дело, что за это время взрослым мужчинам захочется курить, хотя это и запрещено. Хотя за такую «шалость» многие заключенные были биты и водворены в карцер. А с другой стороны, представьте:

три часа в помещении без вентиляции, где вместо воздуха – сизый дым?.. Жара, влага от испарений стекает по стенам и по спинам людей. В боксик загоняют по 40 человек, хотя рассчитан он максимум на 10. Это преисподняя! Многие садятся на корточки, а иные и просто на пол, потому что ноги уже не держат. К тому же, чем ближе к полу, тем меньше дыма.

В туалет не водят. За сильно настойчивое требование, чтобы вывели по естественной надобности, можно получить от надзирателей порцию побоев. И люди терпят.

Нередко у кого-нибудь в боксике начинается сердечный приступ, но даже в этом случае двери не открываются и врача никто не думает вызывать.

Носовые платки и маленькие полотенца, которыми арестанты вытирают вспотевшие тела, уже можно выжимать (что и происходит). На полу – лужицы пота. Арестанты напоминают рыб, вытасненных из воды, – так же широко раскрывают рты, пытаясь схватить спасительную порцию кислорода. Тщетно...

Проходит 2-3 часа, прежде чем начинается хоть какое-то движение. Наконец, открывается дверь и первую порцию заключенных, выкрикивая их по фамилии, уводят. На лицах оставшихся – оживление и почти радость. Это лучше, чем просто ждать. Но выход из боксика – не конец испытаниям, а лишь их видоизменение.

Обыск.

По инструкции он обязателен для всех арестантов, кто убывает и прибывает в СИЗО. Конвой, производящий обыск, покрикивает на арестантов, заставляет догола раздеваться и приседать. Прощупывают каждый шов одежды, но заметно, что всерьез ничего не ищут. Обыск – не для обеспечения безопасности, а для психологического воздействия: вновь унижить человека, подавить его волю, морально ослабить.

После этой последней процедуры в тюрьме заключенных загружают в «воронки». Темень. Летом – жара. Зимой – холод. Если на улице идет дождь, вода просачивается сверху сквозь швы расшатанного железного ящика и капает с крыши автозака на головы арестантов.

В упомянутом ящике – две камеры, рассчитанные на 10 человек каждая. Это в идеале. На самом деле в одно отделение автозака могут запихнуть и 15, и 20 человек. Взрослые люди сидят друг у друга на руках. Это – своеобразное повторение этапа из ИВС в СИЗО, только теперь нет сумок с вещами. Вместо них в руках арестантов – папки и целлофановые кульки с документами по уголовному делу.

Летом 2003 года меня каждый день возили в СБУ для ознакомления с материалами дела. Бумаги и документы в моих руках, после «воронка», становились мокрыми. Потом приходилось их сушить. Одежда пропитывалась запахом пота и табачного дыма.

Далее.

Внутренний двор здания суда. Конвой – озлобленные и одновременно перепуганные мальчишки-солдаты. Застегивают за спиной руки в наручники – и задирают руки вверх. Через минуту заключенные, еле переводя дыхание, наклонившись головой вниз, входят в зал суда...

Теперь можно сравнить. Сытые, отдохнувшие, выпавшиеся, пахнущие одеколоном, исполненные чувства превосходства судьи и прокуроры, холеные самодовольные адвокаты с одной стороны – и голодные, измученные физически и морально, воняющие потом подсудимые!..

Стоит ли говорить в данном случае о «равенстве сторон в судебном процессе», «объективности и непредвзятости судей», в общем, обо всем том, что так красиво описано в УПК?

Судьи и прокуроры почти всегда смотрят на подсудимого с отвращением, – а это, согласитесь, не вдохновляет судью на честное и беспристрастное рассмотрение дела. Система изначально ставит стороны судебного процесса в неравные условия.

В такой обстановке даже невинно обвиненному человеку в большинстве случаев не удастся доказать свою невиновность. Хотя, по закону, он делать этого и не обязан, доказать его причастность или непричастность к преступлению – задача следствия и суда.

В реальной жизни судьи себя не утруждают поиском истины, предпочитая руководствоваться своим субъективным мнением. В УПК это называется «внутреннее убеждение», и оно, согласно закону, также должно базироваться на фактах, отраженных в материалах уголовного дела. Но судья, вместо фактов, опирается, как видно, на бытовую поговорку: «Нет дыма без огня». Раз попал за решетку – значит, виновен!

На подсознательном уровне подобное «убеждение» помогает формировать и внешний вид подсудимого, и неприятный запах, исходящий от зека... Факты, улики, доказательства – это, оказывается, вторично!

«Суд не связан с мнением прокурора по делу и принимает решение по своему убеждению, которое основано на всестороннем и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом». (Юр. психология).

Но свою роль в процессе, в принятии судьями того или иного решения, несомненно играет и прокурор. Только, используя свои полномочия государственного обвинения, прокуратура напрочь забывает о своих надзорных функциях, об обязанности следить за неукоснительным соблюдением закона во всех инстанциях, в том числе в суде. Подсудимый умышленно преподносится ими только в негативном виде. Часто прокурор, характеризуя подсудимого, как отпетого негодяя, прямо показывает рукой на этого человека: мол, удостоверьтесь, – у него даже внешний вид негодяйский!

«На стадии судебного разбирательства имеет место активная познавательная деятельность всех участников судопроизводства. Давая суду исходную важную информацию о событии, результаты предварительного следствия могут также оказывать определенное внушающее влияние на участников судебного разбирательства, формируя у них «обвинительный уклон» в оценке доказательств в целом». (Там же).

«При изучении материалов предварительного следствия всегда должен задаваться вопрос: «Не была ли допущена ошибка?». Законы демократического государства требуют от суда неукоснительного соблюдения принципа презумпции невиновности и не допускают вынесения обвинительного заключения без достаточных доказательств... Критическому анализу подвергается достоверность фактов и доказательств, источников их получения». (Там же).

При отправлении украинского «правосудия» судьи не задаются никакими вопросами об источниках и законности получения доказательств. Мы, скорее, видим обратное. Судья не замечает явных нарушений, не видит преступного способа получения доказательств, делает все возможное, чтобы скрыть преступления правоохранительных органов.

Воспользуюсь снова тем примером, который стал широко известен (в отличие от множества других). Во время задержания группы комсомольцев в Николаеве в 2002 году, подозреваемые оказали вооруженное сопротивление сотрудникам спецподразделений «Альфа» и «Беркут». Но ребят все-таки взяли. Через две недели стало известно: в Николаеве, в райотделе милиции, комсомольцы были подвергнуты гестаповским пыткам. В том, что это правда, не сомневался никто – ни общественность, ни правозащитные организации. Думаю, в этом не сомневались и бойцы тех спецподразделений, и судья Тополев, председательствовавший на судилище, и прокурор Беззубый. Тем более, что в самом уголовном деле имелись неопровержимые доказательства пыток и издевательств над комсомольцами, попавшими в лапы подонков-милиционеров.

Но судья Тополев имел огромный опыт... К сожалению, у него произошла та самая *профессиональная деформация*: в подсудимых он перестал видеть живых людей, мыслящих личностей, а видел только объект своей работы. Кроме того, судья Тополев очень хорошо понимал, что он – всего лишь одно звено в системе ПО, и поэтому выводить на чистую воду ментовских палачей не собирался. Им была создана целая легенда о том, будто телесные повреждения, подтвержденные документами медицинских освидетельствований, комсомольцы получили при задержании, когда оказывали сопротивление «Альфе» и «Беркуту». Логика проста: по закону бойцы этих подразделений имеют право применять приемы рукопашного боя.

Тут произошел неожиданный сбой системы. Спецназовцы, вызванные в суд в качестве свидетелей, не захотели идти на поводу у судьи-преступника. И в один голос заявили, что схваченных комсомольцев они не били, тем более – не пытали. То же самое твердили и подсудимые, защищая, как это ни странно, честь спецназа... Фактически, они защищали ИСТИНУ. Все подсудимые заявили, что пытали их в РОВД. Да и характер телесных повреждений говорил о многом: разрубленные наручниками руки, следы от иголок, загонявшихся под ногти... Даже применяя в действительности приемы рукопашного боя, «альфовцы» и «беркуты» не смогли бы нанести людям *таких* увечий!

Но судья Тополев упорно продолжал стоять на своем. И это не удивительно. Если признать, что к задержанным применялись пытки – мигом развалится все дело! Большинству комсомольцев обвинения были предъявлены именно на основании показаний, полученных под пытками.

Тогда один из подсудимых – Данилов И.В. – потребовал, чтобы продемонстрировали видеозапись задержания. Он утверждал, что такая запись велась. Подтвердили этот факт и спецназовцы. После просмотра этой видеозаписи, - утверждал Данилов, - станет ясно, что комсомольцы не имели телесных повреждений при задержании, следовательно, пытки применялись к ним в райотделе милиции.

Но это было ясно судье Тополеву и без видеозаписи. Ходатайство о просмотре кассеты было отклонено. Судья сослался на то, что это – оперативная информация СБУ и истребовать ее невозможно.

Каково же было удивление и недоумение судей, когда один из адвокатов попросил продемонстрировать видеозапись осмотра квартиры, в которой происходило задержание!.. Ничего не подозревающий Тополев согласился – и все увидели именно ту кассету, о которой говорил Данилов. Смешно было наблюдать, как судья, морщась от неудовольствия, даже не смотрел на экран. Но все остальные убедились, что Данилов и бойцы «Альфы» говорят правду. У задержанных не было тогда телесных повреждений.

Вроде бы, правда и справедливость восторжествовали? Не тут-то было! Тополев опять «не заметил» даже таких очевидных фактов. Судебный процесс, с явным обвинительным уклоном, продолжался.

«Они создали вооруженную террористическую структуру, ставящую своей целью свержение государственной власти в стране!». Да, это было бы смешно, когда бы не было так грустно. По показаниям, выбитым на допросах, стряпают вот такие обвинения, а потом осуждают молодых людей к огромным срокам лишения свободы. И суд не задается вопросом, как вообще могли возникнуть такие фантастические показания.

Иногда случаются сбои. На том суде самая молодая из обвиняемых – Нина Польская – начала вдруг говорить правду. Она говорила, что многого из того, что ее заставили подписать, на самом деле не знает, не помнит, что ее били, что «правдивые» показания ей диктовали следователи... В стане обвинения началась паника! Надо было срочно спасать положение, спасти шитое белыми нитками дело!..

Агент СБУ под личиной адвоката – некто Хомченко – скоропостижно «почувствовал себя плохо» и попросил пятиминутный перерыв. Судья Тополев, конечно же, пошел навстречу этому СБУшнику. После перерыва Польская, явно перепуганная, уже говорила «все как надо». Потом мне рассказывали, что во время перерыва в коридоре суда произошла отвратительная сцена: адвокаты, словно стервятники, набросились на бедную девочку: «Что ты городишь?! Хочешь все испортить?!». Ее убедили, что «портить» общий обвинительный ход процесса нежелательно, а то можно и реальный срок получить... У Нины, как у несовершеннолетней, была в тот момент подписка о невыезде. Девочка испугалась угроз. В итоге она, действительно, получила условный срок лишения свободы. А остальные обвиняемые – от восьми до четырнадцати лет тюрьмы.

Составители учебника юридической психологии честно пишут: «В коридоре у кабинета следователя встречаются свидетели, потерпевшие. Между ними происходит обмен информацией; они

неизбежно оказывают друг на друга определенное внушающее воздействие, что, в конечном счете, может привести к даче ошибочных показаний».

Верно. Только, как мы уже убедились, у кабинета следователя потерпевшим и свидетелям нет надобности обмениваться информацией. Следователь сам что надо подсказывает и подкорректирует. А вот в коридоре у дверей зала суда обмен информацией идет очень активно. Более того, на судебном процессе комсомольцев в Одессе потерпевшие сидели рядом в зале. Когда один из них давал показания, то бурно советовался с соседом. И судья Тополев отнюдь не пресекал этих беседований. «Ошибочные» показания его не пугали, главное – сохранить обвинительный уклон процесса.

Повсеместно распространена практика доставки свидетелей не судебными исполнителями, а сотрудниками милиции или СБУшниками. Например, при судебном рассмотрении того же «комсомольского» дела свидетелей из Каховки в Одессу привез нас в моем автобусе сотрудник СБУ. Можно представить, какой психологической обработке за три часа пути подверглись эти свидетели. Свидетель Рябец С.С. прямо заявил, что вез их СБУшник, а по дороге учил, как надо говорить в суде, напоминал, что «неправильные показания» могут повлечь за собой «некоторые проблемы». И подобные угрозы не лишены основания, ведь СБУ в Украине – это нечто наподобие «бича божьего». Преследований со стороны этой госструктуры боятся все. Мужеством Степана Рябца можно только восхищаться!

А вот свидетель Конон Александр мужеством не блистал. На судебное заседание его, пьяного, буквально вытащил из постели сотрудник Одесского УСБУ – куратор и соглядатай всех оппозиционных партий Кулаков Олег. Что говорил этот опричник пьяному, деморализованному Конону, достоверно не известно, но, давая показания, Александр нес несусветную ахинею.

Дело в том, что он ранее был осужден за хранение оружия. На следствии Конон твердил, что купил пистолет именно «для вот этой банды, ставящей своей целью свержение государственной власти», только не успел передать по назначению. За это деяние следователи не стали его включать в состав «банды» – ведь факт передачи оружия не состоялся, и осудили к условному сроку лишения свободы. Но во время процесса над комсомольцами, превращенными волею ПО в «банду», Конон вдруг принялся рассказывать, будто покупал для них и другое оружие, боеприпасы. И весь этот арсенал передал «главному террористу»!

По логике и по закону после таких признаний прокуратура должна была возбудить в отношении Конона новое уголовное дело и вменить ему все-таки участие в «банде»: ведь по его собственным показаниям, данным в суде, выходило, что он, по указанию «главаря банды», много раз покупал оружие и снабжал преступников! Следовательно, сам является полноценным членом вооруженной преступной группировки. Но Фемида проявила странную благосклонность к этому гражданину – своей подлостью Конон заслужил лояльное отношение со стороны ПО.

Нарушение права на защиту, манипуляция адвокатами – также весьма эффективное оружие украинских судей. Сошлюсь на свой собственный пример:

Еще до начала судебного процесса, на его предварительной стадии, я написал ходатайство о допуске моего отца в качестве защитника. Это сейчас разрешается законом. Судья мое ходатайство опять-таки «не заметил». Я повторил свое прошение на первом судебном заседании в устной форме, но совершил ошибку: сказал не просто «защитник», а «общественный защитник».

На первый взгляд это незначительная оговорка. Но к ней-то и прицепился судья, поскольку такого понятия, как «общественный защитник», ныне в законе не предусматривается. Под этим предлогом суд мое ходатайство отклонил. Я даже не успел вновь открыть рот, как прокурор подал свое ходатайство – о признании моих родителей в качестве свидетелей.

Смысл этого прокурорского демарша может быть непонятен людям, не сталкивавшимся никогда с судебной системой. Дело в том, что человек, который должен выступать свидетелем на процессе, не может быть на этом же процессе защитником кого-то из обвиняемых. Суд использовал данную юридическую коллизию, чтобы лишить меня нормальной защиты.

Самое интересное, что потом моего отца суд даже не удосужился официально вызвать для дачи показаний! Мнение *такого* свидетеля неправедных судей меньше всего интересовало. Они уже своего добились – отец не смог стать моим защитником.

Моя молодая адвокатесса приходила в СИЗО для беседы со мною лишь один раз. Еще несколько раз мы видели друг друга в зале суда, но там невозможно вести конфиденциальную беседу... А нередко защитница вовсе не являлась в судебное заседание. В таких случаях судья обязан отложить рассмотрение дела, но это требование закона, разумеется, не соблюдалось. Ведь чем меньше у подсудимого возможностей осуществлять свою защиту, тем лучше!

В законе недвусмысленно говорится, что подсудимый, в целях своей защиты, имеет право вызывать любых свидетелей. Это положение записано и в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. Этими принципами руководствуется уже весь цивилизованный мир. Но только не украинское «правосудие»! Ни одного свидетеля, которого просят подсудимые, как правило, не вызывают. Так было и на моем процессе, и на многих других.

Хочу привести еще один пример профессиональной деформации судьи, и как этим пользуется антинародное государство:

Долгое время в суде Кировского района г. Донецка работала судья Юрьева. Длительное пребывание на этой высокой должности сделала Юрьеву асом своей профессии. Хотела она или нет, но ее начала разъедать ржавчина профессиональной деформации.

Случилась трагедия: какой-то подонок изнасиловал дочь судьи Юрьевой. Что это было – эксцесс психически больного человека или целенаправленная месть судье за какое-то неправосудное решение? Сказать трудно. В любом случае – дочь не виновна в преступлениях матери. Но речь сейчас не об этом.

После происшествия Юрьева продолжала работать в суде. Уверен, что любой, даже очень сильный человек, после надругательства над его ребенком испытывает страшную душевную боль, влекущую за собой стресс. Несомненно, такое чувство испытала и Юрьева. Можно с уверенностью сказать, что после трагедии с дочерью она стала другим человеком. Из обычного профессионально деформированного судьи она превратилась в озлобленную на всех и мстящую всем женщину. Тем более, что должность судьи создавала очень благоприятные условия для мести...

Меньше, чем максимальный срок, предусмотренный любой статьей Уголовного кодекса, Юрьева подсудимым уже не давала. На всех подсудимых она смотрела, как на личных врагов. Свидетелей защиты, адвокатов Юрьева уже не слушала: хамски закрывала рот всем, кто пытался высказать свою точку зрения.

Конечно, говорить о какой-то объективности процесса, на котором председательствует такой судья, смысла нет. Это было не судебное разбирательство, а безжалостная расправа. Под конец Юрьеву уже не интересовало, виновен человек или нет.

Даже прокуроры хватались за голову. На процессе они, поддерживая обвинение, запрашивают для подсудимого столько-то лет лишения свободы, однако обычная практика судей – давать на год или два меньше, чем требует прокурор. Это предоставляет судье возможность проявить не только строгость, но и милосердие, хотя бы показное. Но Юрьева отбросила напрочь эти предрассудки! Она давала *всегда* больше, чем просил прокурор.

Сошедшую с ума от горя и злобы женщину еще можно как-то понять. Но где был председатель районного суда? Почему не обратили внимания на Юрьеву психиатры медицинских комиссий? Ведь судьи тоже должны проходить медицинскую комиссию, в том числе и психиатра.

Возможно, Юрьева и проходила формально через медицинские кабинеты, но врачи явно закрывали глаза на вопиющие отклонения в поведении этой несчастной. Почему? Да потому что *системе* выгодно иметь такого судью! Чем хуже – тем лучше! Никакой пощады людям, попавшим на скамью подсудимых! Даже если они попали туда случайно...

Но есть и другая сторона медали. Там же, в Кировском райсуде г. Донецка, подсудимые были взбудоражены минимальными сроками наказания, которые в один из дней давал другой судья. Долго не могли понять, в чем дело. Все оказалось просто: у судьи был тогда день рождения! И он пришел на работу «навеселе», в очень хорошем расположении духа.

Это и есть правосудие по-украински. Судьбы и жизни людей зависят не от объективности, непредвзятости, компетентности судей, а зависят от его настроения. Плохое настроение – и человек получает огромный срок лишения свободы, возможно, ему никогда уж не выйти из-за колючей проволоки... Хорошее – и преступник отделяется легким испугом!

А теперь, в заключение этой главы, дорогой читатель, я предлагаю маленький экскурс в «волшебный мир» украинского законодательства.

В ст. 55 Конституции Украины сказано недвусмысленно: «Права и свободы человека и гражданина защищаются судом. Каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц...». Вроде, кажется, все понятно. Очень демократично. Сразу надо уточнить, что суд – это одна из ветвей государственной власти, и судья, следовательно, является обычным государственным чиновником. А как на деле?

Осужденный А. подал исковое заявление о защите своих конституционных прав в Калининский районный суд г. Донецка. Его права нарушила Прокуратура. И вот судья Федорчук М.М. пишет ему ответ, невероятный по своей безграмотности и наглости: «На поданное Вами заявление сообщая, что в компетенцию местного суда подтверждение (может, все-таки, защита? – прим. автора) закрепленных Конституцией прав и обязанностей граждан не входит. Каждый гражданин самостоятельно распоряжается своими правами и обязанностями, закрепленными как Конституцией, так и другими законами Украины».

Чуть позже судья Федорчук М.М. спохватилась. Она поняла – что-то не то сочинила. И пишет очередную чушь: «...К полномочиям судьи контроль за деятельностью органов прокуратуры законодательством не предусмотрено».

Вот и все! Украинские судьи плевать хотели на статью 55 Конституции Украины. Не барское это дело – защищать «права и свободы граждан». Пусть уж граждане «сами распоряжаются» как умеют.

По мнению безграмотной Федорчук М.М., прокуроры и прокуратура не попадают под определение «органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц», хоть сие и написано в Конституции. Кто же тогда прокуроры? Может – боги, неподсудные и безответственные перед народом своей страны?

Вышеупомянутого гражданина А. - бывшего советского офицера, волею судьбы попавшего за решетку, такой ответ не устраивал. Он подает исковое заявление на действия безграмотной судьи Федорчук М.М. в Пролетарский районный суд г. Донецка. И получает оттуда еще один замечательный ответ за подписью судьи Сиваченко И.В.: «Конституцией Украины установлено, что судьи при исполнении правосудия независимы и подчиняются только закону (ст. 129), давление на судей в какой-либо форме запрещается (ст. 126)»... И так далее.

Так замкнулся порочный круг. Судьи подобны прокурорам, а, следовательно, и богам! Судьи, хоть и являются государственными чиновниками, неподсудны. Их привлечь к ответственности невозможно. Что же получается? В ходе судебного процесса прокурор и судья безнаказанно могут Вас унижить, оскорбить, как

угодно нарушить Ваши права. А Вы не сможете подать на них в суд. Прокуроры не отвечают перед судом за свои поступки. А судьи и подавно не станут судить своих коллег!

Вот и оскорбляют судьи подсудимых и их родственников. Был случай, когда, после объявления страшного приговора сыну, упала в обморок его старушка-мать. На что судья (кстати – женщина) заявила конвою: «Уберите из зала эту старую суку!».

Да, уважаемый читатель, такие у нас судьи. Почти боги! Одно вдохновляет: слова судьи Федорчук М.М. о том, что «граждане сами распоряжаются своими правами и обязанностями». Граждане! Осознайте это! Вершите свое правосудие! Не ждите милостей от подонков, возомнивших себя богами. Сожмите кулаки, возьмите в руки оружие – и приходите к судьям и прокурорам за ответом. Тогда они ответят за все...

Этап

Давно прошли те времена, когда по России тянулись длинные вереницы заключенных-кандалников. Шли эти люди по этапу в Сибирь с короткими остановками. Шли пешком, а по сторонам их сопровождал конвой – вооруженные солдаты, бывшие крестьяне. Все они по-разному относились к заключенным. На одних лицах можно было увидеть сочувствие, на других – злобу. Но хуже всего было безразличие.

Заключенные, одетые в арестантские робы из мешковины и в такие же, из мешковины, шапочки, похожие на узбекские тубетейки, бесконечно долго брели, топча ногами, обутыми в крестьянские лапти с обмотками, мокрый снег или поднимая облака едкой пыли, которая медленно оседала на лица и одежду, смешивалась с потом, превращалась в грязь...

В деревнях, в мелких уездных городах их встречали другие люди – свободные. Крестьяне, рабочие, ремесленники. Они не испытывали страха и отвращения к осужденным. В глазах этих простых тружеников были лишь жалость и сочувствие. Очень часто женщины-крестьянки, не обращая внимания на суровый конвой, подходили к кандалникам и молча совали им в руки хлеб, овощи, куски сала, другую нехитрую крестьянскую снедь. Заключенные брали все это и только глазами могли поблагодарить – разговаривать было запрещено.

Иногда конвой, будто вспомнив о своем окаянном долге, отгонял женщин от колонны кандалников. Делалось это без злобы, для порядка. Женщины отходили, одни – потупив взор, другие – гневно оглядываясь на солдат. У каждой – свой характер. Но они отходили, чтобы почти сразу же подойти вновь. Доброту, сочувствие, милосердие не остановят ни штыки, ни пули...

В XX веке все изменилось. Население страны увеличилось, а с ним увеличилось и количество заключенных. Премьер-министр Столыпин решил, что возить заключенных через всю империю предпочтительнее в вагонах – так быстрее и больше можно людей перевезти.

С приходом научно-технической революции изменилась жизнь всей планеты. Конечно, технические новинки не могли обойти стороной и пенитенциарную систему. Заключенных начали возить в спецвагонах без окон, обшитых стальными листами и оборудованных зарешеченными купе с железными лавками.

Канули в Лету вереницы кандалников, тянувшихся по дорогам. Этот способ этапирования назвали негуманным, бесчеловечным. И вместе с ним в Лету кануло милосердие, сострадание и традиция помощи заключенным, бытовавшая среди простонародья...

Сейчас перевозка заключенных по стране считается цивилизованной. Но мне кажется, что на самом деле власти просто стыдятся нас, стесняются открыто признать наше существование. Поэтому и делают вид, будто нас вовсе не существует. Прячут зеков за матовыми стеклами «столыпинских вагонов», за многочисленными слоями решетки, за глухими, обшитыми дополнительными листами стали, стенками. К вагону никого не допускают, а на конечных остановках отцепленный от состава «столыпин» загоняют в самый глухой тупик железнодорожного узла – подальше от людских глаз.

Но этап начинается не с купе. Сначала в тюрьме или в колонии вас выводят с вещами в накопительный бокс или обысковую комнату. Во всех пенитенциарных заведениях эти помещения похожи друг на друга – грязные, полуразрушенные, с постоянным полумраком, вонью давно не мытой «параши», без окон или с бывшим окном, наглухо заделанным кирпичами или «баяном». Воздуха нет. Сырость. Из крана капает вода. Часто в этих помещениях нет и скамеек – люди вынуждены стоять или сидеть на своих сумках. В этих условиях арестанты находятся по 2-3 часа.

Смена местопребывания – это всегда стресс. Люди, вырванные из уже привычной среды, даже на свободе, испытывают беспокойство. А в тюрьме это ощущение гипертрафировано.

Заключенные, нервничая, курят. От этого в боксике кислорода становится еще меньше. Через короткое время, даже зимой, по стенам помещения начинает струиться влага от человеческих испарений. Летом, в жару, влага стекает и с самих заключенных. Зеки вытираются носовыми платками и полотенцами, которые очень быстро превращаются в отвратительные, зловонные мокрые тряпки. На бетонном полу образуются лужицы. Они тоже испаряются...

После нескольких часов пребывания в подобных условиях заключенные приходят в состояние физического утомления и полного душевного опустошения. Каждый из них прекрасно понимает, что такое обращение даже с преступниками нельзя назвать человеческим. Так может содержаться лишь скот, предназначенный на убой. Ибо в этом случае за скотом уже не надо ухаживать, заботиться... Все равно зарежут!

Но это только начало этапа. Дальше – обыск. Обыскивают заключенных и их вещи солдаты конвоя. Молодые, не видевшие в своей жизни еще ничего, часто откровенно тупые, перепуганные службой, уставом, суровыми инструкциями, дедовщиной... Сейчас им предоставлена возможность сорвать свою злобу на тех, кто стоит еще ниже на социальной лестнице, на заключенных. Иногда солдаты откровенно боятся зеков – ведь в их представлении это злобные, жестокие преступники. Зачастую именно страх заставляет этих юнцов издеваться над арестантами. Точнее – стремление заглушить свой страх.

В обысковой все вещи высыпаются из сумок на стол. Солдаты проинструктированы, что где искать. Они скрупулезно просматривают все. Прощупывают каждый шов одежды, от трусов до зимней куртки и шапки. Подозрительные, на их взгляд, швы разрывают. Заглядывают в каждую пачку сигарет, в каждый коробок спичек, пролистывают каждый лист приговора или обвинительного заключения. Просматривают каждую пачку макарон, чая, гречки.

Они забирают все, что может, по их разумению, нести опасность. Забирают щипчики для подстригания ногтей – ими, оказывается, можно ударить солдата в глаз. Любые протесты бесполезны. Хотя ведь в глаз можно ударить и пальцем, и шариковой ручкой... Но солдаты возражений не слушают. Дело в том, что, помимо вопросов безопасности конвоя, ими движет банальный корыстный интерес. Часто конфискованные «опасные» вещи уходят в личное пользование солдата.

Можно возмутиться. Тогда все изъятые вещи аккуратно складываются в подписанный кулечек, – но отношение к вам со стороны щенков, одетых в солдатскую форму, становится хуже прежнего. Они еще более ожесточенно терзают ваше имущество. Они уже ничего не ищут, просто пытаются унижить вас и нанести вам материальный ущерб.

Если у заключенного тяжелая уголовная статья, такая, как бандитизм или разбой, – процедура обыска неизбежна. Неизбежна она и в том случае, если у зека на арестантском деле начертана красная полоса, означающая «склонность к побегу или нападению на конвой». Такого арестанта солдаты обыскивают долго, но с перепуганными лицами.

Если же арестант обычный, так сказать, «законопослушный», то обыска можно избежать, сунув жадному солдату пачку сигарет или кусок мыла.

Но жадность и трусость не имеют границ! Часто солдатики хотят совместить приятное с полезным: и обыск провести, украв что-нибудь, и пачку сигарет взять – как бы в пользу будущего хорошего отношения.

Привыкнуть к тому, что каждый день топчут твоё достоинство, – нельзя. Бороться – сложно. Заключенные психуют, огрызаются, вырывают из воровских рук свои вещи. Теперь уж хорошего отношения точно не жди! Конвойные щенки начинают в ответ показывать зубы – кричать, поторапливать, угрожать зекам физической расправой. Бывали случаи, когда они от слов переходили к делу. Конвой всегда прав!

Поездка из тюрьмы на вокзал – тоже мучение. Экономия казенного бензина приводит к тому, что количество «воронков» сведено до минимума, а количество арестантов, запиханных в эти душегубки, доведено до максимума. Дело усугубляется наличием вещей этапников. У каждого зека имеется по меньшей мере одна сумка, иногда две. Сумки, баулы, пакеты лежат в «воронке» буквально вперемешку с людьми – на руках, на спинах, на груди...

Летом все это пережить особенно трудно. «Воронки» превращаются в духовки, а для некоторых заключенных становятся гробами. Я видел своими глазами, как люди в «воронках» теряли сознание и их волоком тянули к решетчатой двери, туда, где хоть чуть-чуть больше воздуха. Ощущение в летнем «воронке» такое же, как в сауне. Пот катится с человека градом, нет смысла даже вытираться. Вся одежда становится насквозь мокрой. Люди глотают валидол.

Конвой видит мучения арестантов. И часто специально продлевает их, останавливая машину на солнцепеке. Сами конвоиры прячутся при этом в тень. Эта пытка может длиться часами.

Выгрузка арестантов в вагон – тоже очень опасная процедура. Конструкция «воронка» такова, что при выходе, если не пригнаться, можно разбить голову о стальной косяк двери. Пятна крови на полу автозака возле двери свидетельствуют, что здесь это происходит часто.

Купе «столыпина» даже чуть меньше, чем купе обыкновенного вагона. Но, в отличие от вагонов, в которых путешествуют свободные люди, здесь в каждое купе набивают человек по двенадцать. Иногда больше. Стены, лавки, полки обиты железом и окрашены в мрачный серый цвет. Дверь и стена, обращенная в коридор, изготовлены из мелкой решетки, чтобы нельзя было просунуть руку. На противоположной от купе стене вагона – мутное окно, тоже зарешеченное.

С первого взгляда понимаешь – вся эта конструкция создана для издевательства над человеком. Здесь не так мучительно, как в «воронке», но условия нормальными назвать нельзя. Теснота, духота и пыль – вот спутники людей, путешествующих в «столыпине». Спать можно только в порядке очереди. Одни спят, другие сидят, прижавшись плечами друг к другу на влажных от пота лавках. Зимой эти лавки ледяные. Все, как нарочно, сделано так, чтобы заключенные почаще заболели. А, может, действительно, нарочно?.. Чем больше их в дороге умрет – тем лучше для буржуазного государства?.. Нет человека – нет проблемы.

«Столыпин» – всего лишь неодушевленный предмет, вагон. Он таков, каким его сделало человеческое зло. И этот вагон служит для причинения физических и моральных страданий людям. Как бесплатное приложение к нему – конвой.

Заключенные, по прихоти солдат, уже в «столыпине» могут быть подвергнуты новому обыску. Интересы безопасности этого не требуют, ведь всех только что обыскали. Просто солдаты используют еще одну возможность украсть все, что попадет под руку – мыло, сигареты, носки. Если пытаешься пресечь разграбления – иногда начинают кланчить, а иногда – звереют. И тогда всю поездку могут превратить в ад. Даже в туалет сходить по нужде будет невозможно – надо часами упрашивать замначальника конвоя, старослужащего сержанта, чтобы позволил выйти по естественной надобности.

Конвой глумится. Зимой, в холод, когда чаще, чем обычно, возникает подобная нужда, в туалет все равно выводят только раз в четыре часа. Это тоже – пытка и унижение человеческого достоинства, низводящая людей до уровня животных. Арестанты кричат, ругаются, по вагону летает мат, а солдат-караульный прогуливается, как ни в чем не бывало, вдоль купе-камер, нацепив на лицо маску безразличия.

Но выход есть! Мужчины справляют нужду в полиэтиленовые бутылки, банки... Было и такое, что один полусумасшедший дед справил нужду прямо в собственную сумку. А иногда заключенные, в знак протеста, пускают струю из купе на пол коридора, под ноги конвойному. После этого прибегает начальник караула, прапорщик, ругается и выводит зеков в туалет, как жест доброй воли. Но это очень скользкое «добро». В туалете, по одному, заключенных легче избить. Солдаты, воспитанные доморощенной украинской системой и заморскими боевиками, только и могут, что впятером лупить одного! Только на это хватает им храбрости и мужества.

Летом применяется еще одно издевательство – солдаты не дают воду. Что это значит в жару – можно представить. А с недавних пор добавилось к этой гирлянде пыток новое звено – конвой запрещает курить. Почему? Ведь купе даже оборудовано пепельницами. Солдаты говорят, что курить можно в туалете. Но туда выводят раз в четыре часа, как уже было сказано. Что значит ни разу не затынуться в течение четырех часов – поймет любой курильщик со стажем! А курит в наше время большинство взрослых мужчин.

В чем причина жестокости молодых пацанов-солдатиков? Не исключено, что дома, возле своих мам, они были совсем другими – ласковыми, отзывчивыми юношами...

Государство превратило их в палачей. Я был свидетелем, как прапорщик, начальник конвоя инструктировал молодого солдата. Говорил, плохо скрывая усмешку, что все заключенные – это жестокие преступники, коим терять нечего, а потому любой зек с легкостью пойдет на убийство солдата, и т.д. Прапорщик смеялся, но я видел, как в глазах солдата медленно зарождался страх, который затем превращался в ужас... и в ненависть. Нет ничего опаснее. Чем ненависть перепуганного человека. Да еще облеченного хоть небольшой властью!

Но все эти издевательства над арестантами при этапировании не так уже бессмысленны. Нет! И боксик-накопители, и душегубки-«воронки», и архаичный «столыпин», все служит вполне определенной цели – максимально ослабить заключенного физически и морально, низвести до состояния животного, вытравить из него все человеческое. И, главное, - сломить волю к сопротивлению! Пусть привыкнет молча терпеть хамство, побои и ментовский грабёж. Пусть придет к мысли, что иначе и быть не может!

Этап – это не только катание в «столыпине», но и пересыльные тюрьмы, в которых транзитные заключенные, выпрыгнув из «воронка» у привратки, не успевают прикоснуться к земле, как уже попадают под дубинки местных тюремщиков. Тюремщики заставляют ослабевших в поездке арестантов идти гуськом, держа над головой сумки с вещами. Иногда беспричинно заставляют лечь на землю, лицом вниз. А еще заключенных в транзитных тюрьмах травят собаками, пропускают через бесчисленные унижительные шмоны... Селят в транзитные камеры с клопами, вшами, черными от сырости и плесени стенами... В камеры, где из унитаза периодически вылезают крысы...

Заключенные на этапе совершенно беззащитны. Заявления и жалобы администрация пересыльных тюрем у них не принимает, - как будто этих людей и вовсе нет.

Особо отвратительные, чудовищные сцены разыгрываются на вокзалах, которые не приспособлены для того, чтобы автозак мог подъехать вплотную к «столыпину». Тогда заключенных ведут прямо через перрон, а порой и через здание вокзала.

- Сесть! Вещи над головой! – истерично орут солдаты конвоя, стараясь перекричать такой же истеричный лай караульных псов.

Вокзальная публика испуганно шарахается.

- По сторонам не смотреть! Не разговаривать! Рожи в пол! – орут солдаты и тычут в заключенных стволами заряженных автоматов.

В отличие от этапов 150-летней давности, к осужденным сейчас никто не подходит, хлеба не дают, слова поддержки не говорят. Самим бы целыми остаться! Опасность для гражданских вполне реальна: злые, трусливые солдаты, не ведающие слов «ответственность перед обществом», могут и в безоружный народ пальнуть. А что? У них же инструкция!

А осужденным, действительно, лучше по сторонам не смотреть. И уж, ни в коем случае, не разговаривать с публикой. Сразу стрелять конвой, может, и не будет, но избить резиновыми палками - это обязательно! Еще могут уложить на бетонный пол вокзала и долго продержат в таком положении...

«В Хмельницком нас продержали вприсядку на перроне более получаса, - рассказывал мне один знакомый. – Это ощущение незабываемое! Контраст потрясающий! Рядом – жизнь, движение, яркие витрины магазинов и баров, вольные, нарядно одетые люди... И все останавливаются, чтобы выпученными от удивления глазами посмотреть на это жуткое цирковое представление. Стыд, горечь, ненависть к конвою – все перемешалось в душе!

Никто к нам не подходил. Конвой вел себя так, чтобы обыватели сразу поняли – нас надо бояться! Тонкий психологический трюк.

Потом нас вывели на железнодорожные пути.

- Сесть на рельсы! Голова между колен!

Конвой четко следовал своим инструкциям. Хотя я не уверен, что в

инструкциях оговаривается сидение зеков на рельсах. Скорее всего, это была импровизация. На рельсах мы просидели еще час».

Вот еще одно умышленное унижение, причем, совершенное принародно.

Надо обязательно показать зевакам, что эти люди – преступники! И конвой старается, показывает. Крики, лай собак, озверелые физиономии солдат, перепуганные пассажиры и серые от усталости и душевной муки заключенные, бредущие вприсядку, гусиным шагом, один за другим, держа сумки над головой... Каторжане XIX века не позавидовали бы!

И опять задаю вопрос – в чем причина такого обращения, пусть даже и с преступниками, но все же – с людьми, имеющими по закону свои права? Существует ошибочное мнение о некоей врожденной агрессивности и жестокости тюремщиков. Но тюремщиками не рождаются. Врожденные свойства человека, конечно же, имеют значение, но не это главное.

Этап – особое состояние заключенного. Это путь в места лишения свободы. Все, что заключенный узнал в СИЗО и в ИВС о способах сопротивления системе, должно, как шелуха, облететь.

Пенитенциарная система использует этап для психологического изменения заключенного, унижения его человеческого достоинства, физического измождения, подавления воли к любому сопротивлению администрации. Заключенный должен вступить в новый мир – мир лишения свободы – уже в другом качестве. Теперь он не обвиняемый, не подсудимый, а осужденный.

Места лишения свободы

Многие заключенные считают, что после вступления приговора в законную силу они теряют все гражданские права. Мол, в СИЗО наша вина была еще не доказана, а после суда – все!

Это ошибочное и очень вредное мнение, хотя, действительно, юридический статус человека после приговора меняется. Но это никак не отражается на правах осужденных. Все права человека за осужденным сохраняются. Так записано в Конституции. Но тюремщиками умышленно культивируется легенда, что человек в колонии – это уже не человек. Он, будто бы, не имеет права ни на личные вещи, ни на личное мнение, ни на здоровье. Жизнь его всецело в руках тюремной администрации! И администрация действует соответственно, абсолютно уверенная в своей безнаказанности.

А в Киеве, в Главном департаменте по исполнению наказаний, сидят полуграмотные генералы, которые уже давно не видели заключенных живьем. И пишут они инструкции, правила внутреннего распорядка, идущие в разрез с Конституцией и с Европейской конвенцией по защите прав человека.

2003 год. Маленький городок в Черновицкой области, расположенный почти на границе с Молдавией, в живописном месте, окруженный со всех сторон пышными яблоневыми садами, оставшимися в наследство нам, разворванной Украине, от СССР. Чистый, хрустальный воздух. Кажется, его можно пить. Чувствуется близость Карпат и Кодр. Это Сокиряны.

Слухи об ужасах приема в колонию распространялись среди зеков еще в «столыпине». Люди рассказывали друг другу все, что знали и слышали об этом. И все реагировали на услышанное по-разному. Одни начинали истерически веселиться, пытаясь спрятать свой страх перед близким будущим, другие угрюмо молчали, обдумывая, как себя вести... Полностью сохранивших хладнокровье не было. Каждый в душе переживал тягостное ожидание.

После «столыпина» - почти часовая поездка в «воронку» по ночной Буковине. Зеки пытаются выглянуть в скудное, зарешеченное окошко спецмашины, но ничего не видно. Тьма. Поле. Это только усиливает нервное напряжение, охватившее всех.

Яркий свет прожекторов, лязг открываемых стальных ворот, вышка, под которой, как облака, клубы колючей проволоки. На вышке «вертухай».

- Сколько? – кричит он.

- Тридцать! – лаконично отвечает ему старший конвоя.

Долгая езда по территории колонии. Судя по времени поездки, территория огромная. Наконец, останавливаемся.

Момент выхода из «воронка» и перехода через порог любого

пенитенциарного учреждения – пугающий момент. Впереди неизвестность. Впрочем, в Сокирянах в 2003 году эта неизвестность быстро становилась мрачной, откровенно жестокой действительностью.

Люди, выпрыгивавшие из «воронка», сразу попадали под град ударов войскового наряда, наряженного, как чучела, в маски и шлемы, похожие на сварочные очки. Били с остервенением, со всего размаха. В тусклом свете фонарей только и мелькали блестящие черные молнии ментовских палок. Все это сопровождалось воплями: «Бегом! Быстро!». В этой ситуации лучше – бежать, меньше достанется ударов. Бегут все. Стараются прикрыться тяжелыми сумками с вещами. Еще совсем недавно эти сумки казались неподъемными. Теперь же их, как пушинки, закидывают за спины, прикрывают ими голову, почки.

Побои, вопли, темнота превращают людей в обезумевшую от ужаса толпу, стадо затравленных животных. Тут невозможно ошибиться, куда бежать: от «воронка» до дверей темного серого здания выстроен живой коридор из тюремщиков. Ни свернуть в сторону, ни вернуться назад! Сзади тоже бегут...

Мрачный боксик. Они одинаковы во всех тюрьмах. Всех сбивают в этот загон для людей. Последующий обыск выглядит так:

Помещение с огромным столом в центре. Он занимает почти все пространство этого боксика. Заключенные жмутся к стенам. Они почти лишены возможности двигаться. Сумки с вещами ставят на стол. Ржущие, придурочного вида тюремщики стоят на столе, пританцовывая в ожидании добычи. Одеты они очень

пестро: от вполне гражданских дубленок до замусоленных, затрапезных камуфляжей. Продолжая отпускать какие-то глупые шутки, гогоча, с чувством собственного превосходства, тюремщики высыпают все вещи прямо на стол.

Начинается вакханалия. Это похоже уже не на обыск, а на обычный грабеж, прикрытый инструкцией внутреннего распорядка колонии. Забирается все: любые вещи, на которых есть хоть одна светлая полоска. Постельное белье, если оно не идеально белое и на нем есть хоть один нарисованный цветочек или листик. Забираются все свитера, подушки, одеяла.

Тюремщики глумятся. Они, не стесняясь, разглядывают обувь заключенных, приставляя к ней свои ноги, давая недвусмысленно понять, кто будет следующий хозяин ваших ботинок. Так же забираются и все куртки.

Командовал всей этой вакханалией в то время майор Урсатий. Ходили слухи, что или у него, или у его жены в городе есть магазин «секендхенд», и все изъятое у осужденных уходит прямиком на полки этого магазина. Достоверно сказать нельзя, но, увидев сцену отъема вещей у осужденных, можно придти к выводу, что магазин существует. Но Урсатий, как видно, делился и с подчиненными: некоторые свои вещи осужденные узнавали потом на работниках колонии. Сознание своей безнаказанности и вседозволенности позволяло им, не стесняясь, ходить в чужих сапогах и куртках.

Осужденным оставляли после обыска только то, что позволяла инструкция: две пары трусов, две пары носков, две футболки, один спортивный костюм, носовые платки, принадлежности личной гигиены и еще кое-что по мелочи.

Не знаю, куда уводили осужденных, которые прибыли для отбытия наказания в колонии. У них тоже был какой-то транзит барачного типа. Не знаю, что им давали взамен отобранного, но в первую ночь им не дали ни матрасов, ни одеял. Счастье, если ты приехал в Сокиряны летом, а не зимой!

Перед тем, как увести осужденных в карантинный барак, им подсовывается на подпись прелюбопытная бумага. В ней три или четыре пункта. За каждый надо расписаться. Пункты обычные: предупреждение о том, что возможно наказание за нарушение режима содержания, наказание за плохое отношение к работе, к казенному имуществу... Ничего особенного. Интерес представляет лишь последний пункт. Он гласит, что вы не возражаете, чтобы ваши гражданские вещи были преданы сожжению.

Пункты этого документа расположены таким образом, что последний пункт осужденный, как правило, не читает. Упор делается на первый пункт о режиме содержания. А потом офицер говорит, что дальше ерунда, не заслуживающая внимания, чистая формальность. Осужденный, после побоев, полученных в первую же минуту пребывания в колонии, и обыска, похожего на грабеж, потрясен и не может внимательно изучить текст документа. Сказывается и усталость после этапа, да и время позднее...

С точки зрения психологии все рассчитано верно. К тому времени, как приходит время подписывать, что «не возражаете», вы уже ни о чем не думаете, кроме того, чтобы вас оставили в покое и дали поспать. Самое заветное желание – закрыть глаза и не видеть работников колонии! В такой момент человек может подписать что угодно, хоть просьбу о собственном расстреле.

В других колониях, как мне потом стало известно, этот психологический трюк используется иначе. То есть еще более безнравственно. Уставшие, избитые, морально растоптанные люди, не читая, подписывают согласие на сотрудничество с администрацией, обязательство добросовестно относиться к труду, отход от воровских традиций (что, в условиях ИТК, равносильно согласию сотрудничать с администрацией). Человек с первых минут нахождения в колонии, попадает в ловко расставленные сети. Потом сеть умело затягивается...

Можно, конечно, и отказаться что-либо подписывать. Но многие уже сломлены морально, другие не в состоянии читать и адекватно воспринимать прочитанное. Лишь единицы отдают себе отчет в том, что именно происходит, и отказываются подписывать любые бумаги. Тогда на них оформляется рапорт. Формулировка стандартная: «отказ от выполнения законных требований администрации». И сразу следует наказание – до 15 суток карцера. Человека необходимо привести к покорности любым способом!

В карцере осужденного могут и избить. Кидают в это холодное, с вшами и клопами помещение, без верхней одежды. Обещают дать позже робу. Но почти всегда это остается лишь обещанием.

В Сокирянах тех, кто прибыл для отбытия наказания в тюрьму, нельзя испугать карцером. Даже если все подписано, даже если осужденный ничего не нарушил, если выполнил все, в т.ч. и незаконные требования администрации, - его все равно помещают в карцер. Только здесь это называется – карантин для осужденных с самым строгим режимом содержания.

Люди в камеру, после обыска, заходят порой в одних трусах. Вся одежда, уцелевшая от алчных рук сотрудников, проводивших обыск, остается в коридоре – теперь уже по прихоти «ветухаев» карцера. Нередко приходится первую ночь спать на голых досках нар, в одной черной рубашке, которую вам благосклонно оставили, и в одних черных трусах (все другие цвета изъяли, как «неположенные»). Под голову вместо подушки можно положить рулон туалетной бумаги. Ни одеял, ни матрасов - даже если на улице мороз...

Отопления в камерах нет. Из рта от дыхания идет пар. Камера таких размеров, что нет возможности сделать и трех шагов. Через три дня вам могут выдать робу, ботинки, шапку и... шинель. Если все это вам придется не по размеру – ваши проблемы!

Так, одному из вновь прибывших осужденных, у которого был 56-й размер, выдали старую шинель 46-го размера, шапку, которая была бы впору дошкольнику, и ботинки, которые этот человек просто не мог надеть. Такого издевательства не было даже и в СИЗО!

Розетка в этом помещении не предусмотрена. Кипяток надо униженно долго просить у прапорщиков-контролеров. Они не отказывают, приносят, но не кипяток, а так... тепленькую водичку. В ней и чай заварить невозможно. Баланда очень скудная.

И так – в течение десяти дней. В холоде, постоянно дрожа всем телом, впроголодь. Два раза в день в камеру заходят представители администрации. Надо встать и что-то там доложить. Если не сделаешь этого, могут написать рапорт по известной уже формулировке. Холод, голод, постоянный моральный и физический пресс администрации – так у заключенных проходит карантин.

На воле многие думают, что карантин – это срок, за который можно определить, болен ли осужденный, чтобы сразу начать его лечить и оградить от заражения остальных «жителей» колонии. Так знайте – это вранье! За десять дней вы не дождетесь ни одного посещения врача, ни одного вызова в медчасть. Никакого медосвидетельствования. Карантин в украинских тюрьмах и лагерях давно уже приобрел совсем другую функцию – карательную.

«Карантин» – чтобы человек понял, что он уже не человек. Что сопротивляться бесполезно – уже никто не поможет. Осужденный в карантине должен смириться с тем, что администрация колонии – это небожители, которые могут с ним сотворить все, что угодно. А могут и пощадить – но для этого осужденный должен быть послушным, молчать и спрятать свое человеческое достоинство до лучших времен.

«Карантин» – это холод или жара, смотря по сезону, но всегда – унижение, голод, побои; все, как говорится, в одном флаконе.

Условия содержания

Если бы эсэсовцы в Дахау или Майданеке увидели, в каких условиях содержатся украинские осужденные, то умерли бы от профессиональной зависти. По своей сути эти условия мало чем отличаются от условий в концлагерях. Но они прикрыты легкой вуалью гуманности и демократии. Нет, открыто здесь никого не убьют! Современные тюремщики оказались хитрее эсэсовцев. Убивают они людей медленно, изощренно, наслаждаясь самим процессом.

Держали, к примеру, осужденных в камерах 2х3,5 м вчетвером. Низкий потолок подвального помещения, сырость. Даже летом зеки здесь сидели в фуфайках. О зиме и говорить нечего!.. Отопления не было. Пар от дыхания – обычное явление в камере. Доски на полу становились влажными от ледяной сырости, а иногда подмерзали и напоминали каток. С потолка свисали тяжелые капли воды. Когда они срывались, то звучно падали на пол, на стол, или бесшумно – на матрасы и нары, на головы и плечи осужденных.

В природе крысы и мыши не уживаются на одной территории. Но только не в тюрьмах. Очень часто здесь можно наблюдать рядом два вида этих грызунов. Под полом в камере копошатся мыши, а из дыры унитаза периодически выскакивают крысы, отряхиваются, удивленно-испуганно смотрят на людей и ныряют обратно в унитаз.

Ночью крысы охотились на мышей. Камера оглашалась отчаянным предсмертным визгом пойманных зверьков. Выдержать это трудно, но заключенные в камере были лишены выбора... Под конец привыкаешь даже к тому, как ночью, в темноте, по лицу пробегает мокрая крыса. Хотя ощущение не для слабонервных.

А с наступлением утра осужденным вновь грозила опасность со стороны зверей двуногих! По какой-то самостоятельно выдуманной инструкции заключенным в камере не разрешалось сидеть на матрасах. Матрасы сворачивались и складывались в угол. Хочешь присесть? Пожалуйста – но только на голые доски этих нечеловеческих кроватей. Если обитатель камеры клал на нары даже свернутый матрас и облокачивался на него, из-за двери раздавался окрик: «Что за сон?!». Нескольких таких окриков – и осужденный получал от пяти и выше суток карцера. На досках можно только сидеть.

Сами нары здесь очень оригинальной конструкции. Располагаются они под углом к стене, задранные вверх. То есть осужденный, укладываясь спать, по законам физики, сползал к стене. Тогда между собой и стеной человек укладывал одеяло, отодвигался от стены, как только мог. Но во сне все равно сползал к ней. А стены в этом заведении холодные, влажные. И зимой, и летом. Электрические розетки отсутствуют, а про кипяток, приносимый вертухаями, я уже говорил...

Пищевой рацион настолько скуден, что через месяц питания супом с тремя зернами перловки и одним непорезанным листом капусты, и почти такой же кашей в качестве второго блюда, людей начинало ветром шатать в прогулочных двориках. В довершение ко всему, в 200202003 гг. посылки осужденные могли получать только раз в полгода, до 8 кг весом. Это позволяло лишь не умереть слишком быстро. Овсянку заливали с вечера холодной водой, к утру она разбухала – ее и ели...

Но даже на эти редкие посылки администрация тюрьмы положила глаз. Был разработан целый механизм их отъема. В тот день, когда человек идет за посылкой, ему в камеру подонок-контролер подбрасывает какой-то «запрет» – карты, заточку... Или пишет рапорт за сон днем. Осужденного без обсуждений закрывают в карцер. Ему уже не положена посылка! Ее кладут в камеру и она лежит там 10-15 суток. Осужденный, освободившийся из карцера, находит ее в растерзанном виде. На все протесты тюремщики лишь цинично ухмыляются. И столь же цинично заявляют, что это – работа крыс!

Только вот ели крысы продукты как-то выборочно и изобретательно. Прежде всего, съедалось мясное, сыр. Овощи и фрукты, как правило, оставались. Но, к сожалению, за две недели они увядали и гнивали.

Возможно, к уничтожению посылок и прикладывали свою лапу грызуны, но львиная доля съеденного приходилась все-таки на «крыс» в форме, с первого взгляда похожих на людей...

Каждое утро во время проверки по камерам проходил майор Урсатий со своей отвратительной свитой. Кроме шмонов, отбора вещей и управления магазином поношенной одежды, он еще и курировал тюрьму. Каждое утро, заходя в камеры, он с маниакальным постоянством повторял одну и ту же фразу: «Каждый зек должен болеть туберкулезом, геморроем и быть полуслепым! Если у вас всего этого еще нет, то это не ваша заслуга, а наша недоработка!».

Слушая каждый день этот бред садиста, зеки зверели, начинали еще больше ненавидеть тюремщиков и... болели. Через полгода после того, как в это страшное место завезли людей, осужденных на тюремное заключение, из 70 человек 30 заболели туберкулезом и были вывезены в туберкулезную колонию в Херсон. Многие не вернулись оттуда.

Колония особого режима для больных туберкулезом конца 90-х – начала 2000-х – не больница, а, скорее, фабрика по уничтожению заключенных. Голод, антисанитария, отсутствие грамотной диагностики и, соответственно, отсутствие полноценного лечения. Были моменты, когда за год численность этой колонии не изменялась, хотя туда постоянно приходили этапы с больными зеками, а освобождалось в три раза меньше, чем поступало. Впрочем, другие тоже освобождались. Только в гробах.

Еще одним поводом ущемить заключенного является свидание с родственниками.

Человека, как чучело, одевают в грязную тюремную робу, чудовищную шапку, заковывают руки в наручники – не спереди, а за спиной – и потом выкручивают руки назад, при этом наклоняя голову зека почти к земле... И так ведут на свидание. Причем администрация пытается так подстроить, чтобы родственники увидели зека именно в таком положении, а не спокойно сидящим за стеклом в кабинке для свиданий.

Для чего это нужно таким, как майор Урсатий? Опять же, с точки зрения психологии тюремщики все рассчитали правильно; если учесть, что их цель в данном случае – продемонстрировать свое могущество и полную беззастыдливость заключенного. Они пытаются внушить даже родственникам осужденных, что человек, попавший в тюрьму, – ничтожная букашка, которую в любой момент могут раздавить.

Есть разные матери и жены. Одни, видя унижение сына или мужа, только плачут. Другие, возможно, считают, что наказание справедливо – так и надо ему!.. Но такие, как правило, и на свиданья не ездят.

А есть родственники, которые, увидев издевательство над близким человеком, и без того наказанным лишением свободы, идут жаловаться прокурору.

В последние годы подобное отношение к заключенным уже не является постоянной практикой, но периодические всплески хамства и садизма со стороны тюремной администрации по-прежнему наблюдаются.

Стоит уделить внимание и гостинице при колонии, предназначенной для длительных свиданий заключенных с родными. Стоимость одного места в сутки – 10 гривен. Заключенные тоже платят. Если к человеку на свидание приехала жена с ребенком, то за трое суток они должны заплатить 90 гривен. Прошу заметить, что в 2006 году цены начали расти. Во многих колониях в сутки за одного человека уже требуют 15 гривен. А в отдельных колониях – и 17, и даже 20!

Какие же удобства в этих тюремных гостиницах? Маленькие комнаты с обшарпанными стенами – ремонт если и делался, то давно. Кровати с продавленными сетками, грязные, драные матрасы, из которых сыплется труха и в которых живут клопы. Постельное белье выдают, но вид у него уж очень непривлекательный... К тому же и влажное оно. На полу облезлый линолеум. Настолько облезлый, что рисунок на нем определить невозможно. В некоторых местах линолеум отделился от пола, порвался окончательно и через дыры видны серые доски.

Наступает ночь – начинается мышьяная охота. Продукты на столе оставить нельзя, иначе к утру большая часть ваших припасов будет изгрызена.

Но самое «замечательное» – это температура. Зимой в углах комнаты под потолком иней. Шапку снять невозможно – мерзнет голова. Мама, которая приехала ко мне, пальто не снимала. Так, одетые, и спали. Горячей воды, конечно, тоже не было. А чай, если завариваешь его не в кухне, а в комнате свиданий, от холода не заваривался.

Вот в такие условия попадают родители, жены, дети осужденных. Покорно платят столько, сколько «заломит» администрация. Желание увидеть близкого человека, страдающего в тюрьме, преодолевает все!

Если говорить конкретно о Сокирянской колонии, то там был случай: мать один из осужденных, вернувшись в декабре с длительного свидания, заболела тяжелой формой бронхита. Тогда ее сын-осужденный, плюнув на то, что он полностью зависим от тюремной администрации, написал заявления в Прокуратуру Украины и в Евросуд. Естественно, администрация ИК начала его *прессовать*. При этом использовала один из своих излюбленных приемов – «воспитание через коллектив».

Камеру, где сидел строптивый осужденный, стали чаще, чем обычно, обыскивать, переворачивая все вверх дном, разбрасывая по полу зековские пожитки и топча их сапогами. Сокамерникам говорили, что все это из-за того жалобщика... И нашлись несколько человек, которые пошли на поводу у ментов. Но остальные зеки их быстро поставили на место. Ведь среди заключенных есть полезная традиция – не верить ментам, считать все слова и действия тюремщиков вражеским деянием и провокацией. К тем, кто все-таки, по своей глупости, поддержал администрацию, сразу изменилось отношение – они стали чужими, почти врагами.

Зато после всех скандалов обстановка в свиданочной гостинице изменилась к лучшему. Начался ремонт и в каждую комнату поставили вентиляторы-обогреватели. Лед тронулся!

Но почему родители осужденных раньше ничего не предпринимали? Ведь многие годами ездят к своим мужьям и сыновьям в колонию. Зимой мерзнут, простужаются. Летом обливаются потом, покрываются сыпью и пьют сердечные капли... И молчат. Покорно, униженно, как рабы. Люди просто опасаются за здоровье и жизнь своих близких, находящихся за решеткой, полностью во власти администрации. И думают, что благополучие осужденных всецело зависит от покладистости и послушания. Также надеются они на порядочность тюремщиков... А вот этот последний пункт особенно хромает!

Так сложилось в украинских правоохранительных органах (ПО), что работа в тюрьмах и колониях является самой непрестижной, самой низкой ступенькой в иерархии могущественной силовой системы. Сотни, а может и тысячи работников милиции совершают по всей стране различные преступления. Начиная с пыток задержанных в райотделах милиции и заканчивая взятками, перепродажей изъятых наркотиков, «крышеванием» наркобаронов. Но очень редко преступники в погонах попадают за решетку. Система бережет честь мундира. Она рьяно охраняет свое спокойствие и создает над собою ореол непогрешимости и величия.

Своих сотрудников, преступивших закон, система укрывает от правосудия. На все жалобы заключенных по поводу пыток, других незаконных методов ведения следствия, даются стандартные отписки – мол, «факты, изложенные в жалобе, не подтвердились». Но бывает, что дело заходит слишком далеко. Слухи о преступлениях подчиненных доходят до руководства МВД и до прокуратуры. Более того – выплескиваются и за пределы... Сильно скомпрометированных ментов уже не могут оставить работать на старом месте, - их начинают «прятать». Лучше всего это можно сделать, отправив проштрафившегося мента на работу в тюрьму или колонию, эту клоаку правоохранительной системы.

За все время нахождения за решеткой я редко встречал кадровых тюремщиков – тех, кто осознанно, после срочной службы во внутренних войсках, шел на постоянную работу в эту систему. Но и такие фанатики, по мере продвижения по служебной лестнице, подверглись профессиональной деформации, становились бездушными и жестокими. А огромный опыт работы, хитрость позволяли им манипулировать заключенными, стравливать зеков между собой. И, если в начале своей карьеры они бескорыстно несли службу, то, получив офицерские звания и дослужившись до больших должностей, они поплатились за это душевным опустошением. Такое зло, как коррупция, их тоже не миновало.

Но другой вид тюремщиков еще отвратительнее. Они не деформировались под воздействием пенитенциарной системы, они пришли в нее из других подразделений ПО уже такими – полностью коррумпированными, с садистскими наклонностями и наплевательским отношением к закону.

Несколько примеров:

Начальник сектора максимального уровня безопасности в Сокирянской колонии Келя В.В. раньше работал в таможне на границе Украины и Молдавии. Там, используя свое служебное положение, он напропалую брал взятки со своих и чужих. Его рьяность даже бросилась в глаза местному таможенному начальству, которое само честностью и бескорыстием не отличалось. Даже этих монстров коррупции поразила патологическая жадность Кели В.В.! Его не смогли больше терпеть, уволили.

Келя не пошел работать в тракторную бригаду. Ведь физический труд ниже достоинства таких деятелей. Он пошел работать в местный райотдел милиции. Тут он тоже показал свою подлость, болезненное честолюбие и ненасытное сребролюбие. Уж очень Келя хотел продвигаться по служебной лестнице, - а сделать это можно, лишь имея хорошие показатели раскрываемости преступлений. Было бы сказано!.. Келя стал самозабвенно пытаться задержанных, выбивая из них «нужные» для следствия показания. Мираж капитанских погон, перемигивающихся золотыми звездочками и сулящих прибавку к жалованию, застилал разум Кели. Но жестокость бывшего ворюги-таможенника уже не нравилась даже райотделовскому начальству. Начался процесс «съедания» Кели с последующим увольнением.

Он в ответ тоже попытался «съесть» свое милицейское начальство, но оно оказалось ему не по зубам. Все его интриги и сплетни в райотделе не привели к желаемому результату. Келю В.В. выперли из милиции, приклеив ему замечательную кликуху – «Гад». Под этой кличкой он стал известен всем Сокирянам.

И уже как «Гад», Келя В.В. пришел работать в Сокирянскую исправительную колонию № 67. Так же, как на предыдущих местах работы, «Гад» этот начал гадить и тут. Взятки с заключенных за самые ничтожные нарушения режима содержания, поборы за «благосклонность» – это когда у осужденного берутся деньги, а взамен Келя его теряет из виду...

Сейчас, по крайней мере, сняты ограничения на получение посылок и бандеролей. Но раньше, когда посылку можно было получить раз в полгода, когда зеков держали впроголодь - это было время Кели! Стоило только родителям осужденного ошибиться и прислать посылку чуть раньше положенного времени, сразу начиналось вымогательство сигарет у получателя – в обмен на разрешение эту посылку вообще получить.

Любимое занятие Кели В.В. – задерживать письма осужденных. Как уходящие, так и приходящие. Скрупулезно, строчка за строчкой, прочитывал Келя все письма, попадавшие в его руки. Любые попытки осужденных сообщить родителям о беспредельщике-капитане, пресекались им на корню – такие письма попросту никуда не уходили.

Келя В.В., с точки зрения психологии... Нет, в данном случае уже с точки зрения психиатрии! – типичный больной, страдающий комплексом неполноценности. Маленького роста, и от этого таскающий туфли на высоченных каблуках, похожие на клоунские, с загнутыми вверх носками. Неудачник, так и не сделавший ту блестящую карьеру, о которой всегда мечтал... И, плюс ко всему этому, патологически жадный. В каждом заключенном такой тюремщик видит врага, насмехающегося за спиной над его ростом. Он ненавидит за это всех.

К сожалению, Келя не одинок. Такой психологический тип людей встречается среди работников пенитенциарной системы довольно часто.

Есть и другие – просто садисты. Их хлебом не корми, только позволь поиздеваться над живым существом.

Славик был в звании прапорщика и работал старшим смены одного из корпусов Одесской тюрьмы. К сожалению, не помню фамилии этого экземпляра. Пришел работать в тюрьму он после ЧП на месте прежней службы. А служил он раньше в подразделении «Беркут» и однажды, во время задержания каких-то наркоманов, переусердствовал – забил задержанного до смерти. Возбудили уголовное дело. Но на следствии он оправдался, настаивая, что, де, убил задержанного случайно, когда тот оказывал сопротивление. Я видел Славика, разговаривал с ним - и не верю в подобную случайность. Славик невысокого роста, коренастый и широкоплечий. Каждое движение выдает в нем спортсмена, бойца. А массивная голова с абсолютно плоским затылком и обрюзгшим от пьянки сальным лицом свидетельствует о «высоких» интеллектуальных способностях этого человека.

Привычка забивать кого-то до полусмерти осталась у Славика и после перехода на новое место работы. Заключение ненавидели его. Очень часто, за малейшее нарушение, Славик вытаскивал арестанта из камеры, отводил его в так называемую галерею – подземный ход между жилыми корпусами тюрьмы и привраткой, и там избивал человека уже так, как хотел. А потом беззастенчиво оформлял на него протокол «о нападении на представителя администрации» и закрывал избитого в карцер.

Очень часто на работу в пенитенциарную систему попадают бывшие ГАИшники. Их жадность воспета в анекдотах и не является секретом ни для кого.

Работник другой колонии - оперуполномоченный Подсинева Е.П. - до того, как стать тюремным опером, был оперуполномоченным в Торезовском отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. О жадности и злостности этого человека ходят легенды! Торезские наркоманы, отбывающие срок здесь же, вздрагивали от страха, увидев на территории колонии Подсинева, который еще недавно избивал их в милиции!

Возможно, кто-то мне возразит: мол, и хорошо делал, что бил этих наркоманов... Спорить не буду. Вот только подобная «работа» не имеет ничего общего с законностью и демократичностью, постоянно декларируемыми украинским правительством.

Приводить подобные примеры можно и далее. В пенитенциарной системе их пруд пруди. Как в помойную яму, сюда сливается вся грязь ПО. И здесь они продолжают свою подлую деятельность.

Труд в колонии

Для того, чтобы объективно рассмотреть этот немаловажный пункт, необходимо открыть Европейскую конвенцию по защите прав человека и основных свобод. В ней мы читаем: «Статья 4 – Запрещение рабства и принудительного труда. Пункт 2 – Никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду. Пункт 3 – Для целей настоящей статьи термин «принудительный труд» не включает в себя:

а) всякую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении, согласно положениям ст. 5 настоящей Конвенции или условно освобожденное от такого заключения».

Ст. 5 Конвенции регламентирует заключение человека, осужденного компетентным судом.

Вторит Конвенции и Конституция Украины. Статья 43: «...использование принудительного труда запрещается. Не считается принудительной работа, выполняемая лицом по приговору или иному решению суда...».

И далее: «...Каждый имеет право на надлежащие, безопасные и здоровые условия труд, на заработную плату не ниже той, которая определена законом».

Приговоры украинских судов, по которым содержатся в колониях и тюрьмах большинство осужденных, не предусматривают привлечения к трудовой деятельности. По приговору человека только лишают свободы на определенный срок. Хотя очень часто (такова традиция украинских судов) эти сроки огромны – свыше 10 лет.

Из названий колоний среднего и максимального уровня безопасности, в которых содержится основная масса заключенных, даже изъяли слово «трудовая». Эти учреждения стали просто называться «исправительными колониями», а не «исправительно-трудовыми», как это было раньше.

Но нельзя сказать, что в Украине вообще не выносят приговоров, по которым человек обязан работать. Выносят. За малозначительные преступления украинский суд может вынести наказание «ограничение свободы и содержание в колонии-поселении». Это самый легкий режим содержания. И еще: «осуждение на такой-то срок принудительных работ».

Вроде бы все понятно. Логика железная: если в приговоре есть слова «принудительные работы» - осужденный должен трудиться, хочет он того или нет. Но, разумеется, даже в этом случае – не бесплатно. Если же в приговоре это не значится, следовательно – осужденный просто лишен свободы. Двух наказаний – лишение свободы плюс принудительные работы – за одно преступление не бывает. Это тоже записано в Конституции, в ст. 61.

Но существует еще и Уголовно-исполнительный кодекс. Вот он-то и вступает в противоречие и с Конвенцией, и с Конституцией. В нем написано, что осужденный, попав в колонию, обязан трудиться, независимо от желания.

Тюремщики, как правило, не подозревают о существовании какой-то Европейской конвенции. Да и Конституцию они не читают. Зачем? Есть же Кодекс, в котором ясно написано: зек должен так пахать, чтобы

мыслей лишних в голове не осталось. Еще лучше – чтобы никаких не осталось! Еще есть инструкции внутреннего распорядка, которые предусматривают репрессии для зека, не желающего работать.

И инструкции эти усердно применяются. В украинских колониях работа служит отнюдь не средством исправления преступника, а средством давления на осужденных. А заодно и средством обогащения некоторых начальников ИТК. К сожалению, масса заключенных безграмотна. Люди не знают своих прав. В колониях нет юридических консультаций. Однако обязанности заключенных администрация им разъясняет весьма доходчиво: за отказ от работы во всех колониях предусмотрено наказание.

Отказчика сначала сажают в карцер. Три попадания в карцер – и строптивца помещают в сектор усиленного контроля. Это сейчас так называется... А раньше назывался – БУР, барак усиленного режима, тюрьма внутри колонии. Человек может просидеть в БУРе и год, и пять лет. Раньше за отказ от работы могли еще и добавить срок, но сейчас администрация не практикует такое наказание. Чего-то испугались?.. Может, все-таки действуют наши протесты и разъяснения, что сам принудительный труд в колонии – изначально незаконен, а администрация заставляет людей работать на свой страх и риск?..

Говорят, президент В.А. Ющенко, сразу после вступления в должность, проехался по нескольким пенитенциарным учреждениям и был потрясен, видя, что заключенные сидят в камерах-одиночках, в карцерах – за отказ от работы и за невыполнение нормы выработки. Ющенко был потрясен потому, что все это оказалось уж очень непохоже на прилизанную Европу, которую он так любит и куда всей душой стремится! Рассказывают, что осужденных, которым повезло попасть Виктору Андреевичу на глаза, по приказу президента выпустили из сырых, грязных «ям», а администрации было строго высказано, что Украина теперь – Европейская держава, и заставлять людей работать силком никто не вправе.

Но президент уехал – и тюремщики взялась за старое.

А вот ситуация еще более дикая. Как известно, основная масса производственных мощностей в колониях за последние 15 лет уничтожена. Все пришло в негодность и разрушилось. Работой могут быть обеспечены лишь процентов десять заключенных. На эти вакансии стоит даже очередь. Многие осужденные, у которых не осталось родных и близких на свободе, с удовольствием работали бы, чтобы обеспечить себя сигаретами и чаем.

К слову сказать, эти очень важные «на зоне» продукты должны заключенным выдаваться бесплатно, наравне с баландой. На это из бюджета выделяются деньги. Но о бесплатном чае и сигаретах все давно уж забыли! Если бюджетные деньги и поступают, то должностные лица их присваивают.

Итак, работы нет. Для тех, кто хотел бы работать, не находится рабочих мест. Но все это не имеет значения, если вы попали в немилость к администрации. За то, что вы строптивый, гордый или просто слишком умный для зека. Для такого осужденного работа всегда найдется! Предложат двор мести или колючую проволоку крутить – осужденный отказывается. Ну, не позволяют ему принципы работать на администрацию... Не хочешь – пожалуйста! Иди в карцер.

И такая ситуация сложилась в очень многих колониях. Например, в колонии № 51 Одесской области. Там, если вы хотите работать, надо дать взятку ответственному работнику ИК. Но, если вы не хотите работать, работу вам задаром найдут! И сядете в карцер за отказ от выполнения «законных» требований администрации.

В пос. Еленовка Донецкой области, в колонии № 52 – вообще проблемы с трудоустройством зеков. Это колония особого режима (максимальный уровень безопасности) и сидят там, в основном, престарелые преступники, уже неоднократно судимые. На свободе у таких, как правило, уже никого не осталось. Передачи они не получают. Они бы и рады заработать пару копеек на чай и сигареты, - но не тут-то было! А вот политзаключенный Илья Романов провел почти два месяца в карцере-одиночке за отказ крутить колючую проволоку. Ему – слишком принципиальному! – администрация быстро нашла работу, зная заранее, что он от нее откажется. Тем более, поручать крутить «колючку» заключенному – слишком уж черный юмор! Все равно, как если бы приговоренного к повешению заставили самого сколачивать себе виселицу.

Только вмешательство депутатов Верховной Рады Украины и личное мужество Ильи, а также то обстоятельство, что он серьезно заболел, помогли вырвать его из лап тюремщиков.

Но есть места лишения свободы, где производственные мощности сохранились. Примером может служить та же Сокирянская ИК № 67. Еще с советских времен на территории этой колонии действует шахта, в которой добывают камень известняк. Осужденные почти все работают в этой шахте.

Отказ от работы здесь сурово карается – отказчики сидят в карцере и БУРе. Причем – все отказчики, а не избранные принципиальные строптивцы. Можно подумать, что администрация Сокирянской колонии действительно желает перевоспитать преступников, исправить трудом, заставляя их вкалывать и приносить пользу государству... Но не стоит делать поспешных выводов. Сначала надо рассмотреть условия труда в шахте, размер оплаты и некоторые другие, весьма существенные детали.

На почти пять километров протянулись под толщей земли в Сокирянах галереи известняковых шахт. Это грандиозные сооружения. От штреков выработки до выхода на поверхность ездят грузовые автомашины. И два грузовика могут спокойно разминуться в коридорах шахт.

Света в шахте нет. Администрация экономит электроэнергию. Транспорта, который доставлял бы к выработкам шахтеров-зеков, тоже нет. Нечего баловать их, пусть пешком идут! И эти пять километров заключенные топают под землей в крошечной тьме, подсвечивая себе дорогу спичкам и зажигалками, шараясь от огромных крыс, которые периодически выскакивают из подземных переулков.

Случалось, что новички отставали от своих бригад, теряли направление и часами бродили в этих мрачных галереях. Заблудиться в подземных лабиринтах очень легко. А из выработки «бугор» уже звонил в штаб колонии, сообщая, что такие-то не пришли в забой. На ноги поднимался войсковой наряд и сытые,

вооруженные фонарями, резиновыми дубинками и собаками менты, устремлялись на поиски «беглецов». Конечно, находили. И «за попытку побега» избивали, травили собаками, отправляли в карцер. Так у некоторых заключенных начинались трудовые будни в шахте.

Объяснять ментам, что заблудился случайно, что не собирался бежать – бесполезно. Бойцы войскового наряда не слушают объяснений. Они и сами знают, что эти зеки не собирались никуда убежать, но все равно бьют. Жестоко бьют. Чтобы сломать этих «беглецов», растоптать, превратить в безмолвных рабов. И чтобы другим было неповадно. Страх – сильный дисциплинирующий фактор, метод «перевоспитания и исправления» осужденных.

В забое стоит комбайн, который режет известняковую породу, поднимая тучи белой въедливой пыли. Освещение есть только здесь. Комбайн режет камень, а заключенные грузят его в подъезжающие периодически машины. Работают, вдыхая ядовитую пыль, потому что респираторы подневольным рабам не выдаются.

За смену зеки должны загрузить 800 штук камня в машины. 800 штук – это не на бригаду, а на каждого заключенного. Такую норму придумала администрация. Выполнить ее невозможно, если учесть, что один стандартный известняковый кирпич весит 25 кг. Понятно, что грузят эти камни вручную. Тут соседствует технический прогресс XX века и ручная работа английских углекопов XVI века.

Многие не понимают – для чего устанавливать явно невыполнимые нормы? Оказывается, все очень просто. Не выполнишь норму – не получишь зарплату. Осужденные, чтобы не работать совсем бесплатно, нашли выход. Звено из пяти человек целый месяц работает и закрывает план на кого-то одного из звена. Тот в конце месяца получает отоварку в ларьке колонии.

Этот ларек принадлежит кому-то из офицеров колонии, и осужденные вынуждены покупать залежалый товар по явно завышенным ценам. «Счастливчик», купивший продукты, делит их на все звено. Один месяц – один осужденный, другой месяц – другой осужденный... Но даже из этой скудной зарплаты администрация высчитывает за спецодежду и рабочий инвентарь. Чтобы избежать еще и этих поборов, осужденные просят свих родных, чтобы те привезли в колонию роботы, ломы, лопаты. Дикость украинского капитализма XXI века!

Горячий обед рабочим в шахту не возят. Администрация объясняет это просто: нет возможности. Привозят лишь хлеб – по одной буханке на пятерых.

Не мудрено, при таких условиях работы, да с таким питанием, заключенных массово косит туберкулез. Больных – уже отработанный материал – вывозят в колонию-больницы, на их место пригоняют новых рабов.

Заключенные в шахте проводят по 10-12 часов. Воды водопроводной под землей тоже нет. Сквозь горные породы сочатся ручьи – отсюда зеки и берут себе воду. На кострах варят чай.

Стволы вентиляции существуют, но электромоторов вытяжки пыли нет – опять пресловутая экономия электроэнергии. Но когда в Сокирянскую колонию приезжает комиссия из Киева для инспекции шахты, двигатели вытяжки чудесным образом появляются. После отъезда комиссии – снимаются и администрация ИК вновь начинает экономить деньги на электроэнергии, складывая сэкономленное к себе в карманы.

Вернувшись после смены в барак, осужденный-шахтер греет себе воду и смывает едкую известковую пыль. Можно, конечно, и в баню сходить, но там почти никогда не бывает горячей воды. Такой режим работы, когда у осужденных совершенно нет свободного времени, и жизнь их превращается в сплошную каторгу, выгоден администрации. По мнению тюремного начальства, осужденных следует низвести до уровня волов под ярмом, бездумной тягловой силы. Пусть у них не останется сил ни на чтение, ни на самообразование, на даже на то, чтобы письмо домой написать... С точки зрения администрации это хорошо: меньше мыслей – больше послушания!

Следующий вид работ – так называемая «площадка». По уровню эксплуатации человека «площадка» находится на втором месте после шахты. Но, с другой стороны, это еще как сказать...

Из шахты вывозят побочный продукт резки камня – известковый песок. Выводят его машинами и на бетонной площадке ссыпают кучами. Осужденные должны лопатами затаривать этот песок в мешки, а потом грузить либо в кузов автомашины, либо в железнодорожный вагон. Работают, как и в шахте, в три смены, без выходных. Либо (если какой-то осужденный подал жалобу) с одним выходным – в воскресенье. Работает на площадке один отряд – сто человек.

За смену осужденный должен наполнить 12 мешков песка. Такова официальная норма, зафиксированная в соответствующих документах. На бумаге это выглядит безобидно. Но в документах не сказано, что это за мешки! Сие, как говорится, сокрыто мраком неизвестности... для тех, кто вздумал бы ознакомиться с условиями труда зеков, не выходя из кабинета.

А мешки очень оригинальные, на них стоит посмотреть. Привезли их с какого-то завода удобрений. В один такой синтетический мешок помещается одна тонна и еще 200 кг песка. Итак, за смену осужденный лопатой должен перекидать больше 10 тонн песка. Любому здравомыслящему человеку понятно, что такая норма невыполнима.

Так же, как и в шахте, здесь не выдают респираторы, а за инвентарь и спецодежду высчитывают. Администрация часто вынуждает рабочих на площадке, как и шахтеров в шахте, просить родных, чтобы привозили рабочий инвентарь. Представьте себе: вот старушка-мать едет на свидание с сыном-осужденным в колонию, тащит большие сумки с продуктами, а на плече – лопату... Чтобы ее сын, в качестве раба, трудился на администрацию ИК!

Поскольку и на «площадке» никто ному выполнить не может, осужденные выходят из положения тем же способом, что и в шахте: группируются по 3-4 человека и каждый месяц закрывают норму кому-то одному. Так и живут.

Подведем итог:

1. Нормальных, то есть безопасных и здоровых условий работы, нет.

Следовательно, администрация места лишения свободы нарушает Конституцию Украины.

2. Оплаты за труд нет, либо она явно недостаточна – не соответствует ни

затратам труда, и полученной учреждением прибыли. Этим также нарушается и Европейская конвенция, и Конституция Украины. Во все времена считалось, что, если человек работает на кого-то бесплатно по принуждению, значит – он раб.

Вот и получается, что подавляющая масса украинских заключенных, подвергаясь жесточайшей эксплуатации со стороны администрации мест лишения свободы, находится в положении рабов.

Слышу уже возражения: так, мол, было и при Советской власти... Ложь!

Мне рассказывали старые работники ИК, которые несли службу здесь еще в семидесятых-восьмидесятых годах, что осужденные, отработав весь срок в шахте, по освобождению получали деньги и могли сразу купить себе автомобиль ВАЗ.

Как видим, сейчас не купишь и самокат. В жизнь и трудовую

деятельность заключенных, так же, как и в жизнь всех людей, внес «коррективы» капитализм.

Может, кому-то кажется, что известняк и песок нынче – неходовой товар,

и администрация Сокирянской колонии просто не может сбыть его, потому и не платит зекам заработанные деньги? Но мнение это в корне ошибочное. Камень прекрасно продается по всему Западному региону Украины.

Цена одного камня – 1 гр. 50 коп. И, возможно, это цена еще занижена, по сравнению с производством того же стройматериала на свободе: здесь-то рабочая сила дармовая! Не надо быть выдающимся математиком, чтобы подсчитать, сколько дохода приносит каждый зек за одну лишь смену, отгружая 800 штук камня...

Песок реализуется еще лучше. Он широко используется в строительстве

и продается не только на внутреннем рынке Украины, но и в Белоруссию, и в Германию.

Администрация, наживаясь за счет рабского труда осужденных, платит

мзду прокуратуре в Черновцах, в Сокирянах, а, возможно и в Киеве. Чиновники знают об этом рабовладельческом хозяйстве, но закрывают глаза. Всем выгодно, все хорошо кормятся. А самое отвратительное, что это первобытное хозяйство возглавляет депутат райсовета, по совместительству – начальник колонии полковник Липинский В.С. Как депутат он обязан проводить в жизнь демократические проекты и всякие европейские ценности... Но деньги дороже!

И еще более отвратительный факт (хотя, казалось бы, хуже некуда!): к

эксплуатации заключенных в Сокирянах приложила свою нечистоплотную руку и православная церковь. Иерархи-попы пошли на сговор с демократом-депутатом, и теперь заключенные изготавливают из отходов известняка еще и четки. Нанизывают бусинки на проволоку, в каждой такой низке – 50 бусинок. Это заготовка. Потом эти цепочки забирают монахи соседнего монастыря, прикрепляют к ним крестик – и в церковной лавке это изделие стоит 25 гривен.

А что же перепадает зекам? Все по старой схеме! Невыполнимая норма –

200 цепочек за смену, отсутствие зарплаты и отоварки в лавке колонии... И преждевременная слепота из-за кропотливой работы в непригодном темном помещении. Самые проворные заключенные не могут нанизать за смену больше 25 цепочек...

Согласен, попы и монахи, может быть, и не знают, в каких условиях зеки

бесплатно изготавливают им эти бусы. Но, быть может, и знают. Тогда все речи попов о христианском милосердии, как никогда, звучал лживо, цинично и лицемерно!

Аналогичная ситуация во всех колониях Украины. Меняются только декорации, фамилии начальников ИК и виды работ.

А в последнее время к эксплуатации осужденных присоединилось и

Министерство обороны. По планам конверсии государство должно утилизировать все имущество бывшей Гражданской обороны СССР, - а это миллионы противогазов, респираторов и др. Тут-то и вспомнили о рабском труде заключенных. В некоторых колониях заключенные заняты разборкой противогазов.

Схема эксплуатации та же, повторяться не будем. Заметим только, что

государство выделяет на утилизацию огромные деньги. Кроме того, разобранные противогазы – это тонны алюминия, резины и т.д. Все это тоже стоит денег и, кстати, успешно продается.

Почему же осужденные позволяют так издеваться над собой? Ведь

бывают моменты в жизни любого человека, когда заканчивается последнее терпение, - и такого человека уже нельзя запугать никакими репрессиями!..

Тут администрация использует старый, как мир, принцип «кнута и

пряника». Они понимают, что одни только репрессии – это неэффективно и может вызвать ответную реакцию – бунт. Администрация боится массового мятежа заключенных; тогда придется вызывать войска для подавления бунта, зачинщиков выявлять... С одной стороны – хлопот много, с другой стороны – начальство по

головке не погладит, спросит: «Почему допустили?». И придется отвечать. А тут еще журналисты всюду суют свой нос, правозащитники голос поднимают...

Поэтому и придумали такой трюк, как условно-досрочное освобождение –

УДО. В колониях УДО исполняет роль «пряника». Осужденным объясняют: «Да, вы работаете в невыносимых условиях и бесплатно, но зато вы уйдете из этих мрачных стен раньше времени, не досидите два или три года».

К сожалению, этот замусоленный «пряник» играет свою предательскую роль с успехом. Заключение становятся послушными, выполняют все распоряжения тюремщиков, даже явно незаконные. Но и в этом случае работать с энтузиазмом, «с огоньком», «весело», измученные зеки не могут... Да и не стоит.

Замечено, что в действительности тюремное начальство не

спешит отпускать самых трудолюбивых зеков на волю путем УДО. Такие зеки, как хорошие станки-автоматы, приносят прибыль, поэтому нужны здесь. Жадность бизнесменов в погонах легко побеждает такие понятия, как «справедливость», «честь», «слово офицера». Когда у передовика производства подходят сроки УДО, администрация начинает ставить ему палки в колеса. Выносят ему выговоры за несуществующие нарушения режима или трудовой дисциплины... Короче, как в том старом мультфильме: «Буренку свою не отдам никому, такая корова нужна самому!».

И эту вопиющую подлость многие зеки проглатывают, как горькую

пилюлю, обильно запивая злобой и ненавистью...

В Сокирянах на шахте 12 лет проработал один осужденный. Работал

хорошо, добросовестно. За эти годы он стал даже очень хорошим специалистом своего дела.

Администрация, когда ему подошли сроки УДО, решила его не отпускать.

Общего срока у этого осужденного (к сожалению, не знаю его фамилии)

было 15 лет. Так что после отбытия двенадцати лет его вполне могли освободить по УДО. Но не выпустили, использовав против этого человека тот самый подлый прием, описанный выше. Осужденный не выдержал – объявил голодовку, а потом вскрыл себе вены лезвием от бритвенного станка.

Администрация поспешила его изолировать в карцер, пытаясь скрыть этот

скандальный факт, но осужденный успел сообщить своим родственникам о ментовском беспределе. Те подняли шум, поехали в Киев, в Генпрокуратуру. В итоге администрацию ИК пожурили, а заключенного все же выпустили. Так что эта история закончилась более-менее благополучно.

А вот в другой ИК все закончилось печально. Осужденный работал более

9 лет в быткомбинате колонии. В 2006 году ему уже было больше 60 лет от роду и целый букет заболеваний : от трофической язвы до подозрения на рак. Сидеть Марковичу, как его называли все заключенные, «до звонка» оставалось еще три года. В это время подошли у него сроки УДО. Престарелый Маркович мог бы выйти на свободу. Но администрация колонии так не считала. Комиссию шестидесятилетнему больному человеку постоянно откладывали, ссылаясь на мнимые нарушения дисциплины...

Я видел Марковича. На нарушителя он не был похож. Он еле-еле

передвигал ноги.

В сентябре 2006 года, после того, как ему в очередной раз отложили

рассмотрение его дела в комиссии по УДО, он спокойно пошел в быткомбинат, открыл силовой электрический щит, к которому были подключены промышленные стиральные машины и мощные тены шкафов для борьбы со вшами, присоединил провода к клеммам 380 вольт, обмотал проводами свое тело и включил рубильник. Маркович решил, что так лучше. Спокойнее. Он все-таки ушел от этих сволочей из ПО! Он выбрал страшный, но верный способ.

В колонию прибыла комиссия... И, как и ожидалось, пришла к выводу:

гибель от несчастного случая.

Но в колониях случаются и попытки заключенных в буквальном смысле

сбежать от кошмара резиновых палок, карцеров, хамства и рабского труда «на хозяина». Об этом поговорим далее.

Завершая описание условий труда и жизни в колониях, могу сказать, что

иногда терпение заключенных лопается – и тогда начинаются массовые неповиновения администрации. Выражаются они, как правило, в коллективных голодовках, массовых вскрытиях вен и т.д.

Очень хорошо, что заключенные становятся постепенно более

грамотными. Они стараются сделать так, чтобы все их акции сопровождалась информационной поддержкой со свободы. Перед каждой такой акцией они ставят в известность и правозащитные организации, журналистов, госадминистрацию района, где расположена колония.

Вспышки возмущения происходят все чаще и чаще. Летом 2006 года

вскрыли себе вены, объявили голодовку и *зашили себе рты* заключенные Львовской колонии № 30.

Протест был направлен против беспредела, который устроил заключенным начальник колонии.

Мало того, что в этом пенитенциарном учреждении было отвратительное

питание и ужасающие бытовые условия жизни зеков. Так он еще заставлял заключенных маршировать под оркестр, собранный из таких же лишенных свободы бедолаг!.. Дошло до того, что над плацем на проволоке был подвешен работающий светофор. Он, по мнению самодура-начальника, должен был упорядочить проход в столовую и на работу разных отрядов колонии. Один отряд на зеленый свет браво марширует под звуки

духового оркестра, а другие стоят на красный свет и ждут своей очереди. Наверное, так представлял себе исправление заключенных этот идиот!

Согласитесь, это никак не вяжется с правами человека, да и вообще со здравым смыслом.

Резонанс от акции осужденных колонии № 30 был огромен. Савик Шустер

даже снял по этому поводу свою программу «Свободу слова». Неприглядно выглядели на экране ТВ перепуганные, трясущиеся чиновники Львовского департамента по вопросам исполнения наказаний. Из зловонного болота пенитенциарной системы, где эти гады чувствуют себя прекрасно, их вытащили на свет общественного мнения, а общественная огласка для них – как солнце для вампиров. Под прицелом журналистских телекамер эти лицемерные фигуры в форме на глазах скукоживаются, куда-то сразу исчезло их хамство и чувство принадлежности к «элите». И они, наконец, предстали теми, кем и являются на самом деле – трусливыми, глупыми, отвратительными негодьями.

Осужденные тридцатки добились соблюдения своих элементарных прав.

Оркестр убрали. Светофор – вершину идиотизма – сняли. Заодно сняли и самодура-начальника.

Вслед за Львовской ИК № 30 такую же акцию провели заключенные

Харьковского СИЗО. Администрация пыталась преподнести это, как проявление солидарности с львовянами. Что ж, и это сыграло свою роль!

Заключенные Украины наглядно продемонстрировали, что деления по национальностям для них не существует. Русскоязычный Харьков поддержал украиноязычный Львов, доказав этим, что национализм – бредовая выдумка политиков оранжево-коричневой масти, которые придумали эту чушь, чтобы разобщить народ. Но с зеками этот номер не пройдет. Они слишком хорошо знают, кто их враг. И это не зависит от языка, на котором враг разговаривает.

Но солидарность – не единственная причина выступления заключенных

Харьковского СИЗО. Основная причина – это избиения заключенных бойцами спецподразделения в привратке при приеме в СИЗО, это хамские шмоны, когда предметы одежды арестантов перемешиваются с продуктами в сумках, и при этом самое ценное и вкусное исчезает. И так далее, и тому подобное... Арестанты Харьковского СИЗО объявили голодовку.

Уже после в руки мне попала газета «Зеркало недели». В ней я нашел

маленькую заметку, которая очень взволновала меня. Я проникся гордостью за осужденных Сокирянской колонии. Заметка повествовала о том, что в середине августа 2006 года осужденные в Сокирянах объявили голодовку, после того, как им выдали хлеб с червями.

Сначала осужденные попросили дежурного помощника начальника

колонии (ДПНК) заменить червивый хлеб, но получили хамский отказ. ДПНК назвал заключенных «быдлом» и пригрозил вызвать для расправы с ними спецподразделение «маски-шоу». Но на сей раз угрозы не сработали. Осужденные не испугались и начали голодовку.

Молодцы! Аксию они провели профессионально, поставив в известность

не только руководство колонии, но и госадминистрацию и местный Совет в Сокирянах, облсовет и администрацию в Черновцах, средства массовой информации. В теленовостях появился репортаж о событиях в ИК № 67. В этот раз телевизионщики от народа ничего не скрыли и честно рассказали, что «в Сокирянской исправительной колонии выявлено массовое нарушение прав человека».

А во всех остальных колониях, по всем городам и областям Украины?..

Везде творится одно и то же. И если люди еще молчат – это не значит, что у них все нормально. Просто терпят еще... Из последних сил. Но и у них когда-то чаша терпения переполнится! Осужденные медленно, очень трудно, превращаются из рабов в людей.

Психология побега

Давайте представим себе такую ситуацию. Вы заходите в комнату, а находящиеся в ней люди начинают вас оскорблять, унижать, пытаются ударить. Что вы будете делать? Если у вас в этой комнате нет неотложных дел и есть возможность выйти – вы так и поступите. А если нет возможности выйти? Уверен, вы сделаете все, чтобы такая возможность появилась! Либо вступите в борьбу с теми, кто вас унижает и бьет.

Но, даже вступив в борьбу, вы будете продолжать искать выход. Это естественное желание любого существа – свобода! Нам эта жажда свободы передалась на генетическом уровне от наших далеких предков, а они получили ее от вольных диких животных.

Нахождение в замкнутом пространстве противоестественно. Животные содержатся в клетках в зоопарке... Но вы, наверное, обращали внимание на то, как ведут себя многие виды млекопитающих в заточении. Они нервничают, мечутся по клеткам, хищники пытаются перегрызть стальные прутья. Некоторые виды живых существ просто не выживают в неволе, даже при наличии хорошего корма. Другие погибают, если у них нет брачной пары.

В наше время люди к животным стали проявлять милосердие. Созданы массовые общественные организации по защите животных. Эти организации строго следят, как обращаются с животными в зоопарках, цирках и дома. Условия зоопарков максимально делают похожими на природные условия обитания зверей и птиц. Создаются открытые вольеры, где животные могли бы резвиться, создавать пары, производить на свет детенышей.

Но и это не значит, что у тигра или оленя исчезло чувство свободы. Оно притупилось – на то они и животные... Но если появится малейшая возможность сбежать из своего комфортабельного вольера, они обязательно сбегут! Газетные полосы периодически украшаются сенсационными сообщениями о побегах из цирков и зоопарков львов, тигров, обезьян, даже крокодилов.

Зов свободы сильнее голоса желудка. Звери рвутся из клеток, еще не зная, что на свободе они погибнут, так как отвыкли сами добывать себе пищу. Но даже если бы они это знали, то и тогда, наверное, бежали бы!

Я не слышал еще ни одного сообщения о том, чтобы беглый лев, проголодавшись, вернулся в клетку.

Вот и нам эта неумная жажда свободы досталась от наших пращуров. Этим мы не отличаемся от наших братьев меньших. Но, в отличие от них, мы имеем мозг, способный мыслить логически.

Именно этим и пользуется государство, сажая в тюрьмы людей. Именно способность мыслить спасает заключенных от сумасшествия. И она же зачастую мешает им отдаться естественному, пусть даже и смертельно опасному, порыву к свободе.

Государство навязывает людям мысль, что, раз ты осужден к лишению свободы, то должен быть изолирован от общества. При этом ссылаются на законы, которые само государство и придумало. Осужденный стремится осознать, как он попал в такое незавидное положение, его мозг упорно ищет выход из этого положения. Тут ему говорят, что, если вести себя покладисто, то можно выйти пораньше... Рождается надежда.

Человек знает, что в клетку его посадили временно, что срок лишения свободы рано или поздно закончится. Но, если попытаешься самовольно уйти отсюда, срок добавят. Льву это не объяснишь. А человеку объяснили, и он поверил.

Бывали случаи, когда двери тюрьмы распахивались, а заключенные – не выходили. Слишком силен феномен законопослушания, страх быть наказанным за побег. Присутствует и такая мысль: а как я покажусь дома, что скажут близкие? На что буду жить, кто возьмет меня на работу, беглого зека? Всю жизнь так и буду от людей прятаться?..

Человек боялся, что, самовольно вернув себе свободу, он станет изгоем общества.

Но ситуация в местах лишения свободы сейчас меняется.

Во-первых, все больше людей попадает за решетку по предвзятым, незаконным, несправедливым приговорам. Судебные процессы проходят с вопиющими нарушениями процессуальных норм. Часто вина подсудимых не доказана и базируется лишь на их собственных показаниях, буквально выбитых на допросах. И вот такому человеку, в отношении которого сами работники ПО совершили массу преступлений – применение средневековых пыток, шантаж, подлог, хищение имущества, - администрация колонии пытается внушить мысль, что он должен быть законопослушным! «Сидишь на основании судебного приговора – значит, правильно сидишь!». Но в этом нет не только никакой справедливости – в этом нет логики. Осужденный несправедливо не может согласиться с тем, что «все правильно»! Он-то знает, что неправильно сидит, и знает, кто в этом виноват.

Во-вторых, условия содержания в СИЗО, колониях, тюрьмах становятся все более невыносимыми. Осужденный тем и отличается от посаженного в клетку хищника, что он может оценить свое положение. И часто приходит к выводу, что с ним обращаются в местах лишения свободы хуже, чем с зверем в зоопарке. Одни покорно смиряются со своей участью, у других подобные мысли вызывают чувство протеста и толкают их к решительным действиям.

В третьих, на осужденного действуют те же великие законы природы: он стремится к свободе, к семье, к возлюбленной...

И часто совокупность всех этих факторов приводит к тому, что человек, презирая страх, решается на побег.

Сразу надо сказать, что наказание за любовь к свободе весьма суровое – до пяти лет. Эти пять лет добавляются к основному сроку. Но это, так сказать, лишь официальное, юридическое наказание. Есть еще ряд наказаний частного порядка.

Того, кто совершил побег, могут пристрелить, как бешеное животное. Человек, пересекающий «запретку», ставит себя вне закона. Солдаты конвоя, чувствуя себя, как на охоте, с азартом травят беглеца. Тем паче, что азарт их небескорыстен: за поимку или убийство «побегушника» солдаты получают отпуск для поездки домой, офицеры и прапорщики – денежные премии и отгулы.

Нет, это не описание сталинских времен, так ненавистных демократам и либералам. Это XXI век Украины и России!

Но человеку, бежавшему из тюрьмы, лучше уж быть застреленным конвоем, чем попасть в их лапы живьем. Мучений меньше. Дело в том, что побег в любом пенитенциарном учреждении – это ЧП. Вышестоящее начальство не похвалит за это «хозяина» колонии. В рассматриваемой нами ситуации начальник колонии, начальник оперчасти, первый зам. – снимаются с должностей. Представьте злобу этих разжиревших, самодовольных держиморд, когда им в руки попадает источник их беспокойства – беглец!..

Сразу поступает (всегда устное) распоряжение: «ломать» беглеца. И верные цепные псы «хозяина» - «вертухай» старательно выполняют приказ. Просто побои, изошренные пытки, травля собаками – вот далеко не полный арсенал способов мести тюремщиков. Как правило, осужденный, совершивший побег и попавший в руки преследователей, сразу попадает в тюремную больницу.

Бывают случаи, достойные того, чтобы по ним снимать детективы. Но, к сожалению, дерзких побегов революционеров при помощи сочувствующих из числа тюремной администрации, сегодня не

наблюдается. Тюремщики уже не те, что были сто лет назад. Трусость и жадность у них преобладает над верой в лучшее и жаждой романтики. Но это отнюдь не значит, что они вовсе не дают бежать заключенным. Дают!!

Бежать позволяют тем, кто уже дал признательные показания на подельников, но есть опасность, что этот неустойчивый тип на суде показания свои изменит, - когда увидит лица товарищей, которых предал, и устыдиться собственной слабости... Или устрасится их мести. А изменение показаний даже одного человека часто равносильно крушению всего уголовного дела.

Чтобы этого не произошло, такому обвиняемому или подозреваемому устраивают вполне реальный побег. Но скрыться он не успевает. Он вновь попадает в объятия той самой правоохранительной системы, которая еще вчера «любезно» дала ему сбежать из узилища. Но теперь у него уже совсем другой статус – не задержанного или арестованного... Точнее, у него теперь вообще никакого статуса нет, он заложник бандитов в погонах, числящихся официально в розыске. И они поступают с ним так, как поступили бы бандиты. Человек исчезает. Бесследно. Опыта у ментов хватает на то, чтобы сделать это идеально.

Подобная порочная практика широко распространена в Украине. Если не верите, то изучите газетные публикации о ходе расследования резонансных дел. В глазах в вас зарядит от таких терминов, как «дал показания, выпущен под подписку о невыезде, местонахождение неизвестно» или «совершил побег из-под стражи, находится в розыске», или «дал признательные показания и скоропостижно скончался от сердечной недостаточности». Все это, как вы сами понимаете, ширма. В реальности этих людей давно нет в живых. Всех, не только тех, кто скончался официально! Те, кто «умер в СИЗО от сердечной недостаточности» при внимательном рассмотрении оказываются умершими от побоев и пыток, или просто отравленными.

Ну и, конечно, старое, как мир, «застрелен при попытке к бегству»! Очень удобный способ ликвидации неудобного человека. Для этого требуется лишь вытащить арестованного или задержанного из машины на улицу во время этапа – и «попытка к бегству» налицо! Теперь можно и застрелить.

Интересно, а как дело с побегами обстоит в Европейском союзе, куда так стремится украинская власть? Там за побег осужденного не наказывают. По всей видимости, европейцы считают, что в таких случаях виновата только администрация мест лишения свободы – лучше надо было смотреть за своими подопечными. А поведение самого «побегушника» рассматривается там с точки зрения психологии, как совершенно естественное: нормальный здоровый человек не может не стремиться на волю из клетки! А вот если человек не хочет бежать, если нахождение в клетке его устраивает, значит, у него что-то с психикой... Такого надо обследовать.

Конечно, администрация европейских тюрем обеспечивает меры безопасности, чтобы узники не могли бежать. За потенциальными беглецами установлен усиленный надзор. И не мудрено! – ведь, если за побег не накажут самого беглеца, то работникам тюрьмы влетит обязательно.

И там не будет тюремное начальство избивать осужденного, травить собаками, пытаться голодом и холодом по личной инициативе, следуя примитивному чувству мести. Не могут они себе этого позволить.

Вот мы и увидели принципиальную разницу между действительно *исправительной* пенитенциарной системой Европы и чудовищной карательной системой Украины, которая изначально пытается в человеке уничтожить личность и низвести его до рабского состояния.

Обращение в государственные инстанции

Пенитенциарная система является частью госаппарата. Очень специфической его частью. Но, даже несмотря на это, сотрудники администраций разных пенитенциарных учреждений очень не любят и опасаются, когда осужденные пишут жалобы и заявления в другие государственные структуры. Например, в Прокуратуру и Уполномоченному по правам человека в Верховной Раде Украины. Этим и пользуются заключенные.

Хотя отправка жалоб на действия администрации таит в себе опасность.

По закону письма осужденных в прокуратуры всех уровней и Уполномоченному по правам человека не подвергаются просмотру цензором. Эту норму специально ввели в закон. Законодатели понимали, что подневольный, бесправный зек по-другому не сможет найти защиты от хамства и незаконий администрации тюрьмы или колонии.

Эта норма закона – как кость в горле у представителей пенитенциарной системы! Офицеры-тюремщики постоянно «проводят работу» с осужденными, внушая им, что администрация мест лишения свободы чиста перед законом и не боится никаких жалоб. Может, действительно не боятся так, как должны были бы бояться... Но опасаются. И, конечно, принимают меры.

Нет, вопрос не стоит о том, чтобы устранить причин жалоб: отвратительное питание, средневековые условия быта осужденных и рабский труд! Устраняют не причины, а следствия - то есть, сами жалобы.

Весь юмор в том, что письма в прокуратуру и Уполномоченному по правам, которые по закону нельзя подвергать цензуре, все равно должны пройти через канцелярию пенитенциарного учреждения. Клерки внимательно следят, чтобы письмо не проскочило за колючую проволоку нелегально. Конверты, естественно, вскрываются и все жалобы читаются.

Ну, а дальше все зависит от личности осужденного, подавшего жалобу. Если администрация знает, что за осужденным на свободе стоят определенные силы, которые его поддерживают в трудную минуту, то такого человека вызывают к начальству в кабинет и пытаются договориться. В этом случае администрация может пойти на компромисс. Осужденный должен этим пользоваться. И вырывать по крохам те блага, которые по закону и так ему принадлежат.

Осужденного, который имеет выход на редакции газет и на интернет через своих друзей на воле, а еще лучше – на депутатов Верховной Рады, тюремщики считают опасным. И они его ненавидят. Сделав такому

человеку уступку, они тут же откроют на него настоящую охоту: будут искать повод написать какой-нибудь рапорт, закрыть в камеру-одиночку или вообще вывезти в другую колонию.

Грамотный, влиятельный осужденный опасен тюремщикам не только своими обращениями в разные инстанции, а еще и как человек, пример коего заразителен для других зеков. Тюремщики понимают, что одна-две жалобы – еще не угроза их служебному благополучию, но несколько сотен одинаковых обращений в парламент от осужденных создадут им серьезные проблемы. Это будет ЧП! Можно и с должности слететь...

С осужденным, который не считается влиятельным и не имеет знакомств в «эшелонах власти», администрация не церемонится. Его жалобы банально рвется в клочки и выкидывается в урну. Его никто не вызовет для беседы. «Не того полета птица!» - думают тюремщики. При этом могут даже прислать человеку уведомление, будто бы его бумага отправлена - чтобы успокоился. Но такой заключенный тоже должен иметь в виду: его уже администрация поставила на учет и будет теперь искать повод для репрессий.

Тюремщики уже нарушают украинское законодательство, распечатывая те письма, которые цензуре не подлежат. Но, как мы убедились, они не только читают жалобы осужденных, но и самовольно решают, что с этими жалобами делать.

Чтобы добиться положительных результатов и вывести администрацию колонии на чистую воду, зекам приходится отправлять свои жалобы и заявления в обход канцелярии, чтобы не попались на глаза цензору. Проще всего – вынести на длительное свидание и передать родным. Можно им просто рассказать все в устной форме и на кратком свидании, где общаются через стекло и разговаривают между собой через телефонную трубку. Главное, чтобы ваши родственники не побоялись обратиться в те государственные структуры, которые вы им называете.

Отправить нелегально письмо можно и через других осужденных, выходящих на свидание. Ибо вполне возможно, что вскоре вы уже не сможете сами ничего отправить. Администрация, поставив вас на учет, как бунтаря, будет внимательно следить за вами и очень тщательно обыскивать по любому поводу. Вы не сможете пронести в комнату свиданий нужные бумаги. Понадобится помощь других лиц, только договариваться с ними нужно втайне, чтобы не «подставить» людей, готовых вам помочь. Помните – агентура администрации следит за вами.

Упомянувшийся выше Илья Романов приехал в дремучую националистическую Ровенскую деревню Иванчи, в колонию № 76, с оперативной сопроводительницей. В ней опера Донецкой колонии № 52 скрупулезно, подробно описали, каким образом в тех или иных случаях поступать с Ильей. Тюремщики в Иванчах эту бумажку сразу восприняли, как сигнал к действию. Илья попал «под колпак».

Малограмотные стражи тюремного порядка, не испытывавшие любви к чтению не только печатных изданий, но и рукописей, решили избавиться себя от лишних хлопот, просто прекратив всю переписку Ильи. Ему перестали приходить даже частные письма. Также они запретили ему получать газеты. И, конечно, все его обращения в Верховную Раду исчезали, словно в черной дыре.

Илья пошел на крайнюю меру – попытался вынести нелегально нужные бумаги на свидание с женой. Тюремщики их нашли. И начался прессинг. Илье запретили свидания вовсе. Бросили его в изолятор-одиночку. Кроме писем и газет лишили также права просмотра теленовостей...

Хорошо, что Илья успел несколько слов сказать жене. Из этих слов она, сама отсидевшая пять лет за решеткой, все поняла. И после этого куцега свидания с мужем сразу поехала в Киев, на прием к Уполномоченной по правам человека в Верховной Раде Нине Корпачевой.

Только после этого тупые ровненские тюремщики оставили Илью в покое. А вскоре они отправили «бунтрян» в другую колонию.

Но бывают истории и не с таким счастливым концом.

В Одесской тюрьме с 6 декабря 2002 г. по апрель 2003 г. находились спецподразделения МВД. Их нахождение там было совершенно необоснованно. Бунта или массового неповиновения администрации там не наблюдалось. Просто проводили обычное «закручивание гаек» в обычном следственном изоляторе.

В это время из Днепропетровска в Одессу в качестве начальника тюрьмы был переведен майор Рябцев. Огромный, видный мужчина. Ходили слухи, что во время бунта в Днепропетровской тюрьме в 1991 году он был там начальником войскового наряда и даже побывал в заложниках у разъяренных зеков. Насколько это правда – не знаю, но понятия справедливости и чести у Рябцова были очень своеобразные. Он, например, мог отправить всех четверых обитателей камеры в карцер лишь за то, что те проснулись не в 6 утра, как предписывает распорядок дня, а в 5.30. Мог одинаково избить и прапорщика-«вертухая», и зека. Объяснения и аргументы он мало слушал. Можно понять, что, после бунта в Днепропетровске, Рябцову мятежи чудились везде. Это он был инициатором ввода в Одесское СИЗО спецподразделений.

Взял Рябцов, что называется, с места в карьер. А бойцы спецподразделений, как положено бездумным сторожевым псам, начали выполнять приказ. Они избивали заключенных за малейшие провинности, проводили обыски по несколько раз в день в одних и тех же камерах. Рвали книги, выбрасывали за дверь «лишние» миски, ложки и кружки. В общем, глумились, прикрываясь своими внутренними, только им известными, инструкциями.

Кто-то должен был остановить этот беспредел. И такой человек нашелся. Я не буду называть этого заключенного – возможно, он не хотел бы, чтобы имя его стало достоянием гласности. Скажу только, что он постоянно повторял другим зекам, чтобы писали жалобы на действия спецподразделений и прикрывающей их администрации СИЗО.

Он поднял на ноги всех своих знакомых на свободе, через них информировал прессу и правозащитные организации. Администрация СИЗО таких действий подсудимого простить не могла! Именно подсудимого – у этого человека тогда шли суды.

Судья отложил заседание на месяц по убедительной просьбе администрации СИЗО. И непокорного арестанта повезли по этапу по в «столыпине» по всей Украине тюремной... И в каждой пересыльной тюрьме местное начальство уже знало, кто к ним приехал, и делало условия его пребывания в камерах максимально «комфортными». Этот подсудимый прошел все круги ада – избияния, карцеры, «пресс-хаты» во многих тюрьмах Украины. Его избивали за то, что на минуту опоздал лечь на нару во время отбоя. Его закрывали в карцер за то, что на минуту опоздал подняться с нары во время подъема... и т.д. и т.п.

После такого «турне» у человека пропало желание писать жалобы в прокуратуру и поднимать на ноги журналистов и правозащитников. Правда, жалобы сделали свое дело – псов в масках из Одесского СИЗО вывели. Но репрессии против того подсудимого, о котором я рассказал, пожалуй, даже не были мстостью администрации изолятора... Это было, скорее, предупреждение другим любителям обращаться в прокуратуру и в средства массовой информации.

Кто бы что ни говорил, но бороться с пенитенциарной администрацией таким образом – и действительно, и опасно. Тут надо иметь мужество!

Начальство исправительных учреждений, как я уже говорил, жестоко мстит жалобщикам.

Сергей С. постоянно добивался от администрации колонии № 41 того, что положено по закону даже за колючей проволокой: нормального питания, нормальных условий труда и быта. Но, по логике администрации, проще ликвидировать жалобщика, чем причины, вынуждающие человека жаловаться.

И Сергея «ликвидировали». По ходатайству лагерных врачей он поехал по этапу из одной лагерной больницы в другую... О медицинском обслуживании в пенитенциарных учреждениях речь пойдет ниже. Сейчас скажу только, чем это кончилось: человека, мешавшего творить беспредел, в колонии не стало.

Пожизненное заключение

Есть еще одна категория осужденных. Это несчастные люди, которых уже и гражданами трудно назвать...

За некоторые особо тяжкие преступления, такие, как убийство более двух лиц, убийство сотрудников правоохранительных органов (государство хорошо защищает себя) предусмотрено пожизненное лишение свободы.

Гуманно это или нет – мнения разделились. Одни, следуя послевоенным европейским традициям, уверены, что держать человека в клетке, пока он не умрет, - очень гуманно. Мол, у человека остается надежда. Ведь через 20 (!) лет он может подать прошение о помиловании и ему пожизненное заключение заменят на другой срок лишения свободы.

Да, это так! Но, с другой стороны, держать человека в клетке (как и любое другое живое существо) и ждать, пока он умрет, бесчеловечно и дико в принципе.

Чтобы понять, в каких условиях содержатся пожизненники, как к ним относится конвой, - давайте поставим себя на место конвоя.

Итак, перед нами люди, убившие других людей. Много людей. Суд лишил их свободы навсегда. Режим тюрьмы, утвержденный в Киеве, лишил их свиданий (раз в полгода), посылок (так же). Можно писать только письма под жесточайшей цензурой. Какие же это граждане страны? Это ПЖшники!

Этим людям терять абсолютно нечего. Дождаться через 20 лет помилования, учитывая туберкулезный геноцид в Украине, невозможно. То есть, все эти люди прекрасно отдают себе отчет в том, что из тюремных стен они уже не выйдут никогда. И поэтому они готовы на все. На побег, на захват заложников, на самоубийство.

В общем, самоубийство поощряется. Нет человека – нет проблем (я уже говорил это ранее, но вынужден повторить).

Но ведь есть и такие, кто не смирился с жестоким приговором и хочет добиться его смягчения.

Опять-таки, есть и среди ПЖшников люди, которых осудили несправедливо, фальсифицировали материалы уголовного дела. Тюремная администрация прекрасно все это знает, но по инерции следит за соблюдением «закона». Даже если приговор совсем незаконен. Знают опытные тюремщики и о той жажде свободы, зову которой подвержены все люди без исключения, независимо от приговоров какого-то суда! И принимают свои «меры безопасности».

Над ПЖшниками просто издеваются. Сидеть в течение дня на кровати им запрещается. Лежать – тем более. Из-под стола выдвигается стальная табуретка – вот и сиди на ней целый день. Можешь смотреть телевизор. К оконцу подходить нельзя, к двери тоже. Единственное место, которое не попадает в поле видимости камер наблюдения, это «параша». Но на отхожем месте находиться больше пяти минут нельзя.

За нарушение всех этих пунктов следует наказание. Нет, здесь никто рапортов не пишет, выговоров не объявляет. Даже в карцер сажают редко. Само жилое помещение – как карцер! Но наказывать нарушителя надо. И с удовольствием наказывают.

В камеру сначала кричат: «Всем отойти от дверей!», потом врываются вертухаи в бронежилетах и шлемах. Лица закрыты масками. В руках рогатины. С такими наши предки ходили на медвежью охоту. С помощью этой рогатины человека прижимают к стене и избивают длинными резиновыми дубинками. А в коридоре, на всякий случай, притаилось подкрепление. Они ждут. Мало ли?.. Вдруг ПЖшник вырвется и нападет! Там же, в тюремном коридоре, разбрасывая пену из оскаленных пастей, лают псы.

Выход на прогулку также сопровождается издевательствами. На ПЖшника, через маленькое окошко в двери, одевают наручники, скрутив руки за спину. Потом поступает команда: «Сесть лицом к стене». Двери открываются. ПЖшника, подняв ему руки за спиной вверх и наклонив его голову к самому полу, бегом ведут в прогулочный дворик. Поднятие головы, взгляд в сторону – сразу бьют.

Я знаю, что это такое. Мне «посчастливилось» тоже передвигаться в таком положении. Нет, к пожизненному заключению я не был приговорен. Все было проще. В Верховном Суде Украины, когда меня туда доставляли на рассмотрение моей кассационной жалобы, я сделал замечание конвою. Очень уж вольно они себя вели, хамили. В качестве мести они протащили меня почти волоком по коридорам Верховного Суда.

Я увидел себя со стороны. Смог представить это. Паркетные полы, застеленные красными ковровыми дорожками. Модные светильники на окрашенных по последнему евростандарту стенах. Резные белоснежные потолки. И среди всего этого казенного великолепия четверо щенков восемнадцати лет отроду, одетые в новенькую форму, с перекошенными от злобы лицами волокут меня... Руки за спиной в наручниках задраны чуть ли не вертикально вверх. Голова на уровне пола, так, что я вижу, что происходит позади. Идем быстро, можно сказать - бежим. Я почти не касаюсь ногами пола. Лицо мокрое от пота, очки почти свалились. И перекошенный от ненависти к этим подонкам рот. Все это как-то плохо гармонирует с паркетом, дорожками и светильниками.

Иногда я видел ноги в дорогих брюках проходящих по коридору и останавливающихся, чтобы пропустить нас. Стильные туфли, носки... Жаль, что я не видел лиц этих подонков-судей, хозяев дорогих брюк и туфель! Эти «поборники законности и правосудия» даже замечания не сделали озверевшим юнцам из конвоя. Они не остановили расправу. Теперь понятно, что это за судьи и как они решают судьбы людей.

Да, жаль, лиц их я не увидел!.. Но зато хорошо запомнил щенков из конвоя. Наступит время – придет возмездие. И пусть потом матери, воспитавшие этих молодых негодяев, не рассказывают нам сказок о «хороших мальчиках» и о «политических репрессиях». Зло будет достойно наказано.

Прошу прощения за это «лирическое отступление». Я только хочу, чтобы читатель лучше представил себе, что чувствуют осужденные пожизненно.

С этой категорией осужденных произошла юридическая коллизия. Очередная.

В тюрьмах и лагерях осужденных на различные сроки лишения свободы должны, теоретически, исправлять (хоть этого никто и не делает), потому что такие зеки через какое-то время освободятся и вольются в нормальное гражданское общество. Но ПЖшников даже теоретически исправлять нет смысла - они никогда не выйдут из-за решетки. Это живые мертвецы. И обращаются с ними, как с уже мертвыми.

Мне рассказывал один человек, отбывавший уже не первое наказание, что как-то раз он по заявлению пришел к тюремному хирургу. У него на шее воспалился фурункул. Зашел в кабинет, но в дальнюю комнату, где делают медицинские процедуры, его не пустил конвой, а потом и вовсе выгнали из кабинета в коридор. Он понял, что на прием к хирургу привели ПЖшника.

Через некоторое время конвой вышел в коридор и приказал ему встать лицом к стене и опустить голову вниз. Возле него остался один из тюремщиков. Но мой знакомый, старый каторжанин-рецидивист, краем глаза увидел, что из кабинета не вывели никого, а вынесли тело, завернутое в обычное одеяло. Вынесла тюремная хозобслуга, по-лагерному – «козлы».

У моего знакомого мороз пробежал по коже, и идти к такому врачу ему расхотелось. Но фурункул требовал операции. Пациент зашел в кабинет и увидел хирурга, моющего руки.

Рецидивист, с присущей этому виду заключенных непосредственностью, спросил у врача, как у него дела, кто только что был здесь на приеме? Хирург даже не стал скрывать, что пытался сейчас в таких «полевых» условиях вырезать у ПЖшника аппендицит, и больной умер под ножом врача. Все это было сказано спокойно, как бы между прочим.

Только в 2006 году больных, осужденных на ПЖ, начали вывозить в специализированные лагерные больницы. Потому что сейчас они под жестким контролем Евросоюза. А до этого момента лечили от любых болезней на месте. Как? – Я только что изобразил...

Для этого вида заключенных даже придумали оригинальную работу – плести рыболовецкие сети. Конвой делал вид, что не замечает веревки, которые ПЖшники проносили в камеры. Прокатилась волна самоубийств. Впрочем, ПЖшники вешались и прямо на рабочем месте.

За самоубийство заключенного, даже ПЖшника, начальство вертухаев не хвалило – это с одной стороны... Но с другой – количество осужденных на пожизненное лишение свободы из года в год растет. Мест для их содержания не хватает. Вот и начался беспредел: измученных, уставших от такой жизни ПЖшник начали выводить на работы, умышленно ослабили контроль и дали возможность им сводить счеты с жизнью. А высшее начальство скромно закрыло на это глаза, подписывая бумажки, гласящие, что осужденные ПЖ умирают от всевозможных болезней. В самом деле, и от болезней тоже умирают.

Пенитенциарная система искусственно создала условия для «естественного» отбора. Менее решительные и сильные не могут покончить с собой... Такие – наименее опасны, ладно, пусть поживут еще немного, пока не доконает болезнь!

Во все инстанции – президенту, в парламент, в Евросоюз – идут письма от осужденных на ПЖ с просьбой их расстрелять. Но бессердечная власть на это не идет, сохраняя свое лицемерное «милосердие» напоказ перед Евросоюзом и продолжая измываться над людьми, осужденными на мучительную медленную смерть вместо смерти скорой.

Медсанчасть

В камере № 123 третьего корпуса Одесского следственного изолятора царило волнение. Трое обитателей камеры тихо разговаривали между собой, пуская по кругу кружку с очень крепким чаем. Иногда кто-то из них вскакивал с места и начинал с остервенением бить кулаками в железную дверь камеры.

- Старший, вы что там спите?! Срочно врача в хату 123, человеку плохо!!

- с истерическими нотками в голосе кричал он.

Человеческий крик гулко раздавался в чудовищном «колодце» тюремного

корпуса. Но в ответ – зловещая тишина. Тюрьма еще спала в этот час. Полпятого утра.

На нижней наре в камере лежал худой, очень молодой человек и стонал.

Его лицо желто-землистого цвета периодически искажала судорога, гримаса боли. Тогда он начинал стонать громче и от боли подтягивать ноги к животу. Потом приступ проходил, молодой человек расслаблялся и опять тихо стонал.

Его сокамерники с испугом смотрели на лицо парня и, когда приступ проходил, продолжали отчаянно молотить в глухую дверь.

- Ну, что вы стучите? – в открывшейся «кормушке» появилось тоже испуганное лицо молодого прапорщика. – Я уже позвонил в санчасть, сейчас Анжела придет.

- Слава, поторопи эту суку, ему очень плохо!

Прапорщик ничего не ответил и ушел, захлопнув «кормушку».

Фельдшер Анжела пришла через час. Бледное лицо с черными кругами под глазами, черные волосы и блестящие, с искоркой порока, глаза.

- Долго тебя ждать?! Ему плохо! – накинулся на нее один из зеков.

- Я вам тут не нанималась ногами ходить! – с вызовом сказала Анжела, но потом перешла на более мягкий тон: - Что с ним?

- Живот болит. Он уже с нары встать не может... - начал рассказывать сокамерник больного.

- На! – не дослушав его, Анжела просунула руку в кормушку, и на ладонь зека упали две таблетки.

- А что это?

- От желудка поможет, - ответила Анжела. А потом похотливо, криво

усмехнулась: - А вообще, пусть сходит за «парус» (простыня, отгораживающая туалет от камеры, - авт.) и подрочит. Это точно поможет.

Окно «кормушки» захлопнулось.

- Вот мразь!.. – процедил сквозь зубы заключенный. – Как на нее у «Рекса» встает?! У меня и через десять лет отсидки на нее не встанет.

(«Рексом» заключенные называли тюремного опера Вивденко. Он считался любовником Анжелы).

Сокамерники подошли к больному.

- Сережа, на, выпей, может, полегчает!

Больной положил таблетки в рот и дрожащей рукой взял кружку с водой. Таблетки не помогли. Парень постоянно стонал, а во время приступов начинал кричать. Жутко, утробно. Так кричит смертельно раненое животное. От этого крика кровь стыла в жилах.

В десять утра пришли врачи. Больного юношу перенесли в тюремную

больничку. Ходить сам он уже не мог. А вечером его вывезли в Еврейскую больницу города Одессы под усиленным конвоем. Это картину было невозможно наблюдать!.. Жуткая была картина. Носилки. Худое изможденное тело, уже почти невесомое... Вольные санитары с ужасом смотрели на умирающего и только качали головой. А вокруг носилок – упитанные, вооруженные до зубов, наглые, самодовольные вояки из «Беркута».

Парня поместили в отдельную палату. У дверей выставили бойцов

спецподразделения. А умирающего пристегнули наручниками к больничной койке. Рука в изголовье, нога – с другой стороны. Из коридора были слышны душераздирающие рыдания матери – ей сообщили, что ее сын умирает... Но бесстрастные, как истуканы, бойцы «Беркута», выполняя чей-то приказ, не пустили мать даже проститься с умирающим сыном.

Скоро его не стало. Он испустил свой последний вздох на казенной больничной койке, прикованный к ней одной рукой и одной ногой.

Так умирал Сергей Бердюгин, самый молодой из политзаключенных по

«Одесскому делу». Он прошел через кошмар пыток Леннского РОВД в городе Николаеве. Он испытал на себе подлость и жестокость пресс-хаты Николаевского СИЗО. Он столкнулся лицом к лицу с прессовщиком по кличке «Гном»...

Сергею было 20 лет. После кошмара украинских застенков, где ему

подорвали здоровье, он угодил в другой кошмар – тюремной медицины. Сергея можно было спасти! Его надо было лечить, поместив в нормальную больницу. Но опричники из ПО не сделали этого. Юношу держали в тюремной камере, не давая лекарств, не поставив даже диагноз его болезни. Они просто ждали, пока он умрет.

Тюремные «медики», являя собой просто одну из шестеренок карательной

машины, покрывали деяния инквизиторов из Ленинского РОВД г. Николаева. Но на сей раз сокрыть содеянное не удалось.

Сергей Бердюгин погиб, фактически, в стенах Одесской следственной тюрьмы, смертью своей обличая палачей в погонах и в белых халатах. Умиравшего вывезли в городскую больницу, когда спасти его уже не представлялось возможным. Тюремщики хотели снять с себя ответственность и свалить ее на гражданских врачей.

Но пусть скептически настроенные читатели не думают, что от подобного отношения тюремного медперсонала страдают только политические заключенные (которых пока не так уж много в стенах украинских пенитенциарных учреждений). Не надейтесь, что если ваш сын или брат обвинен в обычном уголовном деянии, его минует чаша сия...

Нет! «Медицинское обеспечение» в тюрьмах и лагерях направлено не на лечение зеков, а на медленное их умерщвление.

Уже известная читателю фельдшер Анжела, наркоманка, нахамившая умирающему Сергею Бердюгину, точно так же хамила и другим больным зекам, всем подряд. А еще у нее была любимая шутка: в ходе приема пациентов в медкабинете она вдруг начинала орать, что ее пытаются изнасиловать. Понятное дело, что старший по корпусу, выполняя инструкцию, вызывал войсковой наряд и опешившего зека смертельно избивали. А потом несчастный еще попадал под репрессии любимого опера Анжелы. Так эта милая парочка поломала очень многим и судьбу, и последнее здоровье.

Трудно представить, что происходило в пропитанных наркотическим ядом мозгах Анжелы, когда она кричала, будто ее насилуют. Может, она получала удовольствие от всплеска адреналина в крови? Щекотала себе нервы? Поднимала свой статус, как самки?.. Не постигаю! Не хочется даже вспоминать, что эта женщина – *медработник*.

Я обратился к ней во время одного из плановых обходов с просьбой промыть мне ухо, которое начало болеть. В ответ услышал:

- Я техникум не для того заканчивала, чтобы вора и убийцам уши промывать!

Я был потрясен, и на следующий день обратился к начальнику СИЗО

Рябцову с жалобой. Анжелу на время убрали из того тюремного корпуса, где я сидел. Но она продолжала беспредельничать в других корпусах. Она не исчезла и, наверное, не может исчезнуть до тех пор, пока в Украине царит этот бесчеловечный режим! Анжела – олицетворение медицины в нынешней пенитенциарной системе!

В декабре 2003 года я лежал в тюремной больничке Одесского СИЗО. В

одну из ночей вся наша палата-камера проснулась от истерических криков за стеной. Там кто-то изо всех сил колотил в дверь:

- Я не болен! Выпустите меня отсюда! Отведите в корпус!

Это продолжалось полчаса. А потом произошло то, что в тюрьме является

обычным делом: вызвали войсковой наряд, кричавшего выволокли в коридор... Я, наблюдая за происходящим через щелочку, видел, как прапорщики-вертухаи избивали этого зека, а рядом стоял начальник медчасти, курил и спокойно наблюдал за расправой. Тот самый майор, который угробил и Сергея Бердюгина!..

Слыша крик и звуки ударов в коридоре, зеки всех камер, включая нашу,

принялись стучать в двери. Менты прекратили расправу и бросили избитого зека туда же, откуда извлекли. Он больше не кричал, что здоров...

Многие заключенные при мне отказывались в тюремной санчасти от

уколов. И не без оснований! Проконтролировать, что вам там вкалывают, невозможно.

Случалось, что освобождали прямо в зале суда главарей преступных группировок, чью вину следствие не сумело толком доказать, но вскоре после выхода из тюрьмы эти бандиты вдруг скоростижно умирали от сердечной недостаточности... Что явилось истиной причиной их смерти? Тут, пожалуй, больше вопросов, чем ответов. Но никто не даст вам гарантии, что этим людям не ввели накануне в тюремной больничке что-то специфическое, предназначенное отнюдь не для нормализации сердечной деятельности!.. Тем более, что между посещением тюремной больнички и внезапной гибелью человека прослеживается определенная связь.

Медицинское обслуживание в пенитенциарной системе современной Украины вызывает нехороши аналогии с «медициной» нацистских концентрационных лагерей. То же глумление над личностью пациента, то же отсутствие действенного лечения, откровенная ненависть к заключенным, которых, якобы, лечат там... Но есть и существенная разница: в нацистских лагерях были-таки квалифицированные специалисты! Всякие доктора Менгеле проводили на людях научные эксперименты... Дико, конечно.. И большое счастье для человечества, что этих военных преступников в 1945 году повесили. Но нельзя отрицать и то, что, экспериментируя над людьми, они стремились к получению определенных научных результатов.

В отличие от фашистских извергов современные «менгеле» опытов не проводят и научных открытий не совершают. Их жизнь куда примитивнее, их задача проще. Являясь частью истребительной государственной машины Украины, они помогают уничтожать людей, попавших в тюрьмы и лагеря.

Сначала оперативная и режимная служба в местах лишения свободы создают узникам такие условия, при которых не заболеть очень сложно. И люди заболевают. А потом тюремные врачи просто не оказывают зекам необходимой помощи. Схема, как видите, простая.

В Одессе, в начале XXI века врача тюремной больницы уличили в продаже лекарств, предназначенных для заключенных. Разразился скандал. Врача уволили, но лучше в тюремной больнице не стало. Наблюдалось по-прежнему отсутствие необходимых лекарств, которое тюремщики объясняли недостаточным финансированием, сваливая всю ответственность на правительство.

Мы не собираемся тут защищать правительство, но, после истории с упомянутым ворюгой-врачом, уже знаем: на самом деле лекарства есть! Только их растаскивает медперсонал. Они постоянно требуют, чтобы зеки через родственников сами добывали себе медикаменты. Однако, согласно внутренним инструкциям, действующим в местах лишения свободы, заключенный не имеет права хранить лекарства при себе. Поэтому даже присланные из дома таблетки и ампулы хранятся в медчасти, на совести врачей. А вот с совестью-то и наблюдается самый дефицит. Лекарства и в этом случае растаскиваются... и продаются тем же заключенным. Верх цинизма!

Таким образом совершается уничтожение заключенных и прямо, и косвенно. Хотя такое деяние, как неоказание помощи, безусловно, подпадает под соответствующую статью Уголовного кодекса Украины.

Для уничтожения людей может использоваться и перевозка зеков с одного конца Украины в другой. Я об этом уже рассказывал. Условия этапирования чудовищные. После одной-двух поездок в «воронках» и «столыпинных» человек добирается до пункта назначения уже полностью больным. Врачи его не лечат, - и результат не заставляет себя слишком долго ждать! Именно так довели до смерти известного киевского преступного авторитета – борца Савлохова. Когда-то у него было отличное здоровье... Но, после нескольких таких переездов из одной колонии в другую он умер от сердечного приступа. Элементарное убийство путем неоказания медицинской помощи. Хотя не исключено и отравление.

У другого осужденного как-то начались боли в области живота. «Врачи» медчасти колонии, понятное дело, диагноз толком не поставили, определили «язву». Такой диагноз позволяет врачам оформить соответствующие документы и вывезти человека в лагерь-больницу. Что и было сделано.

В межобластной больнице врачи мало чем отличаются от лагерных. Пациенту диагноз не уточнили, но две недели делали вид, что лечат язву желудка. Через две недели больного оправили обратно.

Лечение ему не помогло, боли продолжались и усиливались. Врачи колонии опять сняли с себя ответственность и с тем же диагнозом «язва желудка» вновь отправили в лагерную больницу для осужденных.

На этапе человек умер. У него оказалось банальное обострение аппендицита. Его легко можно было вылечить, вырезав аппендикс. Но лечили ведь от язвы!.. Да и лечили ли вообще? За то время, пока он катался туда-сюда в «столыпине», аппендицит превратился в гнойный...

В одной из колоний Донецкой области осенью 2006 года в медсанчасти умер осужденный. Женщина-фельдшер безутешно рыдала:

- Я ненавижу эту систему! Сволочи! – сквозь зубы твердила она. – Его можно было спасти, можно! Я говорила, что его надо в больницу, в Торез везти, еще три дня назад! Не слушали меня, скоты, парня угробили!

История почти аналогичная истории Сергея Бердюгина. У осужденного начался менингит. Вместо того, чтобы спасти человека, начальник медчасти колонии капитан Тищенко С.В. тянул время... Лечить опасно больного человека он не мог – нечем! Лекарства в медчасти, как он постоянно повторял, хронически отсутствуют. Вывезти осужденного в городскую больницу – значит открыть тайны тюремной медицины...

В последний момент пациента с менингитом все-таки вывезли в горбольницу: дежуривший ночью тюремный фельдшер снял с себя ответственность и вызвал карету «скорой помощи». Но было уже поздно.

Но ведь можно что-то сделать, есть правозащитные организации, пресса, к ним можно обратиться, раз государственные структуры не реагируют на этот беспредел...

- Бесплезно! – махнула рукою фельдшерица. - Когда тут десятками люди умирали от туберкулеза, когда морг был переполнен и трупы складывали прямо под открытым небом, мой муж не выдержал и поехал в Киев. Надо было что-то делать. Терпеть уже все это стало невозможно! И что же? – Мужа не только уволили, но и оболгали, затравили клеветой, - мол, это он лекарства воровал!.. Правда, тогда из Киева приехала комиссия и эпидемию туберкулеза остановили. Но система какая была, такая и осталась.

Вот вам наглядная иллюстрация понятия «карательной медицины»! И не в каком-то Гулаге Солженицынском, а в Украине XXI века!

Кстати, не все вольные граждане знают о том, что врачи пенитенциарной системы не подчинены Министерству здравоохранения. Их начальство находится в Департаменте по исполнению наказаний.

Морально-психологический облик этих эскулапов, даже на фоне общей моральной деградации всего буржуазного общества, ужасает. Клятва Гиппократова сейчас даже для врачей на свободе – пережиток «тоталитарного прошлого», а в тюрьме – тем паче! Мне об этом часто говорили сами лагерные медработники. И, чем дальше размышляю обо всем, что я видел здесь, тем больше подозреваю, что медицинские инструкции Департамента направлены не на лечение осужденных, а на их уничтожение.

...Интересно, а может ли тюремный врач сфальсифицировать несуществующий диагноз болезни на неугодного заключенного? Думаю, что может. Ведь благополучие этого врача зависит он начальника тюрьмы (колонии, СИЗО...). Если тюремный врач и не руководствуется корыстными интересами, то боится потерять рабочее место. Быть уволенным из-за какого-то зека? – ну уж, нет! Да и где еще найдет работу

«специалист», утративший квалификацию, разучившийся толком ставить диагнозы, забывший, что такое ответственность за жизнь и здоровье пациента?..

Сергей, о котором я писал в главе «Обращения...», так допек администрацию колонии постоянными требованиями соблюдения его законных прав, что тюремное начальство решило от него избавиться. Перевести строптивного зека в другую колонию – можно, но слишком хлопотно. Решение о таком переводе принимается в Киеве и должно иметь под собой веские причины. Не может же начальник колонии написать в столицу: «Да заберите же, бога ради, от меня этого паршивца, а то он достал всех своими жалобами!». Такое в Киеве могут и не понять... А вот написать, что человек болен и срочно нуждается в стационарном лечении, – другое дело. Кто там станет разбирать, болен этот зек, или нет?.. Прокурор? Прокурор скажет: извините, это не моя компетенция!

Вот такой липовый диагноз и состряпали на Сергея. Он успел отправить письмо матери и сообщить, что, возможно, скоро поедет по этапу. Благо, знакомые зеки, работавшие в службе, открыли ему зловещие планы «медкарателей». Впрочем, письмо Сергея все равно цензура не выпустила из колонии. Никто не лишил осужденного права переписки, – но, подобно вампирам, здешние должностные лица любят обдирать свои дела под покровом тьмы и тайны. Мать Сергея с большим опозданием узнала, что ее сын поехал в «оздоровительное турне».

Он сопротивлялся. Его, с применением силы и побоев, засунули в «воронку». Последовали пять дней изнурительного этапа. Транзитные, грязные, с крысами и тараканами камеры. Далее – в больницу. Поскольку Сергей не был болен ничем, его там и не лечили. Две недели просто продержали в камере больницы в Винницкой области. Потом врачи оформили какие-то документы, с содержанием коих пациента не ознакомили, и вновь – на этап.

Уже в «стольшине» Сергей спросил у солдата-конвоира, куда его везут? Оказалось – не в прежний лагерь, а в Луганскую тюрьму. Тут Сергей понял все! Врачи Винницкой больницы, выполняя пожелание администрации лагеря, мечтавшей избавиться от неудобного зека, состряпали на него новый диагноз; мол, у него обнаружено нарушение опорно-двигательного аппарата... Такие болезни зекам лечат только в Луганской области.

Еще два месяца изнурительного этапа. Хамство солдат в «стольшине» и в «воронках». Полуголодное существование. «Навороты» тюремщиков в тюрьмах Киева, Днепропетровска, Харькова, Донецка, Луганска... Сергею казалось, что его специально протащили по всем городам и весям Украины. Здоровья ему это явно не прибавило.

В Луганске повторилась та же история, что и в Виннице: его никто ни от чего не лечил, но продержали месяц. В конце концов нервы у Сергея не выдержали, он начал возмущаться и требовать возвращения в лагерь на постоянное место отсидки. Врачи, вроде бы, вняли его требованиям и начали оформлять на Сергея документы для перевода его в колонию № 20 г. Вольнянска... Но там как раз распложена всеукраинская психбольница для заключенных! Сергея «добрые» тюремные врачи быстренько сделали сумасшедшим!

Сергею повезло, что он об этом, чисто случайно, узнал. Попасть в лапы еще и украинской карательной психиатрии не входило в его планы, но предотвратить эту поездку он смог только одним способом – объявил голодовку и вскрыл себе вены. Одновременно ему удалось сообщить на волю о беззакониях и издевательствах, которым он подвергается.

Старенькая мама примчалась в Луганск. Устроила скандал в местном Департаменте УИН, написала письмо в Генеральную прокуратуру и Уполномоченному по правам человека. Там обещали разобраться и сделали запрос в Главный Департамент в Киеве. Лишь после этого Сергея оставили в покое. И «быстро» – через два месяца этапов, транзитных тюрем с крысами и тараканами, – в обратном порядке вернули в свой «родной» лагерь.

Там его вызвал на прием начальник оперчасти и, отвратительно улыбаясь, поинтересовался о здоровье. А потом, как бы невзначай, объяснил Сергею, что, если будет еще жаловаться и писать обращения, добиваясь справедливости, – вновь поедет в турне.

Я не знаю, чем закончилась эта история. Только, хорошо зная Сергея, уверен, что он не остановится и будет продолжать ставить на место наглых, упоенных своей безнаказанностью тюремщиков.

Вот так даже медицина служит дубиной в руках пенитенциарной системы и применяется для умышленного уничтожения украинцев, русских, татар и людей любой другой национальности, проживающих на этой многострадальной земле, ранее называвшейся Диким Полем, а теперь – Украиной.

Случай с Сергеем не единичен. Во Львовской тюрьме я встретил парня. Худощавый, высокий, крепкого телосложения, – с первого взгляда было видно, что спортсмен. Внимание привлекло то, что он плохо ходит. Познакомились ближе. Оказалось, что у него руки и ноги разрублены наручниками. Раны кровоточили и были наспех перебинтованы. Но мои предположения, что парень недавно прошел пыточные кабинеты милиции или СБУ, оказались неверными.

Ехал он по этапу из лагеря в Ровенской области. Везли его на «двадцатку» – всеукраинский дурдом. Как позже выяснилось, этот еще молодой мужчина, немногим более сорока лет от роду, действительно не в себе; в свое время прошел Афганистан, спецназ... Не исключено, что были контузии, отразившиеся на его психике. Однако в лагере он вел себя очень мирно, клеил модели парусников и получал от этого удовольствие. Он был спокоен до тех пор, пока вертухаи его не трогали. Когда же тюремщики, следуя своим привычкам перекраивать всех по своему отвратительному образу и подобию, начинали спецназовца «воспитывать», какой-то контакт в его голове заклинивал – и всех ментов-тюремщиков он начинал воспринимать, как врагов-

душманов. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Спецназовец просто бил ментов, как врагов народа. Они ничего с ним поделаться не могли.

Тогда подключили к процессу «перевоспитания» карательную психиатрию. Раз в год бывшего афганца возили в дурдом на принудительное лечение. Это оказалось тяжелым делом. Добром заставить этого человека влезть в «воронок» и ехать к палачам в белых халатах, было сложно...

В тот раз, когда я встретил его в боксике Львовской тюрьмы, он ехал не один. Вместе с ним ехали еще заключенные из того же лагеря. Они-то мне и рассказали, как спецназовца грузили в «воронок». В этом процессе участвовало двенадцать тюремщиков. И всех их этот человек раскидал, как щенков. Они не знали, что делать, готовы были применить оружие. Но на сей раз обошлось – спецназовца отравили нервно-паралитическим газом.

Он потерял сознание, но трусливые шакалы, уверен - не нюхавшие пороху! – даже к неподвижному телу боялись подойти... Чтобы было наверняка – применили еще и электрошок, и лишь после этого заковали руки и ноги в наручники. При этом, мстя за свой пережитый страх, они избили воина-афганца, лежавшего все еще без сознания... Пришел в себя он уже в «воронке». Пытался порвать кандалы, но безуспешно: они врезались ему в руки и ноги, разрубив кожу и мясо до костей.

Война – это, наверное, все же явление ненормальное, потому что почти всегда отрицательно влияет на психику. Не все выдерживают. Не говоря уж о том, что во время боевых действий солдаты часто получают контузии, травмы головы, химическое отравление... Но сейчас речь совсем о другом. О том, что в мирное, казалось бы, время антинародное украинское государство создало такие условия, когда бывший воин-интернационалист, который верой и правдой служил своей Великой Родине, сначала вынужден был совершить преступление, а затем – подвергся вот таким издевательствам! Говорят, что он сумасшедший... А само это государство – разве оно нормальное?

Не хочу называть имя и фамилию еще одного осужденного, чтобы не создать человеку новых неприятностей, расскажу только его историю. За время своей отсидки он уже несколько раз ездил «лечиться» в г. Вольнянск, в колонию № 20. Хотя, в отличие от того афганца, он совершенно здоров психически. Просто он очень оригинально выражает своей протест против произвола тюремщиков. Например, он аккуратно собрал в баночки совершенно несъедобный обед, которым кормили заключенных, пришел к первому заму колонии и вывалил эту, с позволения сказать, еду ему на стол. За это, по приказу разгневанного подполковника, медчасть сразу начала оформлять на осужденного документы в дурдома. Не любят работники пенитенциарной системы правду!

Читатель, что вы делаете, когда чувствуете недомогание? Вопрос может показаться странным. Конечно, вы собираетесь и спокойно идете в поликлинику. Там ваш участковый врач вас осматривает, ставит диагноз и назначает лечение. Если вам уж совсем худо – можно вызвать и «скорую»...

В колонии все не так. Каждый жилой барак окружен забором с колючей проволокой. За забором, возле здания барака, есть небольшая площадка для прогулок. Получается маленький лагерь внутри большого лагеря.

Называется это изобретение - «локальный сектор» или попросту «локалка». Дверь в «локалку» запирается на замок. Выйти просто так нельзя – за это можно получить десять суток карцера. Сделано это для того, чтобы заключенные из разных барakov не контактировали между собой. Смысла в этом нет никакого, потому что зеки все равно общаются друг с другом в столовой и на работе в промзоне. «Локалки» придумал какой-то садист лишь для того, чтобы лишний раз поиздеваться над людьми.

Вне «локалок» ходят вертухай-ключники – сержанты и прапорщики внутренней службы. В их обязанности входит открывать двери «локалок», когда заключенным нужно в индивидуальном порядке сходить в быткомбинат или в медсанчасть. Но вертухай-ключники либо сами ненавидят заключенных, либо получили приказ – *не пуцать!* А их твердолобость переходит все границы: вы не сможете упросить их открыть «локалку», даже если вас вызывает кто-то из лагерного начальства. Вертухай, видимо, опасаются, что, открыв вам дверь, уронят свое достоинство. Абсурд! Но это, кстати, наглядно доказывает, что работают в пенитенциарной системе (впрочем, как и во всей системе ПО) психически неполноценные люди. Это их закрывать надо в дурдом. А еще лучше – в «локалку»!

Но вернемся к походу в медчасть колонии. Почувствовав недомогание, вы битый час будете стоять под дверью «локалки» и звать вертухая-ключника. Сразу скажу – не всем везет. Иногда зеку так и не удастся выйти из «локалки». Но, допустим, вам повезло - вы вырвались из западни и идете в медчасть. Но самое смешное, что и это лагерное учреждение тоже обнесено забором, и тут тоже есть «локалка». Персонал медчасти заходит через другую дверь, но туда зекам дорога заказана.

Итак, вы имеет возможность перемещаться по территории лагеря – это плюс, но попасть в медчасть пока еще не можете – это минус. Плюс еще и в том, что возле санчасти не надо кричать, звать вертухаев-ключников, - вы их видите своими глазами. Они стадом кучкуются возле дежурной части колонии, как овцы, опасаящиеся волка. Но уговоры не сразу приносят результаты. При виде одинокого зека, которому что-то надо, овечки тут же становятся похожи сами на волков. Ведь им надо пройти целых 20 метров, чтобы открыть для вас дверь в медчасть! Самая обычная отговорка у них – то, что нет ключа. Врут, конечно! Но проверить вы этого не можете.

Ничего, продолжайте переговоры до тех пор, пока кто-то из них не снизойдет до вас. Вот ленивой медленной походкой он идет к двери в локалку медчасти... Надо видеть эту походку! Всем своим видом тюремщик демонстрирует, как он ненавидит вас, до какой степени ему плевать на ваше здоровье!..

Однако, ура! – вы почти у цели! Но тут вас ожидает очередной подводный риф. Прием ведет начальник медчасти. Он - единственный терапевт в этом заведении, но он – очень занятый человек! У него –

море неотложных дел! А если и нету их, то придумает - лишь бы не принимать зеков. То его еще нет, то он только что ушел, то «будет принимать через час»... и т.д.

Все эти ценные сведения вы получите от зека-дневального, который находится за закрытыми дверями, ведущими непосредственно к кабинету врача. Дневальный этот может дать фору любому прапорщику-вертухаю! Проверить, есть на самом деле врач в кабинете, или нет, вы опять-таки не можете. Теперь Ваше дело – ждать.

Большая удача, если вы все-таки попали на индивидуальный прием. Часть все происходит более «демократическим» образом. Начальник медчасти выходит, как солнышко, к зекам в накопитель и у всех спрашивает цель их прихода. Краснея от стыда, зеки называют свои болезни: геморрой, язва и т.д.

Врач сам решает, кого принять сейчас, а кого отложить на неопределенный срок. Все зависит не от тяжести заболевания, а от его прихоти. Можно два часа дожидаться у него приема, а потом услышать от дневального через дверь: «Викторович ушел и сегодня его не будет!».

Так работает не какой-то один начальник тюремной медчасти, - это, повторяю, типичная картина! Анекдот, когда доктор ломает пополам таблетку и говорит: «Вот это от головы, а это – от желудка, смотри не перепутай», становится тупой явью.

Откуда такая ненависть и отсутствие сострадания к людям? Ведь речь идет все-таки не о тюремщиках, а о *врачах*! Единственное объяснение: медицина в местах лишения свободы и не ставит своей целью лечение осужденных.

Зеки, которые это поняли, и не ходят лечиться в тюремную медчасть. Лечатся сами, теми медикаментами, что им присылают родители. Или вообще не лечатся. Отсюда и высокая смертность.

Заключение. Государственная машина

Почему же все-таки мы имеем именно такую правоохранительную систему, прокуратуру, СБУ?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить научное определение «государства». Многие поколения политологов и социологов бились над этим вопросом. Появлялись различные определения, но они либо были неполными, либо скрывали одну из сторон реальной действительности.

Убежден, что самое верное определение государства – марксистское. Государство есть вооруженный чиновничий аппарат, служащий господствующему классу и выполняющий роль подавления, усмирения других общественных классов, общественных прослоек и внеклассовых элементов.

Другими словами, господствующий в данный момент общественный класс выдвигает из своих рядов или нанимает специалистов, которые работают президентами, министрами, прокурорами, судьями, начальниками тюрем... Те уже подбирают себе помощников, заместителей, охранников, рядовых полицейских, тюремщиков и т.п. Их руками господствующий класс проводит в жизнь свою экономическую, социальную и идеологическую политику.

Чтобы определить, какой класс находится у власти в Украине, необходимо внимательно рассмотреть также социальный состав депутатов Верховной Рады. 90% этих «слуг народа» - представители крупной буржуазии, собственники промышленных предприятий, концернов, целых промышленных групп... Или эти группы их просто наняли, оплатив их избирательную кампанию. Почти все эти «слуги» уже стали долларовыми миллионерами.

Партия «Наша Украина» с президентом Ющенко во главе, мелкие националистические партии, БЮТ – представляют интересы украинских банкиров и владельцев предприятий Центра Украины, даже целых отраслей. Например, Петр Порошенко – владелец практически всех сахарных заводов и фирмы «Рошен», производящей шоколад, конфеты и другие сладости.

Партия Регионов, СПУ – это промышленность Востока...

Итак, законодательная ветвь власти в Украине – это клуб промышленных и финансовых олигархов.

Лишь КПУ формально защищает интересы угнетенного класса. Но она в парламенте в меньшинстве, влиять на ход законодательства не может и вынуждена блокироваться с партиями крупного бизнеса. Чем только дискредитирует себя и еще более теряет свое влияние.

Верховная Рада, согласно Конституции, формирует все остальные ветви власти – и исполнительную, и судебную. В Кабинете министров заседают буквально министры-капиталисты. Судьи, прокуратура, СБУ, милиция – это наймиты олигархов.

Хотя и они и сами не прочь занять свой бизнес. Плевать на то, что по закону им запрещено заниматься предпринимательством! Частный магазинчик можно оформить и на жену, и на тещу. А сами с удовольствием «крышуют» предпринимателей. Рэкет, заказные убийства банкиров и директоров заводов – это уже стало чуть ли не обычной функцией СБУ и МВД.

Итак, у власти в Украине – крупный олигархический капитал. Его задача – эксплуатировать наемных работников, выжимая из них все соки и увеличивая свои доходы и благосостояние.

Жестокой эксплуатации подвергается весь трудовой народ. И олигархи справедливо опасаются социального взрыва – мятежей, бунтов, общеукраинских стачек... Вот для того, чтобы оградить себя и свои капиталы, власть имущие и содержат свои правоохранительные органы.

Борьба с преступностью у буржуазии стоит даже не на втором, а на самом последнем плане!

Преступность – явление социальное. Она зарождается там, где царит нищета, безработица, социальное неравенство. Преступность – следствие алкоголизма и наркомании, а пьют и травят себя наркотиками люди не от хорошей жизни. От горя и безысходности.

Может ли буржуазия эффективно бороться с тем явлением, которое сама порождает?

Бездушная карусель капиталистической рекламы сама популяризирует спиртные напитки. Сотрудники ПО не борются с незаконным оборотом наркотиков. Напротив, они нередко крышуют наркодиллеров, собирая с них дань. Знаю случаи, когда «правоохранители» и сами привозят им наркотики, изъятые в ходе рейдов.

Если какого-то наркобарона и садят ненадолго в тюрьму, то лишь для отвода глаз. Такие преступники очень быстро выходят снова на свободы, - ведь у них много денег, а при капитализме деньги решают все!

Многие из сотрудников ПО сами употребляют наркотики, завозят зелье в колонии и тюрьмы.

Фактически буржуазное государство не борется с преступностью, а ее культивирует. *Этому* государству не нужен трезвый, сильный, гордый человек: таким человеком трудно управлять! А вот пьяными, голодными, безработными людьми легко управлять, их можно заставить работать за половину зарплаты, а за коммунальные услуги платить непомерную цену. Их можно оставить без полноценного образования, дать им низкопробные зрелища вместо истинной культуры, убедить на выборах проголосовать за «нужного» кандидата... Если же эти бедолаги совершат преступление, - так в местах лишения свободы их вообще заставят бесплатно вкалывать, пополняя кубышку капиталистов!

Но взбунтоваться могут и самые темные, бесправные и безграмотные люди. Поэтому карательная система государства избивает, пытается, ломает людей.

Впрочем, нередко и случаи избиения обычных граждан, которые вовсе не собирались бунтовать. В нынешней Украине такое можно наблюдать прямо на улице. Сотрудники милиции могут кинуть лицом в асфальт ни в чем не повинного человека, который чем-то случайно вызвал их подозрения.

Задача карательной системы («правоохранителями» можно их назвать только в кавычках) – запугать людей, натравить друг на друга, низвести до состояния животных, подавить в их душах желание бороться за справедливость.

Антинародное государство порождает преступность всей своей экономической политикой. А потом натравливает на людей своих цепных псов – СБУ и МВД. Так замыкается порочный круг.

В начале XXI века в функции карательной системы прочно вошло и преследование оппозиционеров.

Убийство журналиста Георгия Гангадзе потрясло все наше общество. На скамье подсудимых – сотрудники МВД... Но заказчики преступления так и не найдены. А исполнители, я уверен, скоро будут оправданы.

Те, кто побывал в местах лишения свободы, не встретили за решеткой ни одного из представителей крупной олигархической буржуазии. Свои своих не садят! В крайнем случае, вы увидите среди осужденных представителей малого и среднего бизнеса. Они, чтобы выжить в этом государстве, вынуждены заниматься аферами, уклоняться от налогов и т.д. Но экономические законы капитализма еще более неумолимы. Чем законы уголовные: сильные пожирают слабых... В итоге слабые (то есть небогатые) часто оказываются на скамье подсудимых. Карательная госмашина перемальвает их в лагерную пыль, так же, как рабочих, крестьян и деклассированных люмпенов.

При этом власть твердит нам с экранов телевизоров о «расцвете демократии». Да, в определенном смысле, у нас именно демократия! Так же, как две тысячи лет назад в Древней Греции была демократия для рабовладельцев, а все прочие слои населения не имели гражданских прав. Рабы и вовсе приравнивались к орудиям труда.

А у нас к живым орудиям труда приравниваются все наемные работники производственной сферы! И, чтобы держать их в послушании, в ужасе, в вечном напряжении – государству нужна карательная система ПО. Причем, государству выгодно иметь в рядах этих организаций морально неполноценных личностей – палачей и коррупционеров.

Что же делать в данной ситуации народу Украины? Сколько можно писать жалобы в государственные структуры на действия других государственных структур?! *Такое* государство не сдаст своих верных псов ради счастья каких-то там плебеев.

Но и молча терпеть издевательства невозможно. Ведь наша покорность и безответность порождает еще больше репрессий против народа.

На мой взгляд, выход один. Чтобы остановить беззаконие и террор со стороны госаппарата, ответ должен быть адекватный! К сожалению, другого выхода нет.

Необходимо понять одно: государство в том виде, в котором оно существует сейчас, - это враг народа, лютый и беспощадный враг всего прогрессивного и доброго. А правоохранительная система - карательный отряд этого государства.

И еще люди должны понять, что принцип «моя хата с краю» - губительный для всех нас. Нет чужого горя! Если запытали до смерти в райотделе милиции сына твоего соседа, - не делай вид, будто ничего не произошло. Помни – твой сын следующий.

Система никого не щадит, сколько ни кланяйся ей. Но, кроме законов, созданных правящей элитой для защиты себя и своих несправедливо нажитых капиталов, есть еще и объективные законы развития общества. По этим законам рано или поздно будут отвечать все – и рядовые тюремщики, и судьи, и прокуроры, и те, кто прячется за их спиной, надеясь остаться в тени.

Михаил Волин
2009 год

